

ПѢСНИ

собранныя П. В. Кирѣевскимъ.

Новая серія.

Изданы

Обществомъ Любителей Российской Словесности при Московскомъ
Университетѣ

подъ РЕДАКЦІЕЙ дѣйствительнаго члена Общества
проф. М. Н. Сперанскаго.

Выпускъ II, часть I.

(Пѣсни необрядовыя).

ПАМЯТИ

ДѢИСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА

АКАДЕМИКА

Всеволода Федоровича

Миллера.

Предисловіе.

Второй выпускъ новой серии „Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, издаваемыхъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности, согласно общему плану, принятому редакціей, долженъ заключать въ себѣ *необрядовыя* пѣсни собранія П. В. Кирѣевскаго. Въ составъ этого выпуска предположено было помѣстить около 3000 пѣсень, находящихся главнымъ образомъ въ 15 папкахъ четвертой группы собранія П. В. К—аго (см. вып. I, стр. LXII—LXXII), поскольку материалъ этотъ не былъ использованъ первымъ выпускомъ той же серии и въ болѣе раннихъ изданіяхъ Общества („Пѣсни, собр. П. В. К—имъ“ М. 1868—74 и „Калѣки перехожіе“ М. 1861—64), при чемъ въ изданіе также не предполагалось включать немногія пѣсни невеликорусскія (малорусскія и бѣлорусскія), сохранившіяся въ собраніи*), а также единичныя записи не-пѣсенного характера (отдѣльныя записи сказокъ, мѣстныхъ словъ и т. п.).

Весь подлежащий изданію материалъ по внимательномъ его изученіи распределенъ по его характеру и достоинству на слѣдующія четыре категоріи: 1) пѣсни, имѣющія совершенно точное указаніе на ихъ происхожденіе, т. е. такія, гдѣ въ рукописяхъ собранія, чистовыхъ или черновыхъ, точно опредѣлено, кѣмъ, когда и гдѣ записана та или иная пѣсня или группа ихъ; 2) пѣсни съ недостаточно точными указаніями на ихъ происхожденіе въ собраніи Кирѣевскаго—сравнительно небольшая группа, дополняющая собою предыдущую; 3) пѣсни на рукописяхъ коихъ нѣть никакихъ указаній на ихъ происхожденіе—группа весьма значительная; 4) пѣсни, выписанныя П. В. К—имъ и его корреспондентами въ качествѣ народныхъ изъ старинныхъ печатныхъ пѣсенниковъ, бывшихъ въ распоряженіи собирателей, а также изъ кое-какихъ иныхъ изданій**).

*) Малорусскія пѣсни въ записяхъ Н. В. Гоголя, сохранившіяся въ собраніи П. В. К—аго, изданы въ Сборникѣ Историко-филологического Общества при Нѣжинскомъ И.-Ф. Институтѣ, вып. VIIP (1912 г.); *M. Сперанскій*, „Къ исторіи собранія пѣсень Н. В. Гоголя“.

**) Насколько можно было установить по замѣткамъ и указаніямъ самихъ рукописей собранія, выборка для собранія производилась изъ слѣдующихъ изданій: „Новый Россійскій пѣсенникъ, издѣліемъ И. К. Ш. и Т. П.“ 1791 г., „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ П. Ш.“ изд. Глазуновымъ, М. 1819 г., „Жизнь Ваньки Каина“ 1788., „Русское національное пѣснопѣніе“, М. 1816 г., „Всеобщій новоизбранный пѣсенникъ“ 1805 г., Новиковскій „Пѣсенникъ“ 1780 г., „Московскій и Санктпетербургскій пѣсенникъ“ Рѣшетникова, 1799 или 1803 г., „Пѣсни русскаго народа“ собр. И. П. Сахаровымъ, 1839 г.

Таковъ долженъ быть составъ второго выпуска „новой серіи“ „Пѣсенъ К-аго“. Тяжелыя условія настоящаго времени, не нормальное положеніе печатного дѣла побудили Общество отложить полное осуществленіе въ печати второго выпуска до болѣе благопріятнаго времени и выпустить въ свѣтъ ту его часть, которая болѣе или менѣе закончена печатаніемъ къ настоящему моменту; поэтому появляющійся теперь матеріалъ собранія П. В. К-аго составляеть лишь первую часть второго выпуска.

Въ эту часть вошли только первая изъ четырехъ категорій пѣсень, да и то не цѣликомъ: согласно принятому расположению пѣсенного матеріала, сюда могли войти пѣспи только изъ слѣдующихъ девяти губерній: Архангельской, Вологодской, Пермской, Олонецкой, Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской и Московской, всего—около 450 пѣсень.

По отношенію къ печатанію самыхъ текстовъ пѣсень примѣнены тѣ же пріемы, чтѣ и въ первомъ выпускѣ (см. вып. I, стр. 3 статьи В. Ф. Миллера). Вошедшіе въ издаваемую часть пѣсни доставлены въ собраніе П. В. К-аго тѣми же его корреспондентами, которые участвовали и въ первомъ выпускѣ: П. Н. Базилевскимъ, А. Борисовымъ, Н. С. Селивановскимъ, П. В. Туринымъ, А. М. Тургеневымъ*); но здѣсь выдѣляются по количеству также записи и самого П. В. Кирѣевскаго: почти всѣ Новгородскія и значительная часть Московскихъ пѣсень записаны имъ.

Настоящій выпускъ, его планъ, былъ выработанъ еще при участіи В. Ф. Миллера († 5 ноября 1913); осуществленіе же этого плана выпало на долю нижеподписавшагося, который съ своей стороны считаетъ долгомъ принести благодарность Еленѣ Николаевнѣ Елеонской, въ многомъ оказавшѣй помощь редактору при разборѣ и подготовленіи къ печати сырого матеріала собранія Кирѣевскаго.

М. Сперанскій.

10 окт. 1917.

*) См. вып. I, стр. XLIX.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Cmp.

ПѢСНИ НЕОБРЯДОВЫЯ.

ПЪСНИ НЕОБРЯДОВЫЯ.

I. Архангельской губерніи.

а) г. Холмогоры.

1173 (1).

Куревушка, куревà
Закутила, замела
Всё дорожки, всё пути,—
Нельзя къ милому итти.
Пошла по дрова —
Съ милымъ свидѣлася,
На ключъ по воду пошла—
Поздоровалася:
„Здравствуй, миленькой дружокъ!
Ко мнѣ въ гости гости!
Да подалече садися!
Ужъ какъ нынѣши люди
Догадливые,
Переводливые:
Накутять, намутять,
Съ тобой, милой, разлучать“.

1174 (2). *)

Трубка вилася, вилася,
Вывела сестру—приголубку;
Садилася голубка на лавку,
На лавочку подъ окошко.
Прилетѣла голубокъ на окошко,
Началъ голубокъ ворковати,
Всякима ***) ясаками ***),
Молодецкими словесами.

*) При каждомъ почти стихѣ и послѣ: *ой люли*,
прибавляютъ слово: *да*.—*Собир.*

**) Здѣсь въ творительномъ падежѣ множ. числа
въ именахъ прилагательныхъ употребляютъ всегда
двойственное число.—*Собир.*

***) Ясакъ—языкъ, нарѣчіе.—*Собир.*

1175 (3).

Ахъ, по помосту, мосту
По калиновому,
Ай люли, ай люли, по калиновому.
По второму то мосточку
По малиновому,
Ай люли, ай люли, по малиновому.
Туда шолъ, прошолъ
Молодой бурлакъ,
Ай люли, ай люли, молодой бурлакъ.
Молодой бурлакъ—
Голубой кафтанъ.
Ай люли, ай люли, голубой кафтанъ.
Изъ семи шелковъ кушакъ,
Опоясавшись не такъ,
Ай люли, ай люли, опоясавшись не такъ.
Опоясавшись не такъ—
Золотымъ кистьемъ назадъ.
Ай люли, ай люли, золотымъ кистьемъ на-
Полы машутся, [задъ].
Раздуваются;
Ай люли, ай люли, раздуваются.
Подъ косящтымъ оконѣмъ
Дѣвка ткала полотно.
Ай люли, ай люли, дѣвка ткала полотно.
Дѣвка ткала и катала,
За окошко опускала:
Ай люли, ай люли, за окошко опускала.
„Полѣзай милой въ окно—
Не сорвется полотно“!
Ай люли, ай люли, не сорвется полотно!

У сосѣда изъ окна
Увидали молодца.

Ай люли, ай люли, увидали молодца.
Не купецкій молодецъ
Но начамъ въ окошко лѣзъ.

Ай люли, ай люли, по начамъ въ окошко
У него денегъ на малѣ, [лѣзъ].
Одинъ рублишечъ въ карманѣ.

Ай люли, ай люли, одинъ рублишечъ въ
Рубля денегъ не берутъ, [карманѣ].
Къ городничему ведутъ.

Ай люли, ай люли, къ городничему ведутъ.
Городничій господинъ

За столомъ сидить единъ,

Ай люли, ай люли, за столомъ сидить единъ.
Онъ не судить, онъ не рядить,
Только денежки береть,

Ай люли, ай люли, только денежки береть,
Только денежки береть,
Вину на дѣвицу кладеть.

Ай люли, ай люли, вину на дѣвицу кладеть.

1176 (6).

Какъ у моего милаго 2.

Два сада зеленыхъ: 2.

Во первомъ саду, садочкѣ 2

Кокуетъ кокуша, 2.

Во второмъ саду садочкѣ 2.

Поетъ пташа—итица, 2

Поетъ иташица прекрасно 2

Разнымы голосочкомъ. 2

Я спишу ли голосочикъ 2

На тонкой листочикъ, 2

Что на тоненькой листочикъ, 2

На бѣлу бумажку. 2

Отошлю ли я листочикъ 2

Въ дальній городочикъ, 2

Что во дальній городочикъ 2

Къ своему милому: 2

„Ты позволь ка, моя радость, 2

Хорошо ходити“. 2

— Ты ходи, ходи, милая, 2

Ходи хорошенъко! 2.

Ты умойся, убѣлися, 2

Баско снарядися! 2

Не ходи, моя милая, 2

Къ сосѣду въ бесѣду: 2.

У сосѣда на бесѣдѣ 2

Все сидять холосты. 2.

У холоста глаза остры, 2

Сами завидущи; 2

Холость глазикомъ поводить, 2

Изъ ума выводить, 2
Чорны брови надымаеть, 2

На дворъ вызываетъ; 2.

Онъ на дворикъ вызываетъ, 2

Подарокъ желаеть, 2

Подарочекъ онъ желаеть 2

Персидскаго платы. 2

А я тебѣ подарю-то 2

Золото колечко.— 2.

1177 (5).

Ты сударушка моя!
Вечоръ былъ я у тебя,
Не узнала ты меня,
Не узнала, опознала,
Отъ себя прочь отсылала.
Какъ мое сердце болить,
Отойти прочь не велить,
Не велить прочь отойти:
Велить дѣвицу любить,
Велить дѣвицу любить,
Во деревенюшку ходить.

— Что деревня отъ деревни
Не подалече стоять;
Не подалече стоять—
Промежду рѣч(ъ)ка бѣжитъ;
Тонка жердочка лежить,
Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькой,
Я по тоненькой,
По еловенькой.

Тонка жердочка гнется
Да не ломится:
Хорошо съ милымъ водиться,
Да не стошнится;

Хоть и стошнится,
Разгуляюсь я пойду:
Пойду, выйду молода
За новыя ворота.
Выпускала сокола
Изъ праваго рукава;
На полетикѣ соколику
Наказывала,
Я наказывала,
Наговаривала:

„Полети ты, мой соколь,
Высоко и далеко,
Что высоко и далеко—
На родиму сторону;
На родимой-то сторонкѣ
Грозенъ батюшка живетъ;
Онъ грозенъ, грозенъ, грозенъ
Да не милостивъ:
Не спускать молодешеньку

На улицу гулять,
Со ребятами играть,
Съ молодежью говорить".
Я не слушаю отца,
А потѣшу молодца;
Я за то его потѣшу,
Зовутъ Ванющею,
Зовутъ Ванющею,
Пивоварушою.
Пивоваръ пиво вариль,
Зелено вино куриль,
Зелено вино куриль,
Красныхъ дѣвушекъ любилъ.

1178 (6).

На улѣцѣ, на улѣцѣ,
На улѣцѣ бѣль козель,
Бѣль козель, бѣль козель 2.
Скочилъ козель, вскочилъ козель,
Вскочилъ козель въ огородъ,
Въ огородъ, въ огородъ, 2
Стопталъ козель, стопталъ козель,
Стопталъ козель лукъ, чеснокъ,
Лукъ чеснокъ, лукъ чеснокъ; 2.
Едной травки, едной травки,
Едной травки не стопталъ;
Не стопталъ, не стопталъ, 2.
Едной травки, едной травки,
Едной травки муравой,
Муравой, муравой. 2.
Шла дѣвица, шла дѣвица,
Шла дѣвица за водой,
За водой, за водой, 2.
За холодной, за холодной,
За холодной ключевой,
Ключевой, ключевой; 2.
Брала козла, брала козла,
Брала козла за рога,
За рога, за рога; 2.
"Поведу я, поведу я,
Поведу я на базарь,
На базарь, на базарь, 2.
Промѣняю, промѣняю,
Промѣняю на товаръ,
На товаръ, на товаръ: 2.
На алѣя, на алѣя,
На алѣя румяна,
Румяна, румяна, 2.
На бѣлѣя, на бѣлѣя,
На бѣлѣя бѣлила,
Бѣлила, бѣлила". 2.
—Отъ чего же, отъ-чего же,
Отъ чего же ты ала,
Алѣшенька ала?—2.

„Сударь, печку, сударь, печку,
Сударь, печку топила,
Топила, топила, 2.
Противъ печки, противъ печки,
Противъ печки стояла,
Стояла, стояла, 2.
Жаромъ лицо, жаромъ лицо,
Жаромъ лицо на жгала,
Нажгала, нажгала". 2. *)
Отъ чего же, отъ чего же,
Отъ чего же ты бѣла,
Бѣлѣшенька бѣла?— 2.
„Сударь, мучку, сударь, мучку,
Сударь, мучку сѣяла,
Сѣяла, сѣяла". 2.

*) Нажталѣ—нажгла. Собир.

1179 (7).

Иванушка травку кбисль,
Косы поломались;
Косы, косы поломались—
Во кусты бросали:
Что сказали про дѣвицу,
Небыль, небылицу,
Будто я красна дѣвица
По молодцѣ тужу.
— Не тужи, красна дѣвица!
Тебя не забуду:
Случай будеть въ Питеръ ѿхать,
Привезу подарокъ,
Привезу, душа, подарокъ—
Золото колечко,
Золото ли то колечко
Ко краснѣ крылечку.
Пойдешь, выйдешь на крылечко,
Брякнешь во колечко
Стукнешь, брякнешь во колечко.
Растоскуется сердечко.
Заплещешь тоску кручину,
Коню въ сиву граву;
Сивой, ивой конь поткнется,
Грава растрехнется,
Сива грава растрехнется,
Тоска распадется.
Разойдись тоска, кручина,
По чистому полю!
Заростай, тоска, кручина,
Травой муравою,
Травой, травой муравою,
Разными цвѣтами.
На улицѣ три молодца
Совѣтъ совѣтали,
Совѣтъ, совѣтъ совѣтали,

Жеребій метали:
 Кому деньги, кому платье,
 Кому красна дѣвка?
 Оставались деньги Мишкѣ,
 Цвѣтно платье Гришкѣ,
 Доставалась красна дѣвка
 Дружку-Иванушку.
 Пошел Гришка осердился,
 Съ Мишкой не простился,
 А Ванюшка удалой
 Пошолъ—веселился.

1180 (8).

У Пенькова, у Пенькова,
 У Пенькова у купца,
 Хорошая моя, пригожая моя!
 У Пенькова у купца
 Была дочь хороша,
 Хорошая моя, пригожая моя!
 Была дочь хороша,
 Свѣтъ-Дуняша душа.
 Хорошая моя и проч.
 Какъ повадилась Дуняша
 Въ особыхъ спальни спать
 Хорошая моя...

Съ едной нянюшкою,
 Со Татьянушкою
 Хорошая моя...
 Со Пенькова со двора
 Младый принцъ пріѣзжалъ,
 Хорошая моя...
 Младый принцъ пріѣзжалъ,
 Штофикъ рому привозилъ,
 Хорошая моя...
 Штофикъ рому привозилъ,
 Таню пьяной напоилъ,
 Хорошая моя...

Таню пьяной напоилъ,
 Авдотьюшку угостила,
 Хорошая моя...
 Авдотьюшку угостила,
 Онъ съ собой гулять возилъ.
 Хорошая моя...
 Родной батюшка хватился,
 По всѣмъ горницамъ бросился,
 Хорошая моя...
 По всѣмъ горницамъ бросился,
 У сосѣдей колотился:
 Хорошая моя...

„Вы сосѣди, вы сосѣди,
 Вы сосѣдушки мои!
 Хорошая моя...
 Не видали ли, сосѣди,
 Вы Дуняши моей“?

Хорошая моя...
 — Мы видать-то не видали,
 Только слышали про ней:

Хорошая моя...
 Спить у принца на руки
 На суконномъ рукавѣ.—

Хорошая моя...
 Родный батюшка идетъ,
 Вдоль по улицы ведеть.

Хорошая моя...
 Вдоль по улицы ведеть,
 По бѣлому лицу бѣть,

Хорошая моя...
 По бѣлому лицу бѣть,
 Приговариваетъ:

Хорошая моя...
 „Ты не будь такова,
 Какъ моя прежня жена,

Хорошая моя...
 Какъ моя прежня жена,
 Твоя матушка родна!“

Хорошая моя, пригожая моя!

1181 (9).

На угорышкѣ часовенька стояла,
 Да стояла, стояла, стояла;
 Черезъ рѣчку черемушка лежала,
 Да лежала, лежала, лежала.
 Что никто по той черемушкѣ не пройдетъ,
 Да не пройдетъ, пройдетъ пройдетъ?
 Да вѣ ягодки переходить,
 Переходить, переходить, переходить,
 Да наливныя переходить,
 Переходить, переходить, переходить.
 Еще Федоръ Катерину переводить,
 Переводить, переводить, переводить:
 „Ужъ ты, Катенька, не свалнся,
 Не свалися, свалися, не свалися,
 За сибирочку задержися,
 Задержися, задержися, задержися!“
 Чтобы Катенька не упала,
 Не упала, не упала, не упала,
 Она къ Федору въ семью попала
 Да попала, попала, попала,
 Что во эту семью таровату,
 Таровату, таровату, таровату *),
 Во природушку вожевату,
 Вожевату, вожевату, вожевату **).

*) Тароватый — ласковый, обходительный, щедрый, не скрой.—*Собир.*

**) Вожеватый — гостепріимчивый, любящій волить гостьбу, т. е. быть самому въ гостяхъ и щѣ себѣ гостей принимать.—*Собир.*

1182 (10).

По морю корабличекъ бѣжалъ—таки бѣжалъ,
Ай люли, ай люли, онъ бѣжалъ—таки бѣ-
жаль.
Во корабличкѣ Васильюшко игралъ—таки
игралъ:
Ай люли, ай люли, онъ игралъ—таки
игралъ
Понграйте, гусли мысли, вы теперечи при мнѣ:
Ай люли, ай люли, вы теперичи при мнѣ!
Вы теперичи при мнѣ—при Васильѣ молодцѣ!
Ай люли, ай люли, при Васильѣ молодцѣ.
Васильѣва мать Ирина таки рѣчи говоритьъ:
Ай люли, ай люли, таки рѣчи говоритьъ.
— Полно, Вася, ты гулять, ко вдовушки по-
бывать,
Ай люли, ай люли, ко вдовушки побывать.
У вдовушки дочь хорошую любить—таки
любить.
Ай люли, ай люли, дочь любить—таки лю-
бить.
Родимая моя мать, тебѣ меня не унять
Ай люли, ай люли, тебѣ меня не унять.
За быстру рѣчку гулять, ко вдовушки побы-
ватель,
Ай люли, ай люли ко вдовушки побывать.
У вдовушки дочь хорошую любить—таки
любить:
Ай люли, ай люли, дочь любить—таки
любить.
Брови черны соболины, очи ясны соколины,
Ай люли, ай люли, очи ясны соколины,
Ей походочка павина, тиха рѣчь лебедина,
Ай люли, ай люли, тиха рѣчь лебедина,
Она баетъ, разсыпаетъ, какъ погодой посы-
паетъ,
Ай люли, ай люли, какъ погодой посыпаетъ.
Хоть погодой посыпаетъ, Васю мать не по-
такаетъ,
Ай люли, ай люли, Васю мать не пота-
каетъ.

1183 (11).

Мой сизой голубчикѣ!
Ты зачѣмъ, для чего
Въ садикѣ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ
Сизаго относитъ,
Частымъ дождемъ
Крылья, перья мочить.
Мой миленькой,
Мой милой дружочикѣ!

Ты почто, для чего
Рѣдко въ гости ходишь?
Твой отецъ и мать
Тебя не спускаютъ,
Твой родъ—племя
Тебѣ запрещаютъ.
Удалой молодчикъ
Сидѣль, посидѣль
Во темной темницѣ;
У той у темной,
У темной темницы
Ни дверей нѣту,
Нѣту ни оконекъ;
Еще въ ней нѣту
Ни красна крылечка,—
Только есть одна
Труба дымовая;
Изъ той изъ трубы
Дымъ-отъ повѣваетъ.
Меня молоду
Горе разбираеть:
Пойду молода
Съ горя въ зеленъ садикъ;
Пойду, возьму я
Ключи золотые,
Отопру я сундуки,
Ларицы кованые,
Возьму денегъ я
Ровно сорокъ тысячъ;
Стану дружка я
Дружка выкупати,
Изъ неволюшки
Его выручати.
Охъ! грозенъ судья,
Судья воевода!
Моєя казны
Казны не примаетъ.
Меня молоду
Горе разбираеть:
Пойду молода
Съ горя въ чисто поле,
Пойду, нарву я
Лютаго кореня,
Буду, стану я
Судью опоити.

1184 (12).

По дороженьки
По широкія,
По широкія,
По московскія
Туда шла, прошла
Сила армія,
Сила армія—

Конна гвардія:
Три полка, солдатъ—
Все молодые,
Все молодые,
Безбородые.
Впереди полка
Знамена несутъ,
Знамена несутъ,
Артикуль мечутъ;
Ружье свѣтлое,
Замки крѣпкіе, 2.
Кремни острые.
Замки сбрыкали—
Солдаты всплакали,
Во походъ пошли,
Во дороженьку,
Хоть не въ дальнюю,
Во печальную
На сраженьцо,

На ученьцо.
Гдѣ, ребятушки,
День-то намъ дневать 2.
Да ночь коротать?
Во темномъ лѣсу,
Во сыромъ бору,
Все подъ сосновами,
Нодъ жаровыми, 2.
Подъ кудрявыми.
Намъ постелюшко—
Мать сыра земля
Намъ зголовъцо
Зло кореньцо
Одѣялышко—
Вѣтры буйные.

Пѣсни 1173—1184 записаны П. И. Базилевскимъ въ 1843 г. На нѣкоторыхъ надписы: „Вечериночная“. Пѣсни 1183—4 названы: „Мѣстная—общенародная“—Ред.

б) г. Мезень.

1185 (1).

Уточка, поплавай-ка
Сизая со селезнемъ.
Сизъ косматъ со утицей,
Молодецъ—со дѣвицей.
Радь бы я поплавати:
Угорѣль, голова моя болить.
Головку платкомъ свяжу,
Платочкомъ Тальянскимъ,
Рукавцемъ Бѣльянскимъ,
Самъ я изъ круга вонъ пойду
По душу, по красну дѣвицу.
Я за дѣвицей пошоль,
За красавицей пошоль.
Я зайду съ бочка,
Погляжу съ личка,
Какъ на яблочка.
Ужъ я дѣвицу возьму,
За собой поведу.

1186 (2).

Сколько на печи печины,
Столько на сердцѣ кручины.
Сковородочка въ печи,
Сковородникъ на печи.
Ты не много хлопочи:
Десяточка два, три
Блинковъ испечи.
Двое ходятъ, двое бродятъ,

Двое сойдутся,
Двое обоймутся,
Подѣлуются;
По старому закону
Четыре накона,
А сейчасъ пришелъ указъ
Цѣловаться пять разъ *).

*) Или: отказъ.—Собир.

1187 (3).

Ты голуба, ты голуба молодецъ!
У голубы столбы точоные,
Вереюшки цозолоченые,
Ворота были хрустального стекла,
Подворотенка изъ чиста серебра.
Подворотенка на камешкѣ стоять,
Изъ-подъ камешка быстра рѣчка течеть.
По ту сторону мой миленькой идетъ:
Онъ идетъ, душа,—не тряхнется,
Переступить—не ворохнется;
На круту гору вздымается,
До дѣвицы добирается,
Со дѣвицей распрощается.

1188 (4).

Чарочка моя серебряная,
На золотѣ блюдѣ расписанная!
Кому чару пить, кому выпивать,

Кому вторую наливать?
 Что не въ лѣсѣ трава разстилается:
 Наши буйные головки приклоняются.—
 Конь подъ нами, дѣвка съ нами;
 Пошла Маша за дарами;
 Акулина—за ведрами.
 Стоитъ чара передъ нами,
 Передъ нами, молодцами,
 Передъ нашими устами.
 На што мнѣ, по што мнѣ?
 Дѣвица миленька,
 Лицомъ бѣленъка,
 Брови черненьки, уста хороши,
 Цѣловать можно безденежно.
 Куплю сахару на рубль,
 Поцѣлую какъ-нибудь;
 Не куплю и на пятакъ,
 Поцѣлую дѣвку такъ.

1189 (5).

Летить, летить воробеюши,
 Извивается молодешенекъ
 Онъ ко дѣвицѣ на воротечко:
 Я воротечко отопру,
 Подворотенку выставлю,
 Красну дѣвицу выведу
 За правую за ручку,
 За злаченъ перстинь.
 Куда утка ушла.
 Туда пыль прошла.
 Куда я молода,
 Туда рожь густа,
 Густа, часта,
 Намолотиста,
 Наколотиста:
 Ужъ и семь четвертей
 Съ четвертушечкою,
 Съ осьмушечкою.
 Ты ори, ори, ори, мѣщанской сынь,
 Ты по пенью ори, по колодью ори.
 Соха остра, борона часта:
 Мнѣ орать нельзя.

1190 (6).

Соловей, мой соловей,
 Сизокрылой молодой,
 Чернобровой веселой!
 Ты не вей, не вей гнѣзда
 Край дорожки, край пути,
 На ракитовомъ кусту,
 На малиновомъ листу.
 Кабы кустышекъ не миль,
 Соловей гнѣзда не виль,

Малыхъ дѣтокъ не плодилъ:
 Кабы дѣвка не мила,
 Не любилъ бы я тебя,
 Цаловалъ, миловалъ,
 Колечушкомъ даровалъ.
 Серебряно колечко
 Печеть мое сердечко,
 Съ позолотой перстенекъ:
 Сушить, крушить друженекъ.
 У меня молодой три забавы великихъ—
 Есть три ленты широкихъ:
 Первая лента алая,
 Есть печаль не малая;
 Вторая лента вишная,
 Прошла слава лишная;
 Третья лента со кистьми,
 Ёдетъ милый со вѣстыми.

1191 (7).

Въ воскресеньице видѣлъ сударыню свою,
 Въ понедѣльникъ влюбился,
 Весь ввторникъ страдаль,
 Въ среду думаль самъ себѣ:
 Не пожалуетъ ли ко мнѣ?
 Въ четвертокъ моя любезна
 Отписала мнѣ назадъ:
 „Сколько въ радости не буду,
 Скажи, вѣчно не забуду“.
 Въ пятокъ ввечеру
 Ожидалъ ко двору,
 Въ субботу ввечеру
 Справождалъ свою драгу
 Ко широкому двору.

1192 (8).

Стояла рябинушка на городѣ;
 Разсѣкли рябинушку на четверо;
 Сдѣлали изъ рябинушки гусельцы.
 Кто въ гусли играетъ, поигрываетъ?
 Играетъ, поигрываетъ (такой-то) молодецъ,
 Тѣшитъ, потѣшаетъ (такую-то), свою:
 „Что же ты (такая-то), не весела, сидишъ,
 Не ясно глядишъ?
 Я же тебя не насили замужъ браль:
 Напередъ отъ себя сватовьей посыпалъ;
 Сваты сваталися, низко кланялися,
 Молитву творили, слова говорили“.

1193 (9).

На плотѣ было на меленкѣ,
 На другой на серебряной,
 Золотая была черпаница.

(Такая то) воду черпала,
 (Такая то) вычерпывала.
 По бережку конь бѣжигъ,
 Что по крутому сивой-рыжой.
 На конѣ сидить удалой молодецъ;
 Онъ плѣточкой помахиваетъ,
 Уздой пошевеливаетъ,
 Ко двору приворачиваетъ,
 Ко двору чѣмъ ко батюшкову,
 Что ко терему ко матушкину,
 Ко лугу Лизаветушкуну:
 „Изавета, возьми коня!
 Ты отдай коня конюхамъ:
 Пусть накормятъ пшеницею,
 Напоять свѣжой ключовою водой“.

1194 (10).

Въ Государевой конторѣ
 Сидить молодецъ въ уборѣ.
 Пришла дѣвица въ снарядѣ:
 Во кисейной бѣлой юбкѣ,
 Во голубомъ полушубкѣ;
 Бѣла юбка съ фалбарами,
 Полушубокъ со хазами.
 Чернымъ глазикомъ взвела
 И изъ конторы воинъ пошла,
 Всѣмъ зазнобушку дала.
 Молодецъ не стерпѣлъ:
 Дѣвкѣ въ слѣдъ поглядѣлъ;
 Бросилъ письменны дѣла:
 „Мнѣ не дороги дѣла,—
 Пришла дѣвица мила,
 Уродилась хороша во дѣтинушку дружка.“

1195 (11).

Козликъ мой, козликъ,
 Бѣлой, кудряватой,
 Холостъ, не женатой!
 Отведу я козла
 Во чистое поле.
 Привяжу я козла
 Ко бѣлой берёзѣ:
 Стой, мой козель,
 Стой, не бодайся!
 Бѣлая береза,
 Стой, не шатайся.
 Красная дѣвица
 Ходи, не ломайся.
 У моего милаго
 Передъ окошкомъ
 Озеро широко,
 Бѣлой рыбы много:
 Дайте, подайте

Шелковъ неводъ:
 Выловлю, выловлю
 Бѣлую рыбу.
 Съ кѣмъ же мнѣ будетъ
 Бѣла рыба кушать?
 Кушать мнѣ кушать
 Съ миленькимъ дружечкомъ.

1196 (12).

По порохѣ, по порохѣ,
 По широкой дорогѣ
 Бѣжать сани съ козырями,
 Другѣ съ вырѣзами.
 Что на этихъ на саняхъ
 Два молодчика сидѣть,
 Два молоденъкіхъ,
 Два холостенъкіхъ.
 Приворачивай, ребята,
 Ко широкому двору,
 Ко прекрасному крыльцу,
 Ко Ивану молодцу;
 У Ивана молодца
 Растеть дочь хороша,
 Свѣтликъ Аннушка душа.
 Кѣчу, кѣчу каблучекъ,
 Обувайся башмачекъ:
 Мнѣ не мужъ тюфли купилъ,
 Не мужъ денежки платилъ;
 Я сама тюфли купила,
 Сама денежки платила.
 Я во рыночекъ сходила,
 Себѣ юбочку купила
 Каламенчатую,
 Басаменчатую.

1197 (13).

Шелъ парень мимо,
 Видѣлъ лива,
 Диво дѣвочьё:
 Дѣвочку во садочку
 Въ единой тоненъкій рубашкѣ,
 Во шелковомъ поясу.
 Безъ бѣлиль дѣвка бѣла,
 Безъ румянъ румяна,
 Безъ платы толста,
 Безъ подмостковъ высока.
 — Поди, сватай у отца,
 Сватай у батюшка:
 Если батюшка отдастъ,
 Не отстану я отъ васъ:
 Буду я за вами,
 За вашими пятами,
 За большими мужиками,
 За толстыми кулаками.

1198 (14).

На что по лугу гулять,
Мураву траву топтать?
На что травы рвать,
Когда не съ кѣмъ спать?
На что щегольно ходить,
Когда некого любить?
На что мыломъ умываться,
Когда не съ кѣмъ любоваться?
На что платомъ утиратъся,
Когда не съ кѣмъ цѣловаться?
Спить тоска на голыхъ доскахъ,
На голыхъ доскахъ, на палатенкахъ.
Складу въ голову кручину,
По бокамъ тоску-печаль,
Самъ гулять пойду.

1199 (15).

Дѣвки шили коверъ, дѣвки шили коверъ,
Вышивали.
Вышивали коверъ, вышивали коверъ,
Говорили,
Говорили соловейку, говорили соловейку,
Молодому:
„Ты не вей гнѣзда, ты не вей гнѣзда
При долинѣ,
При широкой долинѣ, при широкой долинѣ,
На осинѣ.
Ты совей гнѣздо, ты совей гнѣздо
При бесѣдѣ,
При которой бесѣдѣ, при которой бесѣдѣ
Дѣвицы сидѣли,
Гдѣ ка дѣвицы сидѣли, гдѣ ка дѣвицы си-
Молодицы играли.“. [дѣли,

1200 (16).

Отъ терема до терема
Три камки лежать,
Что отъ высока до высока—кружавчата.
Что по той камкѣ
По той выбойкѣ
Доброй молодецъ идеть,
Красну дѣвицу ведеть.
Во правой рукѣ несетъ
Бѣлу, сальную свѣчу;
Во лѣвой рукѣ несетъ
Полуштофъ съ винцемъ:
Не горить моя свѣча
Противъ бѣлаго лица,
Мнѣ не пьется винца
Безъ милаго дружка.

1201 (17) *).

Курёвушка, курева
Закутила, завела
Всѣ дорожки и пути:
Нельзя къ милому итти.
Пошла по дрова,
Съ милымъ свидѣлася,
На ключъ по воду пошла,
Поздоровалася.
„Здравствуй, мой миленькой!
Въ гости гости;
Не подалече садись:
Нынѣши люди догадливые,
Накутять, намутять,
Съ милымъ дружкомъ разлучать“.

*) Ср. выше № 1173.—Ред.

1202 (18).

Изъ-подъ-вязу было, вязу,
Изъ-подъ-вязова кореня
Бѣжитъ зайка-горностайка,
Несеть въ зubaхъ везелицу,
Везелицу, небелицу
Про душу красну дѣвицу:
Будто я, красна дѣвица,
Во всю тѣмну ночь не спала,
Въ зеленомъ саду гуляла,
На бѣлое блюдо клала,
На серебряну тарелку,
По тарелкѣ разсыпала;
Дѣвкѣ мало показалось:
Я изюмомъ добавляла,
Черносливомъ досыпала.

1203 (19).

Дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зелененъкимъ:
На ней платье-цо бѣлѣненько,
Косыночка алѣненька,
Во правой рукѣ розовой цвѣткоѣ,
Во лѣвой рукѣ пѣменецкій узелокъ.
Вѣромъ она помахиваетъ,
На нее молодецъ поглядываетъ,
Со дѣвицей поговариваетъ:
„Ужъ ты нѣжная, манежная моя!
Красота неопѣненная твоя!
Ужъ я сколько бесѣдѣ перешелъ,
Тебя лучше и краше не нашелъ.
Хотя лучше и краше тебя есть,
Во моемъ сердцѣ желанной такой нѣть.
По тебѣ, моя сударыня, душа, красная дѣвица.

1204 (20).

По бережку ходила, ходила,
Бѣлу рыбу ловила, ловила,
Не една: со товарищами.
Повстрѣчались ребятушки,
Насказали родной матушкѣ.
Родна матушка не лиха, не добра:
Заставила капусту садить,
Приказала огородъ городить,
Приневолила росаду поливать.
Я полю, полю, не полется:
Съ перемѣнной гулять хочется.
Посватался изъ-за моря стариkъ,
Посулилъ мнѣ-ка изюму четверикъ;
Мнѣ изюму-то хочется,
Старика любить не хочется.
Посватался дѣвичка молодой,
Посулилъ мнѣ-ка червончикъ золотой.

1205 (21).

Ужъ ты улка, ты улка моя,
Широка улка нетоптанная!
Красна дѣвица несмотрѣнная,
Молодица нецѣлованная!
Еще люди-то въ людяхъ живутъ,
На людей люди улаживають.
Свекровушка лиха, лиха,
Зла, лиха была, не ласковая,
Посылала туда и сюда:
Въ темны погребы за пивомъ, за виномъ.
Въ погребу млада замѣшкala:
Зелена вина натрекалася;
Холостому стаканъ меду подала,
А женатому несла, да пролила.

1206 (22).

У прорубки гдѣлубки сидятъ,
Промежду собой рѣчъ говорятъ:
Добра молодца ругаютъ и бранятъ;
Удалаго принахваливаютъ.
Еще что дружокъ не жалуешь ко мнѣ?
Безъ тебя, сударь, постеля холодна;
Одѣяльшко закуржевѣло,
Соболино призаяндевѣло;
Взголовыище потонуло во слезахъ:
Со миленькимъ распростилась во глазахъ.

1207 (23).

Летить птица, летить птица,
Летить сиза голубица.
Птица сѣла на крыльцо,

Она брякнула въ кольцо,
У дѣвки дрогнуло сѣрдце:
Что это за птица
Колечкомъ брянчить?
Птица отвѣчала,
На бесѣду зазывала:
Во бесѣдѣ дѣвицъ много,
Молодцевъ пришло довольно;
Молодежи счѣту нѣть;
Едной дочки твоей нѣть.

1208 (24).

Нападала порошица,
Нападала молоденька
На землю на талую,
На траву на муравью;
На цвѣточки лазоревы.
Что по той по порошицѣ,
Что по той по молоденькой
Не бѣль заюшко скачеть,
Не бѣлѣюшко пляшеть.
Еще скокъ, поскокъ зайко,
Скокъ по чистому полю,
По широкому раздолю.
Еще хлынь похлыниушки,
Выбирай селезнюшку
Себѣ ростомъ и дородствомъ,
Себѣ наровенъ обычъемъ.

1209 (25).

По лугу, лугу разливалася рѣка,
По зелену быстра рѣчка протекала.
По этой по рѣченъкѣ бѣла лебедь плыветь.
Красная дѣвица погуливала,
Гребешкомъ головушка учесанная,
Лентой коса перевиванная:
Завтра у батюшки честенъ пиръ;
Мнѣ на пиру не бывати будетъ,
Пива и вина не пивати будетъ,
Сладкаго меду не кушивати,
Съ миленькимъ по садику не гуливати.

1210 (26).

Около было сыра дуба,
Около было зелененькаго
Скачать черная куна:
Не скачи, куна, по улицѣ,
Не скачи, куна, по широкой.
Скачъ, куна, въ новой горницѣ,
Выбирай себѣ дружиночку,
Выбирай себѣ хорошую.
Дружина, миль сердечный другъ!

Еще вотъ моя дружиночка,
Еще вотъ моя хорошая.
Дружина, миль сердечный другъ!
Мы походимъ-ка съ дружиночкой,
Погуляемъ-ка съ хорошенъкой.
Дружина, миль сердечный другъ!
Мы распостимся съ дружиночкой,
Мы распостимся съ хорошенъкой.
Дружина, миль сердечный другъ!

1211 (27).

Кичи: гуси домой!
Кичи: лебеди домой
Со ржавченки, со болотенки,
Со ключевыея воды,
Со Дуная со рѣки!
Этотъ къ намъ,
Этотъ къ намъ.
Этотъ нашъ гусенёкъ!

1212 (28).

Ужъ я улкомъ шла,
Переулкомъ шла,
Клубокъ нитокъ нашла;
Клубокъ катится,
Нитка тянется.
Клубокъ далъ, далъ, далъ,
Нитка—доле, доле, доле!
Я за ниточку взялась,
Моя нитка порвалась.

1213 (29).

Какъ со вечера цѣпочка горить,
Со полуночи серебряная,
Горить, горить, перегариваетъ:
Парень дѣвку переманиваетъ:
„Красна дѣвица, сойди съ терема,
Раскрасавица, сойди съ высока!“
— Я нейду, нейду, нейду съ терема,
Я нейду, нейду, нейду съ высока:
Нынче ноченьки темнѣшеньки,
Переуточки грязнѣшеньки,
Чулочки бѣлѣшеньки,
Башмачки алѣшеньки.—

1214 (30).

Куна ходить по бору, да по бору,
Щиплетъ траву лебеду, да лебеду;
Она рветъ и беретъ,
Въ бѣлой фартучокъ кладетъ,
Приговариваетъ:

„Я кого люблю,
За себя возьму.
Кого не люблю,
Того—на сторону“.

1215 (31).

На улицѣ мужикъ со рсадою сидить,
На денежку рсадушка немношко даетъ:
Мнѣ купить не купить да на весь пяточекъ,
Разсадить бы рсадушку во весь огородъ.
Рости, моя рсадушка, тонка и высока,
Тонка и высока и перомъ широка.
Всѣ люди капусту заламываютъ,
Только я, молода, въ огородѣ не была,
Свою бѣлую капусту не заламывала.

1216 (32).

Хрѣнъ, мой хрѣнъ,
Садовой, яровой!
Что не я тебя садилъ,
Что не я поливалъ,
Что садилъ тебя Иванъ,
Поливалъ Селиванъ,
Селиванова жена
Присматривала,
Его дочь Катерина
Приговаривала.
Наѣхали бояре
Изъ Новагорода,
Увидѣли дѣвицу
На крутомъ бережку,
На желтомъ песку:
„Продай, дѣвица, хрѣнку,
Раскрасавица, хрѣнку.
Не продашь хрѣнку,
Самое трахну“.

1217 (33).

Заюшко по сѣничкамъ дыбки, дыбы, дыбы,
Сѣренъкой по новымъ дыбы, дыбы, дыбы.
Ужъ и некуда заюшкѣ выскочити,
Ужъ и некуда сѣрому выпрыгнути:
Семеро воротъ крѣпко заперты стоять,
Матушка-сударыня во пиръ ушла,
Золоты ключи она съ собой унесла.
Заюшко, попытайся у воротъ,
Сѣренъкой, попытайся у новыхъ.
Заюшко, ты гдѣ побывалъ,
Сѣренъкой, ты гдѣ побывалъ?
— Во зеленомъ во саду,
Во зеленомъ во саду.—
Заюшко, ты кого увидалъ,

Съренькой, ты кого увидалъ?
 — Двѣ дѣвицы хорошихъ,
 Двѣ дѣвицы пригожихъ.—
 Заюшко, да не били ли тебя,
 Съренькой, да не били ли тебя?
 — Били, били, пане мой,
 Колотили, сердце мой,—
 Заюшко, тебя чѣмъ били?
 Съренькой, скажи: чѣмъ били?
 — По бокамъ кулакамъ,
 По плечамъ кирничамъ.—
 Заюшко, ты не плакаль ли,
 Съренькой, ты не плакалъ ли?
 — Плакаль, плакалъ, пане мой,
 Плакаль, плакалъ, сердце мой.—
 Заюшко, скажи: какъ плакаль,
 Съренькой, скажи: какъ плакалъ?
 — Хини, хини, пане мой,
 Хини, хини, сердце мой.—
 Заюшко, утекати пора,
 Съренькой, тебя брати пора.

1218 (34)

Еще ходить царь-царевичъ, да царевъ сынъ,
 Еще ищетъ царь-царевичъ, да паревъ сынъ,
 Что не та ли то царевна въ горицѣ гу-
 ляла?

На ней ситцовое платье, на головушкѣ пла-
 Нѣжной, алењкой цвѣточекъ. [точекъ,
 Отпирается, ворота, выступай душа-царевна,
 Выступай же правой ножкой.
 Вы беритесь за правую ручку,
 Ужъ вы кланяйтесь низенько,
 Вы еще того пониже,
 Вы цѣлуйтесь милѣе,
 Вы еще того милѣе. [ручку,
 Ужъ я взялъ свою царевну за правую за-
 Поведу свою царевну кругомъ города:
 Скачи, моя царевна, пляши, молоды!
 Намъ царь приказалъ, молодой приказалъ
 Скакать и плясать, перемѣны искать,
 Перемѣнушки, красной дѣвушки.

1219 (35).

Ходилъ, гулялъ Донской казакъ,
 Себѣ невѣсту выбиралъ:
 Хорошая, пригожая:
 Поди замужъ за меня!
 Не пойдешь ты, спокаешься,
 Воспомянешь обо мнѣ.
 Пойду, схожу, про тебя спрошу
 У сосѣдей у своихъ:
 Сосѣдушки, собраннушки!

Какова есть она?
 Спасибо вамъ, сосѣдушки,
 Благодарствуй вамъ, собраннушки:
 Похвалили мнѣ ее.

1220 (36).

Расколися, сырой дубъ,
 На четыре грани!
 А кто любить чужихъ женъ,
 Того душа въ адѣ;
 А кто дѣвицу полюбить,
 Той душѣ спасенье;
 Кто же красну поцѣлуешь,
 Грѣхамъ отпущенѣе.
 Подушечка, подушечка,
 Она пуховая!
 Молодецъ, молодецъ,
 Ахъ ты, молоденекъ!
 Любишь, любишь подушечку,
 Любишь пуховую.
 — Люблю я дѣвицу,
 Люблю молодую.
 Я которую люблю,
 Ту и поцѣлую,
 Пуховою подушечкой
 Ее подарую.

1221 (37).

Я сегодня ввечеру
 Выйду къ рѣчкѣ на потокъ.
 Ай лю, ай-лю-ли!
 Выйду къ рѣчкѣ на потокъ:
 Быстра рѣченка бѣжитъ,—
 Ко мнѣ миленькой спѣшить.
 У потока на песку
 Съ нимъ забуду я тоску.
 Буди зеркаломъ, вода,
 Чтобъ глядѣться намъ всегда.
 Струя то пуще зашумить:
 Къ себѣ дружка приманить.
 Изъ цвѣтовъ вѣнокъ совью,
 Алой лентой обовью,
 Встрѣчу милаго съ цвѣткомъ,
 Поцѣлуую съ дружкомъ.
 Мнѣ обнѣти, ахъ, его—
 Пресчастливѣе всего.

1222 (38).

Съ вечера хмѣлинка
 Незаборчива была;
 Забрала меня хмѣлинка:
 Побудиль парень-дѣтинка,

Парень дѣвушку любилъ,
Золото кольцо дарилъ:
На рукѣ кольцо горитъ,
Родна матушка бранитъ,
Гулять ей не велитъ;
Не велить во садѣ гулять,
Молодца ей любить.
Молодецъ молодой,
Не пой дѣвицу виномъ.
Напой дѣвицу водой,
Напой дѣвицу водой,
Спроводи её домой
Не дорогой, стороной,
Что подъ шубой подъ полой,
Да подъ лѣвой стороной.

1223 (39) *).

У московского купца
Была дочь хороша,
Звали Дунюшку.
Поизволила Дуняша
Въ осоливой спальнѣ спать,
Съ едной нянюшкой,
Со Татьянушкой.
Со господского двора
Младой принцѣ прѣѣзжалъ,
Штофъ рому привозилъ,
Таню пьяну напоилъ,
Самъ Дуняшу увозилъ.
Родной батюшка схватился:
По всей улицѣ бросился,
У сосѣдушекъ спросилъ:
Вы, сосѣды, вы сосѣды,
Вы, сосѣдушки мои!
Не видали ли Авдотьушки моей?"
— Ужъ мы знать про ней не знаемъ,
Только слышали обѣ ней:
Спить у принца на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ,
На злаченомъ на перстнѣ.—
Родной батюшко идетъ,
По всей улицѣ ведетъ,
По бѣлому лицу бѣть, приговариваетъ:
"Ты не будь такова,
Какъ моя прежня жена,
Твоя матушка родна".

*) Ср. выше № 1180—Ред.

1224 (40).

Заюшко, попляши,
Сѣренѣкой, попляши!
Кружкомъ, бочкомъ повернись!

Заюшко въ лодочкѣ,
Сѣренѣкой въ шлюпочкѣ,
Онъ взялъ себя за бочка;
Его взгляды не Минскіе,
Мезенскіе, щегольскіе.
Что ты, зайко, худо скачешь?
Или сѣрой не умѣешь?..
Заюшко во лѣсокъ,
Подъ ракитовой кустокъ.

1225 (41).

Еще на плотѣ, плотѣ
На дубовомъ на плотѣ
Дѣвка мыла, полоскала;
Цвѣтно платье помочила
За то матушка бранила.
— Ужъ ты, матушка моя!
Когда я была млада,
Ты не школила меня;
Ноны повыросла повыше,
Полюбила молодца.
Молодецъ говоритъ,
Не велить худо ходить,
Не цвѣтно платье носить.—
Во горницѣ во новой
Стоить столикъ дубовой,
Что за этимъ за столомъ
Сидѣть писарь молодой,
Пишетъ черниломъ и перомъ
По бумагѣ гербовой.

1226 (42).

Не спасибо игумну тому,
Не благодарствуй безсовѣтному:
Молодешеньку въ чернички стригутъ,
Зеленешеньку посхимничаютъ.
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло молебны служить,
Только мое дѣло скакать да плясать,
Только мое дѣло игрища сбирать.
Посошенцу подъ лавку брошу,
Монашенцу на столъ положу.
Подарю я, подарю братца своего,
Подарю я, подарю любезенькаго.

1227 (43).

На улицѣ диво:
Варилъ чернецъ пиво.
Чернечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!
Я пиво сливала,
Меня разнимало.

Спущалась хмельника
Во ручки, во ножки,
Во буйну головку.
Мнѣ не даетъ трахнуться,
Не даетъ ворохнуться.
Я пойду стряхнуся,
Пойду сворохнуся
И милому поклонюся.

1228 (44).

Летить голубь, летить сизой со голубушкою,
Что удалий молодецъ со красной дѣвицею;
Позади идутъ товарищи, присматриваются,
Присматриваются, приговариваются:
„Кабы эта вѣдь голубушка у голубя была,
Кабы эта красна дѣвица за молодцомъ жила,
Взялъ бы золотомъ обсыпалъ, жемчугомъ бы
[обсадилъ,
Лѣтнею порою во каретѣ бы возилъ,
Зимнею порою на очаковскихъ саняхъ,
На очаковскихъ саняхъ, на ямскихъ лоша-
[дяхъ.

На извощикѣ кафтанъ васильковаго сукна,
Васильковаго сукна, петербургскаго шитья“.
Кладу голубя на ручку—не тѣшится,
Переложу на другую—не голубится.
Кышь, голубь, долой, полетай, сизой, домой,
Полетай, сизой, домой ко голубушкѣ своей.
Голубушка ворковала, голубчикъ цѣловала,
Голубчикъ ворковалъ, голубушку цѣловалъ.

1229 (45).

Вокругъ я келейки хожу,
Вокругъ я новыя хожу;
Младу старицу бужу:
„Старица, встань,
Молода, пробудись,
Спасеная душа, встань!
Встань, къ заутрени звонять,
На расходъ говорять.
Люди сходятся,
Богу молятся“.
— Отойди прочь, иономары!
Отойди прочь, молодой!
Не могу я встать,
Головы поднять:
Голова моя болитъ,
Грудь, сердечушка щемитъ,
Глаза не глядять.—
Уста не говорять.
Вокругъ я келейки хожу,
Вокругъ я новой гуляю,
Младу старицу бужу:

„Старица, встань!
Молода, пробудись:
Къ тебѣ миленькой идеть,
Чаю, кофею несеть,
Напиться велить,
Позабавиться“.
— Ахъ! встать было мнѣ,
Шоплясь было мнѣ,
Походить было мнѣ,
Полюбить было мнѣ!

1230 (46).

По морю, что по морю, морю синему,
По синему по Вирьянскому
Плыветъ стадо лебединое,
Въ середочкахъ лебедь бѣлая плыветъ;
По болотамъ лебеди бѣлые сидятъ.
Откуль взялись два удалихъ молодца,
Рвали перье, рвали перье лебединое,
Бросали перье, бросали перье по чисту полю,
Развѣяли пухъ по поднебесью.
Откуль взялись красны дѣвицы-дущи,
Брали перье во переднички,
Милымъ дружкамъ во подушечки,
Сердечнымъ во взголовьица.
Откуль взялись два удалихъ молодца:
„Вамъ Богъ помошь, красны дѣвицы-дущи,
Спѣсивыя, спѣсивыя, горделивыя!
Спѣсивую за себя замужъ возьму,
Стоять будешь, стоять будешь у кроватушки,
Стоять будешь у тесовыя,
Держать будешь, держать будешь одѣялышко,
Держать будешь соболиное,
Ронить будешь, ронить будешь горячи слезы“.
Тутъ дѣвицы, тутъ дѣвицы испугались,
Красавицы перепалися,
Ко молодцамъ, ко молодцамъ, ко молодцамъ
За бѣлы ручки прималися, [приближалися,
Низешенько, низешенько, низешенько по-
клонялися,
Милешенько, милешенько цѣловалися,
Съ милымъ дружкомъ распрошалися.

1231 (47).

Ходилъ панъ за горами,
За нимъ дѣвицы толпами,
Молодицы табунами.
Одной дѣвицы въ толпѣ нѣту:
Видно ей недосужно,
Вѣрно ей несвободно:
Печеть пироги на опарѣ,
Въ печку сажаетъ на лопатѣ,
Растворяетъ на дрожжахъ,

Изъ печи тащить на вожжахъ:
Эстоль они высоконьки,
Эстоль они широконьки,
Эстоль они мягошеньки!

1232 (48).

Пошли наши гусли, пошли звончата, я,
Идучись по лавкѣ, впередъ по скамейкѣ.
Дошли наши гусли, дошли звончата, я
До молодца пана, до бѣла, румяна;
Тутъ они упали, за рученьки брали,
Въ уста цѣловали.

1233 (49).

Вдоль было по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ
Сизой селезень плывѣтъ;
Вдоль по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодецъ идетъ;
Чешетъ свои кудри,
Чешетъ свои русы
Частымъ гребнемъ,
Частымъ гребешкомъ,
Самъ своимъ кудрямъ
Самъ своимъ русымъ
Приговариваетъ:
„Кому мои кудри, кому мои русы
Доставалися чесать?
Доставались кудри, доставались русы
Старой бабушкѣ чесать:
Она не умѣть, она не горазна
Мои кудри чесать, мои русыя чесать!“

1234 (50).

Я качу, качу по блюдечку,
По наливному яблочку.
Конь ведра не льеть,
Воды не пьеть,
Золотой уздай побрякиваетъ,
Стремянами пошевеливаетъ.
Тутъ ишелъ, прошелъ молодецъ,
За собой ведеть суженную,
За собой ведеть ряженную,
Душу красную дѣвицу:
„Ужъ я биъ бы, трепалъ бы еѣ,
Мои ручушки болять, таки болять;
Цѣловаль, миловалъ бы еѣ:
Со сторонъ люди глядять, таки глядять,
Цѣловать, миловать не велятъ“.

1235 (51).

Ѣхаль панъ, Ѣхаль панъ,
Еще Ѣхаль панъ отъ князя пьянъ.

Сронилъ панъ, сронилъ панъ
Черную шапку модную,
Модную суконную:
„Подними, дѣвица, подними, красная,
Черную шапку модную,
Модную суконную“.
— Я жъ пану, я жъ пану не слуга,
Молодому не вѣрная:
Служечка, служечка
Своему я отцу, матушкѣ,
Своему я роду, племени,
Своему я дружку милому.

1236 (52).

Я пойду завтра въ городъ;
Дива, дива, млада моя,
Я куплю женѣ обновку:
Левантину ей на пару
Ужъ я буду ей дарити.
Посмотрите, люди добрые,
Какъ жена мужа не любить:
Впереди мужа гуляетъ
И подарковъ не принимаетъ.
Ты прими, жена, не чванься,
Надо мною не ломайся!
Я пойду завтра въ городъ,
Я куплю женѣ обновку:
Куплю шелковую плетку.
Ужъ я буду ей дарити:
Ты прими, жена, подарки,
Ты прими, жена не чванься,
Надо мною не ломайся!
Посмотрите, люди добрые,
Какъ жена-то мужа любить:
Позади мужа гуляетъ
И подарочки примаетъ.

1237 (53).

Ужъ я по полу хожу ходуницею.
Квашню творю студеницею.
Ползеть мой старъ изъ-подъ лавичья.
Посажу стара на столъ,
Пришибу его нестомъ.
Скажу: къ рѣчкѣ ушелъ,
Скажу: рыбу ловить.
Скажу: черть уволокъ,
Да за старый долгъ—за три денежки.

1238 (54).

Сидить дрема, сидить дрема
Да подъ деревомъ.
Придется дрема шелковицу:

Полно, дрема, полно, дрема,
Полно, дрема, дремовати,
Дремовати, шелковати;
Вонъ вѣдь ёдетъ, вонъ вѣдь ёдетъ,
Вонъ вѣдь ёдетъ лютый свѣкоръ.
— Стойте, дайте, стойте, дайте,
Стойте, дайте посмотрѣти
На лютаго свѣкра.
Ахъ, нынѣши люди, нынѣши люди,
Они молоды, лукавы,
Съ изѣ-маленька враковаты;
Что сказали, что сказали,
Что сказали, все солгали:
Вонъ вѣдь ёдетъ, вонъ вѣдь ёдетъ,
Вонъ вѣдь ёдетъ мила лада.
Стойте, дайте, стойте, дайте,
Стойте, дайте посмотрѣти;
Насмотрѣться, намъ обняться,
Намъ обняться, пѣловаться!

1239 (55).

Ужъ я по полу хожу, таки хожу,
Я по миленькомъ тужу, таки тужу,
Я не знаю, къ чему дружка примѣнить?
Примѣнью дружка къ перстеньку:
Перстенечекъ на рукѣ, на рукѣ,—
Мой миленькой на умѣ, на умѣ.
Примѣнью дружка къ жемчугу:
Жемчугъ дорогъ вѣсовой, вѣсовой,—
Мой миленькой часовой, часовой.
Примѣнью дружка къ соколу:
Соколь птица вольная, да вольная,—
Что не стало мила дружка у меня.

1240 (56).

Подъ тыномъ было, подъ тынышкомъ,
Подъ зеленой было сосенкой
Дѣвки мылись, умывались,
Хорошо они сряжалися.
Обойду я двое тынъ, трое тынъ,
Осмотрю я трое женъ, двое женъ:
Я любую себѣ выберу,
За собою дѣвку выведу.

1241 (57).

За дворомъ было за батюшкинымъ,
Что за теремомъ за матушкинымъ
Выростала трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые.
Пойду, выйду я на улицу гулять,
Пойду, выйду я на широку гулять.

Сколько я, млада, низка, плоска,
Не величка, мала пташица.
Что садилась мала пташица
Среди моря на бѣлой камешекъ,
Ужъ я слушала, выслушивала,
Со которой стороночку красна дѣвица пла-
Плакучись, выговаривала: [калась,
„Ужъ, ты, старой, старой мужъ,
Старой мужъ, погубитель мой!
Погубиль мою головушку:
Соволокъ съ головы кунью шапочку,
Хазову дѣвью повязочку,
Семишолкову ленточку“.

1242 (58¹).

Подъ яблонью—олень,
Подъ кудрявою—олень,
Сидить олень сутуль, горбать:
Тепло ли тѣ, олень,
Холодно ли тѣ, олень?
— Когда тепло, когда холодно,
Когда голодно, когда оводно.—
Прикутайте олена,
Призакройте его:
Со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ
Со старыхъ старушекъ
Косой воротокъ.

¹⁾ Пѣсни 1185—1242 „вечериночныя“. — Собир.

1243 (59).

На зарѣ была на вечернія,
Вечоръ дѣвушка глупо сдѣлала,
Съ изѣ маленьенька дружка запримѣтила:
„Мой-то миленькой—горька пьяница,
По частешеньку ходить на царевъ кабакъ,
Зелена вина милой напивается,
Изъ кабака идетъ, шатается,
За полынь-травку запинается;
Полынь-травонька къ землѣ преклоняется;
По чернымъ грязямъ миленькой валяется,
Мною, дѣвицей, похваляется.
Что изѣ высока нова терема,
Изѣ окошечка было изѣ косящета,
Сквозь околенку, сквозь стекольчату
Увидала его красна дѣвица,
Начала его журить, бранить:
„Ужъ ты, миль, ты, миль мой сердечный другъ!
Ты едину-ли меня сушишь, крушишь?
— Я сушу, крушу восемь дѣвушекъ,

Я—девятую молоду вдову,
А десятую—жену мужнюю,
Жену мужнюю, подначальную.—
У восьми девокъ своя воля:
Ихъ журиТЬ-бранить некому,
Любить-жаловать есть кому.
Я пойду млада во чисто поле,
Во чистомъ полѣ, на синемъ морѣ туманъ.
Не схаживать туману со синя моря,
Злой кручинушкѣ съ ретива сердца.
Спровождала я друга милаго
Черезъ три поля зеленыхъ;
Тутъ три полка стоять.
Всѣ люди сдивовалися:
Еще не братъ ли сестру спровождаетъ,
Не кумъ ли куму спровождаетъ,—
Спровождаетъ девица красная
Своего друга милаго.

1244 (60).

При долинушкѣ есть калинушка,
Она выростала.
На калинушкѣ есть малинушка,
Она расцвѣтала.
На малинушкѣ соловеюшко
Громко свищетъ,
По насвисточкамъ
Выговариваетъ;
Не кукувица во сыромъ бору
Скуковала:
Во неволюшкѣ добрый молодецъ
Слезно плачетъ;
Во слезахъ онъ своей сударушкѣ
Письма пишеть:
„Растоскайся по мнѣ, любезная,
Разгорюйся!
Ужъ я самъ по тебѣ, любезная,
Стосковался.
Я малешенекъ послѣ батюшка
Сынъ остался.
Я родительницы своей матушки
Не запомню.
Еще кто же меня, добра молодца,
Восноилъ, вскормилъ?
Восноилъ, вскормилъ
Православный міръ,
Православный міръ,
Чужа сторона,
Чужа сторона—
Волга матушка,
Волга матушка,
Ярославль городъ.
Завила кудри добра молодца
Красна девица“.

1245 (61).

Говорила я дружку милому,
Слезно, жалобно дружка милаго я просила:
„Не женись, мой милъ сердечный другъ, не
женися,
Покуль я живу, нынѣ красная девица за-
мужъ не вышла“.
Не послушался меня миленькой сердечный
другъ, женился
Не на душечкѣ на красной на девицѣ,
Чтѣ—на горькой-ли на злосчастной на вдо-
вицѣ.
Онъ зажегъ, зажегъ мою душечку,
Заронилъ, спустилъ искру съ пламенемъ въ
мое сердце.
— Затѣмъ полно-же, моя душечка, тужить,
плакать!
Тебѣ сколько ни плакати, будетъ перестати:
Не наполнить будетъ синя моря слезами,
Не насытъ будетъ чиста поля тоской, кру-
чиной,
Не утѣшить будетъ мила дружка словами.—
Красна девица по бережку ходить, гуляетъ,
Она съ камешка на камешекъ девка стуаетъ,
Она камешекъ о камешекъ щелкаетъ:
Не во всякомъ сѣромъ камешкѣ есть огонь,
искра:
Не во всякомъ добромъ молодцѣ есть суща
правда.

1246 (62).

Ужъ ты душечка, красна девица,
Чернобровая, радость, черноглазая,
Круголицая, радость, бѣлолицая,
Со-тонка ли ты ростомъ высокая!
Зла присуха молодецкая
Присушила ли меня, добра молодца:
Не травой сушить, не кореньцемъ,
Не лазоревыми цвѣточками,—
Ты своей сушишь девицей красотой,
Дѣвицей красотой, грудью бѣлою,
Грудью бѣлою, трубчатой косой,
Трубчатой косой, лентой алою,
Лентой алои подаренною,
Подаренница дружка милаго.
— Онь не въ пору дариль меня, не во времѧ:
На проходѣ весны красныя,
На пролѣтѣ лѣта теплаго,
На зачинѣ осени грязныя.
Созвавши я дружка къ себѣ въ гости,
Я сама надъ нимъ насыпалася:
Я поставила дружка у чужихъ воротъ,
У чужихъ воротъ у сосѣдовыхъ.—

1247 (63).

Ужъ ты, молодость, моя молодость,
Молодость моя молодецкая!
Не запомню я, когда ты прошла,
Когда ты прошла, прокатилася,
За единой часъ показалася,
За единой часъ, за минуточку.
Ужъ вы, други мои, други вѣрные,
Вы сосѣдушки порядовые,
Вы подите, посидите у меня въ гостяхъ,
Пособите вы мнѣ думу думати,
Думу думати, да мысли мыслити:
Холосту лъ мнѣ гулять, или женатому
Мнѣ по чужой, по дальней сторонѣ,
По Сибирскія по украинѣ,
По Тобольскому славну городу?

1248 (64).

1249 (65).

Катя, легонькой умокъ,
Твой глупенькой разумокъ:
Было въ рукахъ счастыще,
Не умѣла содергать:
Любила любезнаго,
Не могла любви признать;
Стала признавать любовь,
Сталъ другъ оставлять.

Сталь милъ оставлять любовь,
Къ иной въ гости гулять.
Гулянье, гуляньице,
Гулянье-ли ты моё!
Гдѣ, гдѣ ни гуляю,
Въ чистомъ ли полѣ хожу,
Своего любезнаго
На умѣ свое мѣ держу,
На умѣ, на разумѣ,
На своихъ вѣрныхъ мысляхъ.
Ужъ ты, батюшка, младъ мѣсяцъ!
Свѣти вдоль по дорожечкѣ,
Что[бѣ] было видно-то,
Куда мой милъ пойдетъ.
Пошелъ мой-то миленькой
Вдоль по улицѣ гулять,
Зашелъ мой-то миленькой
Въ самый крайній домъ;
Въ этомъ во домичкѣ
Молода вдова живетъ,
Молода вдова живетъ;
У ней дочь хорошая растетъ.
Катюшечка душечка
Една въ горенкѣ сидѣть;
Чесала головушку
Частымъ гребнемъ, гребешкомъ.
Родимая сестрица
Русу косу заплела,
Во русу косу
Алу ленточку вилела.
За эту за ленточку
Милый денежки платилъ,
За эти за денежки
Милый три года въ гости ходилъ,
Три года ходилъ,
Все гостинечки носилъ.

1250 (66).

По веснѣ-то было, веснѣ красныя.
Что по лѣту было по теплому,
На тихой вѣщной на заводи,
На свѣжей водѣ на ключевыя,
Тутъ и плавала сѣрая утица;
Не одна она плавала: съ сизымъ селезнемъ.
Что да у сизаго было у селезня
Въ три ряда косы заплелись;
Во четвертый рядъ косы по водѣ плывутъ,
По водѣ плывутъ, да по тихія,
По тихой лебединія.
Не сами косы заплелись:
Заплела косы сѣрая утица,
Что своимъ она правымъ крыльшкомъ,
Правымъ крыльшкомъ, сизымъ перышкомъ.
У дородна было добра молодца

Въ три ряда кудри завивалися,
Не сами кудри завивалися:
Завивала ихъ красна дѣвица,
Что своей она правой ручушкой,
Золотымъ веретёшечкомъ.

1251 (67).

Распечально дѣвье сердце
Всегда занываетъ,
Тоски придаваетъ,
Тоски сердцу придаваетъ,
Дружка наживаетъ.
Нажила я себѣ дружка
По мыслямъ себѣ по вѣрнымъ,
По думамъ по крѣвымъ;
На что было друга лучше?
До меня дружочекъ ласковъ,
Какъ сокольчикъ ясный;
Высоко соколъ летаетъ,
Меня, дѣвушку, пытаетъ;
Самъ разлуку милой чаетъ.
По разлукѣ, моя радость,
Самъ прочь отѣзжаетъ.
Оставляетъ дѣвку въ горѣ
Во слезахъ, что въ морѣ,
Оставляетъ во кручинѣ.
Шель корабль въ пучинѣ,
Шель корабличекъ въ пучинѣ:
Молодецъ въ кручинѣ,
Во кручинѣ, во печали.
„Пиши ко мнѣ, милый, письма“.
— Радъ бы, душечка, писати,
Мнѣ не съ кѣмъ послати.
Напишу письмо слезами,
Отошлю къ тебѣ съ друзьями,
Я со тѣмъ же со дружечкомъ,
Съ милымъ голубочкомъ,
Со сизымъ-то голубочкомъ,
Со златымъ иерочкомъ.—
Стану голубя имати,
Сизаго хватати.
Сизаго голубя хватала,
Письма отбирала.
Стану письма отбирати,
Грамотку читати.
Слово два, три прочитала,
Назадъ отослала:
„Я тобой, дружокъ, довольна,
Гулять съ тобой полно;
Видно, полно: перестану,
Отъ тебя, дружокъ, отстану;
Къ иному дружку пристану;
Любить вѣчно стану;
Ужъ я стану, не отстану:

Совыканье было тайно,
Совыкалися годочекъ,
Разставалися часочекъ“.

1252 (68).

Размолоденъкій дѣтинушка,
Мальчикъ молодой!
Ты не стой, не дожидайся,
Любезненькой мой,
Чтобы не столь бы дѣвушкѣ
Мнѣ стоять едной.
Растошнешенько, разгорчешенько
Серди моему:
Отѣзжаетъ миленькой
На чужу, дальнию сторону,
Оставляетъ дѣвушку
Еднешеньку едну.
Скучно дѣвицѣ во горницѣ
Сидѣть одной.
Намъ приходить весна красна
Въ саду погуляти;
Знать, что видно, мнѣ не гуливать
Съ милымъ во саду,
Не сидѣть мнѣ, по край рѣчки,
Съ милымъ на лужку,
Не считать мнѣ мелкихъ пташекъ
На лету.
Соловьюшки, пташки милыя,
Наши дружки!
Одна дѣвица съ милешенькимъ,
Съ милымъ была.
Брала дѣвица письмо,
Прочитывала;
Съ одного слова заплакала,
Во теремъ пошла:
„Сяду, лягу я на тесовую
Новую кровать;
Всю кроваточку ногами
Истопчу,
Всю периночку боками
Изомну,
Все взголовьице слезами
Оболью“.

1253 (69).

Чернобровой, черноглазой, душа мой,
Неразлучная любовь наша съ тобой!
Во дорожечку поѣдешь, душа мой,
Меня, горькую, злосчастну, вспомяни!
Вспомяни, милой, веселые часы,
Во которы веселись мы съ тобой,
Мы по садику ногуливали,
Въ зеленыхъ лужкахъ сиживали,

Во секретъ слова говаривали,
Со деревъ яблочки почищивали.
Я рвала, брала, милому дарила,
Я милому, любезному своему.
Я со той поры сударушкой слыла,
Сударушкой, красна дѣвица душа.

1254 (70).

Не ржавчинка, болотинка
Бѣлой снѣгъ съѣдаетъ:
Не кручинушка добра молодца,
Печаль сокрушаеть,—
Что крушить, сушить добра молодца
Худа слава.
Со худой славы доброй молодецъ
Вѣчно погибаетъ,
Погибаетъ его буйна головушка
Все занапрасно,
Занапрасно буйна головушка,
Все не за дѣло.
Не сизъ голубъ по поднебесью
Онъ, братцы, летаетъ:
Доброй молодецъ по лагерю
Ходить, гуляетъ,
Онъ ищетъ, выбираетъ себѣ человѣка,
Кто бы, кто бы изъ острой сабли ржавчинку
повытеръ,
Кто бы, кто бы изъ ретива сердца—грусть,
тоску, кручину.

1255 (71).

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго
Поднималася погодушка,
Что такая нехорошая:
Со вѣтрами, со морозами,
Со великими съ пригрозами.
Что во ту пору, во то время
Дочь отъ матушки поѣхала,
Жалобнешенько заилакала.
Во зеленой садѣ заѣхала,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодцами рѣчъ говорила:
„Соловей мой, соловеюшко!
Полетай, душа соловушко,
На родимую стороночку,
На родимую, любимую.
Ты скажи же, соловеюшко,
Отцу, матушкѣ низкой поклонъ,
Роду, племени по челобитьцу,
Моему дружку любезному,
Любезному, старопрежнему,
Старопрежнему, досельному“.

1256 (72).

Долина, долинушка,
Раздолѣе широкое!
При тебѣ, долинушка,
Выростала рощица,
Частая берёзонька.
Изъ-за этой рощицы
Свѣтить, грѣеть солнышко
Зимой не по лѣтнему:
Любить парень дѣвушку
Зимой не по прежнему;
Все любилъ, обманывалъ,
Замужъ подговаривалъ.
Не сдавалася дѣвушка
На его обманушки.
Нынѣ же у дѣвушки
Вся весна въ думѣ прошла;
Лѣтечко придумала,
Всю осень проила.
Сомнѣвалася дѣвушка,
Кого полюбить будеть:
Полюбить мнѣ ближняго,
Сосѣди спровѣдаются,
Ничего не сдѣлаютъ;
Полюбить мнѣ дальняго,
Будеть далече ходить;
Полюбить женатаго,
Женушка осердится;
Полюбить холостаго,
Холость обѣничается;
Полюбить мнѣ вдоваго,
Вдовой—горька пьяница,
Вдовой—распропоица;
Вдовой во кабакѣ пойдетъ,
Съ меня сарафанъ прошнѣть
Что на зеленѣ винѣ,
Во царевѣ кабакѣ.
Полюбить мнѣ стараго,
Стараго не хочется,
Сердце не воротится;
Полюбить матрозика,
Матрözъ на судахъ уйдетъ;
Полюбить солдатика,
Солдатъ во походѣ уйдетъ,
Дѣвушку съ собой возьметъ.

1257 (73).

Сердце лапушка, надсадушка моя!
Полно, радость, сокрушать сердце мое.
Злое сердце ноеть, тужить завсегда.
Завсегда, радость, глядѣль бы на тебя:
Прельстили очи ясныя твои,
Присушили черны брови молодца;

Ухватила посередь живота:

„Скажи, скажи, сердце-лапушка, о томъ,
Когда я тебѣ милъ, сердечный другъ не въ
достой,

Не въ достой, радость,—скорѣ мнѣ откажи,
Ты другому плуту-бестіи прикажи.“

— Не могу, радость, того тебѣ сказать,
Чтобъ тебѣ, мой милъ, сердечный, отказать:

Ты по часту ко мнѣ въ гости, другъ, гостиль,
Дорогой, честный подарокъ приносиль:

Со правой руки злачень перстень дарилъ.
Сунротивъ дружка отдавала:

Я таллинский алый плать ему дала,
Я дала, дружку пожаловала.—

Во послѣдней разъ отказывала:

„Не прогнѣвайся, мой миленькой дружокъ,
На моихъ честныхъ подаркахъ великихъ;
Полюбила изъ мѣшанъ я молодца,
Лучше, краше Петербургскаго куница“.

1258 (74).

Мимо Москву проѣзжали,
До деревни доѣзжали,
У вдовы домъ замѣчали,
У вдовушки колотились,
Ночевать у ней просились:
„Пусти, вдова, ночевати,
Насъ вѣдь молодцевъ немножко:
Полтораста пѣшеходовъ,
Полтретыяста—всѣ на коняхъ,
Всѣ на конечкахъ осѣдлыхъ.“

— У меня дворъ не стоялъ,
Квартирушка небольшая,
Небольшая, хорошая.—
Силой гости ворвались,
Въ квартирушку забрались.
Всѣ садились по лавкамъ,
Всѣ по лавочкамъ по порядку:
Какъ большой-то гость повыше,
Онъ повыше, въ большой уголъ,
Въ большой уголъ подъ оконшко.
Сама вдовушка у печки,
Прижала руки къ сердечку.
Какъ большой-то гость промолвилъ:
„Ты давно ль, вдова, вдовѣшъ?
Ты давно ли сиротѣшъ?“

— Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротѣю съ годомъ двадцать.—
„Подойди, вдова, поближе,
Ноклонись, вдова, пониже;
Сними съ меня черную шляпу,
Черную шляпу пуховую,
Пуховую, полевую.
Во шляпочкѣ есть платочекъ,

Во платочекъ узелочекъ,
Въ узелочекъ перстенечекъ,
Злачень перстень обручальный,
Мы которымъ обручались,
Въ Божьей церкви сочетались“.

1259 (75).

На лугахъ-то ли, на лугахъ зелёныхъ,
На травахъ-то ли, на травахъ шелковыхъ
Расцвѣтала груша зеленая,
Выростала ли яблонь кудрявая.*)
Что подъ яблоню было подъ зеленою,
Подъ грушю было подъ кудрявою
Молодецъ дѣвку журить, бранить,
Честью, лестью разговаривалъ,
Разговаривалъ, да все обманывалъ:
„Не ходи, дѣвушка молода, замужъ за старого,
За старого, за сѣдаго.
За сѣдаго, за бородатаго.
Не теряй, дѣвушка, своей красоты,
Не расплетывай трубчатой косы,
Не выплетывай ленты алые,
Ленты алые, подаренные,“
Что дарилъ меня милъ сердечный другъ;
Онъ не въ пору дарилъ, не во время:
На пролѣтъ дарилъ весны красныя,
На проходѣ лѣта теплаго,
На зачинѣ зимы холодныя.

*.) Рук. кудряовая.—Ред.

1260 (76).

Ванюша, Ванюша, Иванъ!
Что, Ваня, не бѣль, не румянъ?
Гдѣ, Ваня, румянецъ потерялъ?

Или на дорогѣ обронилъ,
Или краснымъ подарилъ?
Вѣлая, румяная моя,
Красная дѣвица душа,
Что, радость, печальна завсегда?

Или тужишь обо мнѣ?
— Всѣ я по тебѣ, радость, тужу;
Въ темныя ночи мало силю,
Всѣ я надзираю надъ тобой,
Надъ твоей надъ буйной головой.—

„За твой за хороший приговоръ,
Лапушка, за ласковы слова,
Всѣ люди толпами стоять;
Всѣ люди про Дуню говорятъ:
Дуня такова и сякова,
Авдотьушка инакова.“
Дуня у чужихъ воротъ стоять,
Дуня за колечушко брянчить,

За такое, за витое, за серебряное.
Дунюшка Ванюшу манить:
„Подь, подь, Иванушко дружокъ,
Подь, подь, малиновой душокъ“.

1261 (77).

Миль, отрада, радость мой,
Сизъ голубчикъ дорогой!
Жаль разстаться мнѣ съ тобой,
Жаль разстаться, рас проститься,
Миль, на вѣки отъ тебя!
Сбѣгу въ темные лѣса,
Сбѣгу въ темны, во дремучи,
Гдѣ я съ дѣвушкой гуляль,
Гдѣ приятно цѣловаль,
Разлапушкой называль.
Разлапушка дѣвушка,
Черноброва кралечка,
Черноброва, черноглаза
Край дорожки гуляла,
Со травы цвѣты рвала.
Я вѣнокъ ему плела,
На головку одѣла.
По дорожечкѣ пошла,
Край дорожки становлюсь,
На себя млада дивлюсь,
Никого я не боюсь:
Я ни вора, ни маюра,
Ни донского казака,
Ни простого мужика,—
Боюсь милаго дружка.

1262 (78).

Не ясенъ-то ли соколь, соколь по горамъ
леталь,
Онъ леталь-то ли, леталь, леталь, лебедей
Все лебедушекъ искалъ. [искалъ,
Онъ нашель-то ли, нашель, нашель на кру-
той горѣ,
На крутенкои на горѣ, горѣ, на всей красотѣ.
Онѣ всѣ-то ли сидять, всѣ сидять бѣлешеньки,
Ровно бѣленькой снѣжокъ.
Одна-то ли лебедь, лебедь побѣлѣвъ всѣхъ,
Побѣлѣвъ всѣхъ, лебедь поснарядиѣ,
Поснарядиѣ, лебедь подогадливѣ:
Изъ стада-то къ стаду лебедь перелетывала,
На милаго дружка, дружка часто взглядала:
Мой-то миленькой дружокъ расхорошъ, при-
гожъ.
Расхорошъ-то ли, пригожъ, милой въ луж-
кахъ гуляль,
Во лужечикахъ гуляль, гуляль, тяжело взды-
халь,

Не по батюшкѣ вздохнуль, не по матушкѣ,—
Онъ вздохнуль - то ли, вздохнуль по суда-
По любезной по своей. [рушкѣ,
Мнѣ не жаль - то ли, не жаль, не жаль са-
Самого себя не жаль, [мого себя,
Только жаль-то ли мнѣ жаль, жаль саду зе-
Зеленаго саду жаль. [лѣнаго,
Въ зеленомъ - то ли саду, въ садикѣ трава
растеть,
Мурава-то ли трава, цвѣтики лазоревы,
Всѣ лазоревы цвѣты.
Что во томъ ли то саду гуляютъ три дѣвицы,
Три красавицы гуляютъ.

1263 (79).

Край дорожки, край широкія было Москов-
Туть стояла зелена елинка, [ской,
Не толстая, собою ровная,
Со вершиночками до самаго корня.
Что на этой было елинкѣ,
Что на самой было па вершинкѣ,
Туть сидѣла дорогая шашка,
Горегорькай бѣдна кукушка.
Не кукуетъ, всѣ бѣдна горюетъ,
Жалобнешенько слезно причитаетъ,
Подъ елинушку сама взираетъ:
Подъ елинушкой лежить молодчикъ,
Не убить онъ лежить, не застрѣленъ,—
Вострой сабелькой весь онъ изрубленъ.
Что на молодцѣ была рубашка,
Тонка, бѣленька была бумажна,
Во крови то она была кумашна,
Во грязи то она была китайна.
Туть спрограммить душа молодчикъ:
„Ужъ ты, мамушка, зелена елина!
Опусти ты свое прутье - витье,
Ты прикрой мое тѣло бѣлое,
Чтобы дождикомъ тѣла не мочило,
Краснымъ солнышкомъ тѣла не сушило,
Чтобы звѣри тѣла не терзали,
Черны вороны тѣла не клевали.“

1264 (80).

Полно, миленькой, зиму зимовати,
На меня тоску нагоняти:
Безъ того мнѣ, дѣвицѣ, тошно,
Красавицѣ горько,
Пособить горю неможно:
Я послѣднюю весну гуляю,
Дѣвушкѣ гуляю.
Вздумалъ батюшка замужъ отдавати
Родна матушка не за ровню,
Замужъ за стараго.

За старымъ житъе не корыстно,
Мнѣ за молодцемъ беспокойно.
Что на рѣченкѣ, на Казанкѣ,
На прикрученкѣ бережечкѣ,
На желтеенькомъ на песочкѣ
Раскрасавица платье мыла,
Красавица мыла,
Дубовымъ валькомъ колотила,
Валечкомъ колотила.
Изъ рука валечекъ уронила,
По локоть ручки обмочила,
По пальцамъ ручки озноила,
На водѣ кудри изловила,
Русы изловила,
Частымъ гребешкомъ расчесала,
Алой ленточкой привязала,
На ленточкѣ подписала,
Въ Ярославль городъ отослала.

1265 (81).

Полно, солнышко, изъ-за лѣсу свѣтить,
Полно, красно, во саду яблони сушить:
Полно, дѣвушка, по молодцѣ тужить,
Полно, красна, по удаломъ тосковать.
— Еще какъ же мнѣ не плакать, не тужить?
Такова дружка мнѣ въ свѣтѣ не нажить!—
Не свѣтель мѣсяцъ по улицѣ просвѣтиль;
Заря бѣлой свѣтѣ въ окошечко взошла:
Ко мнѣ любушка-сударушка пришла,
Вѣтъ утѣхи и забавы принесла;
Въ окошечко бѣлы руки подала,
Подавши ручки, увѣряла молодца:
„Ты, раздущечка, удалый молодецъ,
Чернобровой, черноглазой, душа мой!
Намъ не долго во любови съ тобой пожить,
Намъ не долго и компанья поводить.
Поѣзжай, миль, по дорожкѣ столбовой,
Привези мнѣ-ка подарокъ дорогой,
Подарочекъ дорогой, левантиновой платокъ.
Вечоръ, миленькой, въ компаньиѣ была,
Про тебя, мой другъ, словечко слышала:
Тебя, миленькой, женить скоро хотятъ,
Меня, дѣвушку, засватали сей часъ;
Тебя женить, меня замужъ отдають.“

1266 (82).

Ужъ вы, горы, вы, горы, горы круты, высоки!
Ничего-то вы, горы, горы не спородили;
Спородили только горы все горушками.
Изъ-подъ камешка течеть, течеть рѣчка бы-
стряя,
Что надъ той же надъ рѣкой выросъ часть
ракитовъ кустъ;

На томъ кустышкѣ сидѣлъ, сидѣлъ младъ
сизой орель,
Во когтяхъ-то онъ держитъ, держитъ черна
ворона.
Ужъ онъ бить его не бѣть, всѣ крѣпко
выспрашивается:
„Ужъ ты гдѣ, воронъ, бывалъ, гдѣ, черной,
покетывалъ?“
— Ужъ я былъ-то побывалъ, былъ я во дикихъ
степяхъ,
Во дикихъ-то во степяхъ, степяхъ во Сара-
товскихъ;
Ужъ я видѣлъ-ли, видѣлъ, видѣлъ чудо чудное,
Чудо чудное-то видѣлъ, видѣлъ диво дивное:
Во черной-то во грязѣ лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое лежитъ, тѣло молодецкое;
Что никто-то ко тѣлу, къ тѣлу не присту-
пится.

Прилетало ко тѣлу да три ласточки,
Три ласточки, да три косатыя:
Первая ласточка была родимая матушка,
Вторая ласточка была родная сестрица,
Третья ласточка была молодая жена.
Родна матушка плачетъ, какъ рѣка течеть,
Родна сестрица плачетъ, какъ ручьи текутъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падаетъ.
Когда солнышко взойдетъ, роса высохнетъ:
Молода жена за гульбой пойдетъ.

1267 (83).

Ходилъ Ванюша по подлѣсью
Съ вострою косою,
Искалъ Ванюша сѣнокосу
На вострую косу;

Косилъ Ванюша чужу траву,—
Своя въ полѣ сохнеть.
Любилъ Ванюша чужу жену,
Своя слезно плачетъ;

Она плачетъ и рыдаетъ,
Машеньку ругаетъ.

— Еще что кому за дѣло,
Что я съ милымъ сѣла,
Съ милымъ сѣла, посидѣла,
Разговоръ имѣла,
Пѣсенокъ попѣла?

Пойду, выйду я, млада, за ворота,
Дѣвушка, въ болото;
Пойду, выйду за новыя,
Въ лужки зеленые,
Въ травки шелковыя;
Подвереюшки были точены,
Столбы золочены,
Травки подкошены.
Не травонька въ полѣ разстилается,

Не стелется, вьется:
Про насть ли съ тобой, любезная,
Славушка несется.
— Пушай люди судятъ, пьяны бабы ря-
Что я Машу люблю; [дять,
Любить стану, не отстану
До вѣку, до жизни.—
Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ
Еще что это за древо,
Березонька бѣла?
Что на этой бѣленькой березѣ
Сидѣлъ сизъ голубчикъ;
Что не сизенькой голубчикъ,
Удалой молодчикъ,
Передъ нимъ стоить дѣвица,
Она не рѣчи говоритьъ, сама слезно пла-
— Не плачь, дѣвка, не печалься; [четь.
Я любить не стану:
Отъ тебя отстану,
Ко иной пристану.

1268 (84).

Соловейко молодой, не пой громко во саду,
Не ной громко, не пой звонко:
Не столь скучно, молодцу,
Не столь скучно не столь грустно,
Самъ не знаю отчего.
Хотя знаю, замѣчаю
Отъ любезной своеи,
Какъ моя-то любезная
Отдаляется отъ себя,
Отдаляется, отъѣзжаетъ
За четыре ровно ста,
За четыре съ половиной:
Во матушку во Москву.
По Москвѣ мальчикъ гуляетъ;
Извошниковъ наживаетъ *),
Извошниковъ не нашелъ,
Самъ заплакаль и пошелъ;
Ко товарищу зашелъ:
„Ты товарищъ, дружокъ мой,
Мы подумамъ-ко съ тобой,
Мы подумамъ, погадаемъ,
Кого къ миленькой послать:
Мнѣ-ка старого послать,—
Старъ не дойдетъ до двора;
Хотя дойдетъ до двора,
Не отворить ворота.
Хоть отворить ворота;
Не запустять старика.
Мнѣ-ка малаго послать,—
Маль не знаетъ, что сказать.
Мнѣ-ка ровнушку послать,—
Ровня самъ охочъ гулять.

Самому мнѣ-ка бѣжати,
Вечеринку заставать,
Съ дѣвицами поиграть,
Съ молодцами попутить“.

*) нанимаетъ?—Ред.

1269 (85).

Какъ повыше было славного Питера,
Протекала тутъ рѣченка быстрая,
Рѣчка, быстрая, заводистая,
Заводистая рѣчка, каменистая.
Выгребала тутъ легкая шлюбочка;
Хорошо шлюбка была изукрашена:
Плисомъ—бархатомъ шлюбка околочена,
У ней носъ, корма были позолочены,
Тонкими парусами изнавѣшена:
На кормѣ сидѣлъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу сидѣлъ эсаулъ съ копьемъ.
На среди шлюбки стоялъ бѣль шатерь.
Во шатрикѣ были дубовы столы,
На столахъ лежить золота казна,
Золота казна Государева;
За столомъ сидѣтъ красна дѣвица,
Золотой казны караульщица,
Атаманова полюбовница,
Эсауловна родна сестрица,
Всѣмъ солдатушкамъ подговорщица.
— Мнѣ ночесь, дѣвкѣ, мало спалося,
Мало спалося, во снѣ видѣлось:
Атаману быть застрѣлену,
Эсаулу быть заколоту,
Молодцамъ гребцамъ во тюрьмѣ сидѣть;
Мнѣ самой дѣвкѣ въ Москвуѣхати,
Въ Москвуѣхати, въ землю Шведскую,
Въ землю Шведскую, во Турецкую
Къ молодому солдату барабанщику;
Молодой солдат въ барабаны бѣть,
Мнѣ, дѣвченкѣ, онъ милой другъ.

1270 (86).

Леталъ голубь по долинѣ,
Все голубушекъ искаль;
Не нашелъ голубь голубку
Ни въ долинахъ, ни въ лугахъ.
Я увидѣла милого
Во бесѣдѣ ввечеру.
Со бесѣдушки милого
Унимала ночевать:
„Ты почуй, почуй, любезный,
Ночуй почку у меня“.
— Я радешенекъ остаться:
Боюсь до свѣту просплю.—
„Ты не бойся, мой любезный,
До зорюшки рано разбужу;“

Разбудивши до утренней,
Я далече спровожу".
Я до тѣхъ мѣсть спровождала,
До зеленыхъ, до луговъ,
Я до зеленыхъ лужечковъ,
Гдѣ скончалася любовь;
Гдѣ скончалася, разставалася,
Слезно плакала по немъ,
Слезно плакала, рыдала.
Со слезъ рѣчка протекла;
Течетъ рѣченка Казанка,
Не широка, глубока,
Не широка, глубока,
Перевоза на ней нѣтъ;
Хотя есть онъ, да не здѣсь,—
На другой на сторонѣ.
На другой же на сторонѣ
Лежитъ легонькой стружекъ,
Разукрашенный карбасокъ;
Веселышка голубы,
Паруса очень бѣлы.
На кормѣ сидѣтъ хозяинъ:
То мой миленькой дружокъ.
Я по бережкѣ ходила,
По крутому гуляла,
Гулявши я по крутому,
Ручки къ сердцу прижала;
Прижавши ручки къ сердечку,
Нала грудью на воду.
На водѣ рѣчь говорила:
„По тебѣ, злодѣй, тону,
По тебѣ ли, по себѣ ли,
По любови, радость, по моей.“
— Скажи ты, моя любезна,
Чѣмъ прогнѣвалъ я тебя?
Развѣ тѣмъ прогнѣвалъ,
Что иную полюбилъ,
Какъ иную любезную,
Что Дуняшу молодую?
Для того тебя покинулъ,
Что годами молода:
Лѣтъ пятнадцати дѣвчонка,
За гульбой рано пошла,
За гульбою за такою,
За славушкой за худою,
За укорой вѣковой.—
„Еще что тебѣ за дѣло?
Хоть двѣнадцати годовъ“.

1271 (87).

Что безъ вѣтру мои мысли разнесли,
Разнесли мысли по чистымъ по полямъ,
По широкимъ зеленымъ лугамъ.
Кто бы, кто бы моему горю помогъ:
Со дороженьки дружка воротиль?
Воротися, мой миленький, назадъ:
Позабыла словечушка два, три сказать.
Наглядитесь, очи ясныя, на дружка въ запасъ,
Что въ запасъ-то на щѣлѣ круглый годъ.
Не сидѣла бы красна дѣвица одна,
Не чесала бы русы волосы частымъ гребешъ.
Не заплетала бы трубчатой косы, [комъ,
Не заплетала бы я алу ленту въ три рубля,
Не лежала бы я бѣлой грудью на окнѣ,
Не ронила бы я горючи слезы за окно,
Не глядѣла бы я въ чисто поле далече,
Не ругала бы я чужой дальней стороны:
„Ты злодѣй, ты злодѣй, чужа дальна сторона!
Разлучила ли ты съ отцемъ съ матушкой
меня,
И во вторыхъ разлучила со родимой сторо-
ной,
Во третьихъ разлучила съ красной дѣвицей
душой!“

1272 (88).

Ты, товарищъ, товарищъ, дружокъ мой,
Не съ одной ли мы сторонушки съ тобой?
Ты поѣдешь ли, товарищъ, другъ домой,
Скажи любушкѣ нижающій поклонъ,
Не ждала бы во все лѣтчко домой,
Во все лѣтчко до самой до зимы.
Замерзаютъ быстры рѣки и губы,
Западаютъ всѣ дорожки и шути:
Мнѣ-ка нельзя стало ко любушкѣ ходить,
Мнѣ нельзя стало сѣдѣчка проложить.
Вдоль по улицѣ дорога широка,
По загуменѣю тропинка торна,
И торнымъ-торна, пробита до песка.
Еще кто эту тропиночку пробилъ?
Молодецъ ко дѣвушкѣ ходилъ,
Онъ не толь ходилъ, гостинечки посыпъ,
Гостинечки сладки, прянички на меду,
Безъ размѣру зеленымъ виномъ поилъ,
Безъ расчету золотой казной дарилъ.

1273 (89).

Сохнеть, вянеть въ полѣ травка,
Сохнеть, вянеть безъ дождя;
Частый дождикъ не помога,
Со востока вѣтерокъ:

Размолоденькіе вы, молодчики, дружки мои!
Ваши ласковыя, распрытныя къ сердцу слова,
Что безъ огничка мое сердце разожгли,

Долго, долго дожидаться
Ми^ш невѣрнаго къ себѣ.
Полно, сердце, скрущаться:
Милъ не мыслить обо мнѣ.
Было времечко прекрасно,
Когда милъ меня любилъ;
Нынѣ все перемѣнилось:
Милъ иную полюбиль;
Меня бѣдную, несчастну
Еднимъ вздохомъ наградилъ.
Сколько вздоховъ я вздыхала,
Ни одинъ вздохъ не дошелъ.
Сколько слезъ я проливала,
Во слезахъ милъ не видаль.
Сколько писемъ я писала,
Милой писемъ не читалъ,
Не читаетъ милой писемъ,
Назадъ ко мнѣ отсыдалъ.
Извини, мой другъ любезный,
Что я дерзко говорю:
Деревенска я уроженка,
Безъ политики взросла:
Я градскихъ манеръ не знала:
Все въ деревенкѣ жила.
Пойду я схожу въ зелень садикъ,
Разгуляю грусть тоску.
Ничего въ саду не видно,
Только пташки по кустамъ.
Сидѣть пташки все попарно
И поютъ, какъ соловьи.
Сидѣть дѣвишки съ дружками,
У Катюши дружка нѣть.

1274 (90).

За Невагою, за второй рѣкой Переярогою,
За дорожечкой было за широкою,
За сторонечкой было за Московскою,
Не полны травка въ полѣ шатается:
Зашаталиася въ полѣ да душа лъ моя,
Ты, раздущечка, мой добрый молодецъ.
Я не самъ зашелъ, не своей охотою:
Занесла меня, добра молодца, неволюшка,
Жизнь наша боярская, служба Государева.
Тяжела служба: день до вечера,
Что со вечера служба до полуночи,
Со полуночи служба часу до девятаго,
Со девятаго часу до десятаго.
Со десятаго часу мѣсяцъ высоко взошелъ,
Съ неба звѣзды сыпались,
Разсыпались звѣзды по чисту нюлю:
Разѣзжала наша армія,
Сила-армія наша, конна гвардія
Дружкамъ по зелененькимъ.

1275 (91).

По дорожечкѣ да по широкія,
По широкія да по Московскія
Туть ишла, прошла сила-армія,
Сила-армія, да конна гвардія:
Три полка солдатъ
Всѣ молоденькихъ, безбороденькихъ,
Все холостые, да не женатые.
Впереди солдатъ знамена несутъ,
Въ барабаны бьють барабанщики;
Ружья свѣтлые, замки крѣпкие;
Ружья сбрыкали, солдаты сплакали:
Во походъ пошли, во дорожечку,
Хоть не въ дальную, во печальнную.
Во дорожечкѣ думу думали,
Думу думали, рѣчъ говорили:
„Еще гдѣ, братцы, будемъ день дневать,
Ночь коротати?
Будемъ день дневать во чистомъ полѣ,
Ночь коротати во сыромъ бору,
Во темномъ лѣсу все подъ сосною,
Подъ кудрявою, подъ жаровою;
Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Одѣяльшко—вѣтры буйные,
Покрывальшко—снѣги бѣлые,
Омываньице—частый дождичекъ,
Утираньице—шелкова трава,
Родной батюшко намъ—свѣтель мѣсяцъ,
Красно солнышко—родна матушка,
Заря бѣлая—молодая жена“.

1276 (92) *).

Запобѣдны наши головушки молодецкія,
Заунывны наши сердечушки рекрутскія:
На остаточкахъ добромъ молодцу погуляти
Ми^ш по своей по родимой по сторонкѣ,
По любезнай, по веселой, по Воложской.
Я въ послѣдни добрый молодецъ гуляю.
Ты еще прости во послѣдній разъ!
Ми^ш не жаль, не жаль самого себя,
Только жаль мнѣ, жаль красной дѣвицы.
Ты прости, прости, родимая мать;
Ты еще прости, родной батюшка.
Ты на что, родной батюшка, меня засѣяль,
На весчастыице, родна матушка, спородила?
Ужъ ты отдалъ меня, батюшка, во солдатушки
За тѣхъ ли братьевъ за родимыхъ.
Ты прости, прости, красна дѣвица,
Во послѣдній разъ полюбовница!
Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не тужи обо мнѣ, полюбовница:
Если хуже меня наживешь, заплачешь;

Если лучше меня наживешь, меня забудешь.
Ты прости, прости, моя милая!
Во послѣдній разъ я цѣлую васъ.
Не судачьте-ко, родны братьяца,

Ты не плачь, не тужи, родна матушка:
Я пойду волей во солдатушки.

*) Пѣсни 1243 - 1276 пѣсни „уличные“.—Ред.

в) г. Шенкурскъ.

1277 (1).

Выходили-то солдатушки на зеленой лугъ,
Становилися-то ребятушки во единой кругъ,
Они думали, подумали думушку крѣпкую:
„Запоемте-ко, ребятушки, пѣсенку новую,
Мы которую вецѣръ пѣли, да во походѣшли
На батюшкѣ на соколѣ на церномъ кѣраблѣ,
Уѣшали-то мы полковника на синемъ морѣ.
Какъ уцаль-то нашъ полковнишко во сине
море,
Мы бросались за полковнишкомъ во сине
Мы хватали євѣ за щерны кудри, [море,
Мы вертѣли євѣ въ тонки парусы,
Мы кацяли євѣ день до венцера,
На другой день кацяли до полуночи,
На третей день кацяли до бѣла свѣту,—
Не могли откацять мы полковнишко.
Мы зашили євѣ въ куль рогозеной,
Отпустили євѣ во сине море,
Отпустивши євѣ, сами заплакали“.

1278 (2).

Ужъ какъ Платовъ енаараль
Онъ по арміи гулялъ,
Усы, бороду обриль,
Ко хранцюзу въ гости загуляль;
Какъ хранцюзъ єво не узналь,
За бѣлыхъ руки бралъ,
Въ нову горницю повѣль,
За дубовой столь садилъ,
Чаемъ-кофіѣмъ поилъ:
„Ужъ ты пей, душа кунецъ,
Ты московской молодецъ!
Ужъ я самъ въ Москвѣ бывалъ,
Много добрыхъ людей зналъ,
Одново вора не зналъ
Я Платова козака:
Еще кто-бы мнѣ єво сказалъ,
Тому-бы много денегъ далъ“.
Вотъ тутъ Платовъ распрошался,
Надъ хранцюзомъ онъ смѣялся:
„Ахъ! ворона, ты ворона,
Ты хранцюзская корона!
Не умѣла ты, ворона,

Ясна сокола ловить,
Добра мѣлодія убить:
Ужъ я былъ у тя въ гостяхъ,
Во твоихъ вострыхъ когтяхъ“.

1279 (3).

Какъ ударили въ большой колоколь
Во соборѣ да Петропавловскомъ.
Что за правымъ-то за крылосомъ,
У гробницы государевої,
Государя Петра Перваго,
Тутъ стояла честная вдова,
Честная вдова Государыня.
Катерина Алексѣвна,
Со слезами Богу молилась:
„Ужъ ты встань, встань, благовѣрный Царь,
Благовѣрный Царь, Петръ Алексѣевичъ!
Посмотри ты на свою армію
И на конную на всю гвардію:
Всѣ солдатушки во походѣ идутъ,
Барабанушки въ барабаны бьютъ“.

1280 (4).

Хотите ли, братцы, старину скажу,
Старину скажу, да небывалую,
Небывалую, да неслыхалую:
Ужъ какъ на морѣ, братцы, овинъ горитъ,
Овинъ горитъ, да всѣ со рѣпою,
Со рѣпою, да всѣ со красною.
По поднебесью, братцы, медвѣдь летить,
Во когтяхъ несетъ да онъ коровушку,
Онъ коровушку да цѣроношеструю,
Цѣроношеструю, да бѣлохвостую.
По цисту полю да корабли ильвутъ,
Корабли ильвутъ, да все сѣна везутъ.
На дубу свинья гнѣздо свила,
А овця пришла, яйцѣ спесла.
На заполькахъ мужики заезки бьютъ,
Да заезки бьютъ, хотять рыбку ловить!

*) Въ черновомъ пропускѣ, въ чистовомъ не отмѣченъ — Ред.

1281 (5).

Отдала меня матушка
Далекимъ-далекошенько:
За три города дальние,
За три крѣпости крѣпкія,
За три церкви соборныя,
За три стѣны бѣлокаменныя;
Не велѣла миѣ матушка
Не тужити, не плакати,
Не чисто въ гости гостити.
Ужъ какъ я, молодешенька,
Въ недѣльку стосковалася,
А въ другую взгоревалася.
Пойду-выйду я, мѣлода,
Я во чистоѣ полецкѣ,
Нопрошу я, молодешенька,
Я у ластоцкѣ перыця,
У касатоцкѣ крыльця;
Полецю я, молодешенька,
На родимую сторону.
Ужъ я сяду, молодешенька,
Во сырой борѣ на сосноцкѣ *),
На сухую тыциноцкѣ,
И на самую вершиноцкѣ:
Ты скрыши, скрыши, дѣревиѣ,
По всѣму свѣту бѣлому;
Вы кукуйте, кукушици,
За три города дальние.
Не моя ли то матушка
У рапнѣй заутрени?
Она Богу-то молится,
Всѣ свѣти затепляющи,
Всѣ меня вспоминающи:
— Не моѣ ли то дитятко
Во лѣсу заблудилося?
Во росѣ замоцилося?
Нѣть, не въ лѣсу заблудилося,
А во горѣ и въ слезахъ замоцилося!

*) Въ чистовомъ: сопочку.—Ред.

1282 (6) *).

Ужъ вы горы, вы горы, горы Московскія,
Вы Московскія горы, Воробѣёвскія!
На тѣхъ ли на горахъ выросталъ ракитовъ
кустъ;
На томъ ли на кусту сидѣть младѣ сизой
орель,
Во когтяхъ-то онъ держитъ, держитъ пѣрна
вѣрона,
Во когтяхъ онъ держа, самъ высипраниваетъ:
„Ужъ ты гдѣ, воронъ, леталъ, гдѣ ѡрной,
пополетывалъ?“
— Я леталъ, воронъ, леталъ во дальнихъ
странахъ,

Во дальнихъ-то во странахъ, степяхъ Са-
ратовскихъ;
На ѡрныхъ-то на грязяхъ лежить тѣло
Не избито тѣло, не изранено, [бѣлоѣ,
Ружьемъ тѣло изпострѣяно.
Прилетало-то къ тѣлу три кукушици,
Три кукушици, да три горюшици:
Первая горюшица была родна матушка,
Другая то горюшица была родна сестрица,
Третья-то горюшица была молода жена;
Родна матушка-то плачѣть, какъ рѣка льется,
Родна сестрица-то плачѣть, какъ руцы шу-
мятъ,
А молода жена-то плачѣть, какъ роса па-
даеть;
Родной матушкѣ-то плакать вплоть до смер-
точки,
Родной сестрицѣ-то плакать вплоть до за-
мужница,
Молодой-то женѣ плакать до мила друга!

*) Ср. выше пѣсню 1266. — Ред.

1283 (7).

Одна была въ полѣ дорожка,
И та травою заростала:
Одинъ былъ братецъ у сестрицы,
И тотъ къ сестрѣ въ гости не гостили.
Пожаловалъ братецъ, пріѣхалъ,
Сестра братца встрѣцяла,
Изъ стремянъ ноги вынимала,
Съ добра коня снимала,
Въ нову горницу приводила,
За дубовой столь братца садила,
Низенѣнко поклонилась.
Не долго въ гостяхъ братецъ гостили,
Одну ноцкѣ братецъ ноцевалъ,
И ту онъ цю скороталъ,
Всю ноценьку братецъ проходилъ,
Онъ и Богу-то промолился:
„Подай, Боже, да свѣту бѣлова,
Ты взойди, взойди, да красно солнцѣ,
Осіай, солицѣ, да во всю землю,
Во всю землю да свято-Русску,
По всѣмъ городамъ да по россискымъ!“
На добра коня братецъ садилсе,
Со своей сестрицѣ ироцалсе:
„Не дай Боже въ гости гостити!
Свекоръ-бѣдъко у тя бранливой,
Свекровушка ворцялива,
Деверыця твои драцливы,
Золовушки твои мутливы.“
Тутъ рѣки слезъ иролилися,
Гдѣ братъ съ сестрой разставался.

1284 (8).

Отдаютъ молоду на цюжу сторону,
На цюжу сторону, во большую семью;
Свекръ говоритьъ: „Къ намъ медвѣдицу ве-
дуть“.
Свекровка говоритьъ: „Къ намъ людоѣдицу ве-
дуть“.
Деверья говорять: „Къ намъ неткаху ведутъ“.
Золовки говорять: „Къ намъ непряху ведутъ“.
Стара бабушка говоритьъ: „Къ намъ плутовку
ведутъ“.
Благослови-ко, Христосъ, мнѣ съ мѣста встать,
Мнѣ съ мѣста встать, да всѣмъ поклонь-
отдать:
— Медвѣдица-то, батюшка, въ берлогахъ жи-
вутъ,
Людоѣдица-то, матушка, не въ нашихъ зем-
Неткахи-то, братица, ваши жены, [ляхъ,
Непряхи-то, сестрицы, сами-то вы!

1285 (9).

У воротъ трава притолочена:
Я у батюшки запоручена,
Запоручена я за крестьянина.
Ужъ какъ мнѣ младой не хотѣлося,
Моему сердцу не радѣлося:
Вѣдь, крестьянинъ-то онъ орать станетъ,
А мнѣ младой да боронить велить.
У воротъ трава притолочена:
Я у батюшки запоручена,
Запоручена я за поповица.
Ужъ какъ мнѣ младой не хотѣлося,
Моему сердцу не радѣлося:
Поповицъ-то да онъ писать станетъ,
А мнѣ младой огонь свѣтить.
У воротъ трава притолочена:
Я у батюшки запоручена,
Запоручена я за гудочника.
Ужъ какъ мнѣ младой захотѣлося,
Моему сердцу зарадѣлося:
Какъ гудочникъ-то станеть въ гудокъ играть,
А какъ я млада буду пѣсни пѣть.

1286 (10).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго
Поднималася погодушка,
Что такая не хорошая,
Со вѣтрами, со морозами,
Со великими пригрозами.
Въ эту пору, въ это времячко
Дочка къ матушкѣ поѣхала;

Середи лѣсу дремучаго
Она въ садичкѣ гулять пошла,
Съ молодцами думу думала,
Съ соловьями слово молвила:
„Полетите, млады соловьи,
На мою родиму сторону,
Отнесите, млады соловьи,
Родну батюшку низкой поклонь,
Братиамъ, сестрамъ чelобитыце.
Вы скажите родной матушкѣ:
Зачѣмъ далече выдала,
На чужу дальну сторонушку,
Ко лютой ко свекровушкѣ?
Послала^{*)} меня свекровушка
Середи-то ночи темная
На синѣ морѣ съ ведерышкомъ
Ключевой воды почерпнути.
Гуси, лебеди встрепенулися,
Сине морѣ всколыхалося,
Ключевая вода смущилася,
Мои руки опустилися“.

^{*)} Въ orig.: посыла.

1287 (11).

Вы раздайтесь, разступитесь, люди добрые,
Вы на всѣ ли на четыре на сторонки,
Ужъ вы дайте мнѣ, младѣнькѣ, ногуляти,
Мнѣ шелковыя травы да потоптати,
Мнѣ лазоревыхъ цвѣтоцьковъ посрѣдни
Покудова батюшка-сударь замужъ не выдалъ,
Покудова матушка-сударыня не сговорила
За того ли за дѣтину, за невѣжу;
На кабакъ идѣть дѣтина, скаѣтъ,
Съ кабака идѣть невѣжа восклицяѣтъ:
„Еще дома ли жена-та молодая?“
Отпирала бы жена да широки ворота!“
Ужъ какъ я ли, молоденька, была тороплива,
Поскорѣшенько съ постелюшки вставала,
Я покрѣпче воротецкѣ запирала,
Посмѣяла со невѣжой говорила:
„Ты ноцюй, ноцюй, невѣжа, за воротми!
Тебѣ мягкая постель—снѣгова порѣха,
А высокое зголовье—подвортни,
Шитой бранной положокъ—щастыя звѣзды,
Крѣпки, строги караулы—сѣры волки.
Каково тебѣ, невѣжа, за воротми,
Таково-то мнѣ, младенькѣ, за тобою,
За твою за безпутной головою!“

1288 (12).

Какъ за рѣчкой, за рѣкой
Стоитъ четыре двора,

Стоить чётыре двора, изъ воротъ ворота.
 Мужикъ пашеньки не пашетъ,
 Завсегда рожь продаётъ;
 Мужикъ солоду не роститъ,
 Завсегда пиво варить;
 Мужикъ денегъ не куёть,
 Деньги взаймы даетъ.

1289 (13).

На ракитовомъ, на кустишкѣ,
 На малиновомъ на прутикѣ
 Соловеющко поетъ,
 Молодой мальчикъ наевистываетъ:
 „Скоро, скоро дѣвку замужъ отдаются,
 Всѣ минуются у дѣвушки гульбы,
 Красота съ лица поскатится“.
 Поиграйте-ко вы, дѣвушки,
 Поиграйте-ко, голубушки,
 Покуль воля, воля батюшкова,
 Покуль нѣга, нѣга матушкина;
 Будеть волюшка—чужа сторона.
 Не ровно замужъ выйдетъся,
 Не ровень накачается:
 Либо старой, либо малой мужъ,
 Либо ровношюка пьяница-дуракъ:
 Не отпустить онъ на улицу гулять.

1290 (14).

У Ванюши заболѣла голова,
 У хорошаго съ зеленаго вина,
 Прискучилось жить холодная зима,
 Не возрадуй тепло лѣто и весна:
 Молода жена не любая пришла,
 Журитъ, бранить свово мужа завсегда.
 Мужъ не слушаетъ жены-то никогда:
 Онъ со вечера буйну голову чесаль,
 Со полночи русы кудри завиваль,
 Завивши кудри, на гуляньице пошелъ.
 Что по той никто дорожкѣ не гуляетъ,
 Куда шелъ, прошелъ дѣтинка молодой.

1291 (15).

Иванулка братецъ мой,
 Бриглинулся разумъ твой,
 Песь обычай дорогой:
 Ты не будешь вина пить,
 Будутъ дѣвушки любить
 И молодушки хвалить.
 Ужъ-ли я ли молоды
 Въ одиночествѣ жила,
 Одинокоу слыла;
 Затопила я избушку,
 Сама по воду пошла,
 Сама по воду, воду,

На Шамару на рѣку.
 На Шамарѣ на рѣкѣ
 Гуси, лебеди сидѣть,
 Размутить воду хотятъ,
 Размутили, сполоскали
 Воду свѣженѣкую.
 Ужъ-ли я ли молоды,
 На бережкѣ стояла,
 Ключевой воды ждала;
 Размахнула, почерпнула,
 На плечишко подняла,
 Зашаталася—пошла,
 Расплескалася вода.
 Сучинилася бѣда:
 Загорѣлась слобода;
 Собирались господа
 Изъ Петера городѣ,
 Изъ гостиново ряда.
 Дивовались господа,
 Что не ясно горитъ,
 Что не вспыхиваетъ.
 Это что-это за мужъ!
 Какъ своей жены не бѣть,
 Мужъ потачку даетъ.

1292 (16)*).

Край дорожки,
 Край широкія, пути Московской,
 Тутъ стояла зелена элинка,
 Не тонкая, собой ровная.
 Что на той-ли было на элинкѣ,
 На самой было на вершинкѣ
 Тутъ сидѣла молода пташа,
 Горе горькая бѣдна кокуша.
 Не кокуетъ, всѣ она горюетъ,
 Подъ элинушку часто взираетъ;
 Подъ элинушкой лежитъ молодчикъ,
 Не убить онъ лежаль, не застрѣлянъ,
 Острымъ коньцемъ онъ весь искошъ.
 Какъ на молодцѣ была рубашка
 Тонка бѣлая была бумажна,
 Во крови-то лежитъ она кумашна.
 Ужъ какъ взмолился душенька молодчикъ:
 „Ужъ ты, мать-ты моя, зелена элинка,
 Опусти ты свое прутье-вѣтъе
 Со вершиночкіи до самаго корня,
 Ты покрой-ко мое тѣло бѣло,
 Тѣло бѣлое покрой молодецко,
 Молодецкое покрой безотецко,
 Чтобы дожичкомъ тѣло не мочило,
 Чтобы солнышкомъ тѣло не сушило,
 Чтобы звѣри-то тѣло не терзали,
 Чтобы птицы-то тѣло не клевали“.

*) Ср. выше пѣсню 1263.—Ред.

1293 (17).

Ужъ ты гдѣ же, воронъ, быль?
 Гдѣ, черный, полетывалъ?
 Ужъ ты что же, воронъ, видѣль?
 Что, черный, повидывалъ?
 — Ужъ я быль-то побывалъ,
 Быль во дикихъ во стенихъ,
 Ужъ я видѣль-то, видѣль
 Чудо чудное,
 Чудо чудное видѣль:
 Лежить тѣло мертвое,
 Тѣло мертвое лежить,
 Тѣло молодецкое;
 Что никто-то къ тому тѣлу,
 Тѣлу не приступится.
 Прилетѣли къ тому тѣлу
 Три пташицы:
 Ужъ какъ перва пташа сѣла
 Ему на буйну голову,
 А другая-то пташа сѣла
 Ему на бѣлую грудь;
 Ужъ какъ третья пташа сѣла
 Ему на рѣзы ноги;
 Ужъ какъ перва-то пташа плачетъ,
 Плачетъ, какъ рѣка течеть;
 А вторая-то пташа плачетъ,
 Плачетъ, какъ ручы текуть;
 Ужъ какъ третья-то пташа плачетъ,
 Плачетъ, какъ роса падеть.
 Ужъ перва-то пташа
 Была ему родна матушка;
 А вторая-то пташа
 Была ему родна сестрица;
 Ужъ какъ третья-то пташа
 Была его молода жена;
 Родна мать-то его плачетъ,
 Плачетъ до гробныхъ досокъ;
 Родна сестрица плачетъ,
 Плачетъ до замужества;
 А молода-то жена плачетъ,
 Плачетъ до ина мужа.

1294 (18).

Соловей, ты соловей,
 Чернобровой молодой!
 Не летай далеко,
 Далеко и высоко
 По широкимъ по полямъ,
 По зеленымъ луговьямъ,
 По ракитовымъ кустамъ.
 Кабы кустичекъ не милъ,
 Соловей гнѣзда бѣ не вилъ,
 Малыхъ дѣтокъ не водилъ;

Кабы дѣвка не люба,
 Поплюбиль-бы я тебя,
 Щѣловаль-бы, миловаль,
 Ко сердечку прижималъ,
 Колечушкомъ дароваль.
 Золотое-то колечко
 Извушило все сердечко,
 Серебряный перстенекъ
 Извушилъ меня, дружокъ.
 У дѣвки у красотки
 Три завѣточки милыхъ,
 Есть три ленты шелковыхъ:
 Перва лента алая,—
 Есть печаль не малая;
 А другая голуба,—
 Пропла славушка худа;
 Третья лента со кистями,—
 Щѣтъ милой со вѣстями
 Съ чужой дальней стороны,
 Изъ Питера, изъ Москвы.
 Не боюсь большихъ судей,
 Боюсь безсовѣстныхъ людей,
 Всѣ люди кудесятъ, да мутятъ,
 Разлучить съ милымъ хотятъ.

1295 (19).

День маленекъ, да коротенекъ;
 Прохождай, денекъ, скорѣе,
 Наступай, ночка, темная,
 Да темная осення!
 Радость дѣвушка милая!
 Обжидай дружка милово,
 Иванушка молодово.
 Идеть Ванюша горою,
 Разудаленъкой—крутою,
 Несеть гусли подъ рукою,
 Звончатыя подъ правою.
 Ваня въ гусельцы играеть,
 Красныхъ дѣвушекъ потѣшаетъ.
 Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
 Не рони слезъ понапрасну:
 Слезы ронишь, лицо мочишь,
 Назадъ дружка не воротишь;
 Хоть воротишь, да не на долго,
 Не на долго, на годочки,
 Не на годочки, да на денечки,
 Столько времечка, на часочки;
 Тово скорѣе во дорожку,
 Не во дальнюю, да во Московску.
 Гуси, лебеди летѣли,
 На синее море сѣли,
 А присѣли да поплыли,
 Сине море сомутили,
 Бѣлу рыбину сбудили;

Бѣла рыбица пужлива,
Красна дѣвица шутлива:
Съ парнемъ шуточку шутила,
Парню на ногу ступила,
Съ парня пряниковъ просила.

1296 (20).

На горушкѣ хмѣлинушка,
Она вѣтется, вѣтется, встрепенесется:
Послушай-ко, моя хорошая,
Что я тебя люблю.
Я до тѣхъ поръ любить стану, (2)
Покуль не отстану. (2)
Про насъ люди судятъ;
Пускай судятъ, пускай рядятъ,
Что я тебя люблю. (2).

1297 (21).

Горемычная кукушка
По зорѣ-то рано летала,
Все летала, горевала,
Дружка мілаго искала:
Нашла дружка не на долго,
Не на долго, на денёчикъ,
Поры времечка, на часочкѣ.
Ахъ, ты садъ ли мой, садочикъ,
Садъ зеленый, съ виноградомъ!
Во саду-то дѣвка гуляла,
Съ ногъ башмачки истоптала,
Съ головы платокъ теряла:
„Мнѣ не жаль платы алова,
Только жаль дружка милова!
Пойду съ горюшкы на рѣчку,
Погляжу я вдоль по быстрой:
Не пловеть ли съ верху лодка?“
Плыть лодочка, чернѣеть,
На ней парусы бѣляютъ;
Плыть лодка не простая,
Не простая: со купцами,
Со купцами, со гребцами.

1298 (22).

Пойду я, во полѣ погуляю,
Бѣлую березу заломаю;
(Припѣвъ). Юръ, юръ даны

Во карманѣ,
Снѣги бѣлы горностали,
Вотъ подъячи голоштаны;
Наши рданы
Стали пьяны.
Дѣвки, пой-пой,
Бабы, вой-вой.

Скарта, ну, ну!
Вырѣжу я три пруточка,
Сдѣлаю я два гудочка,
Третью балалаечку.

(Припѣвъ) Юръ, юръ даны и проч.
Вы, гудни, не гудите;

Старого мужа не будите:

(Припѣвъ) Юръ, юръ даны и проч.
Старъ мужъ спить съ похмѣлья,
Со великаго перепоя.

(Припѣвъ) Юръ, юръ даны и проч.
Стань, мой мужъ, пробудися,
Вотъ тебѣ помои—умойся,
Вотъ тебѣ онучка—утрися,

(Припѣвъ) Юръ, юръ даны и проч.
Вотъ тебѣ лопата—помолися,
Вотъ тебѣ камень—подавися!

(Припѣвъ) Юръ, юръ даны
Во карманѣ
Снѣги бѣлы горностали,
Вотъ подъячи голоштаны;
Наши рданы
Стали пьяны.
Дѣвки, пой-пой,
Бабы, вой-вой,
Скарта, ну, ну!

1299 (23).

Холостой-ли голубочикъ
На бесѣды ходилъ сидѣть;
Онъ садится прѣмѣ дѣвки
На дубовую скамейку.
Онъ пошутить, поигрѣть,
Шутя дѣвку поцѣлуетъ.
Онъ придетъ домой, спать ляжетъ,
Своей матушкѣ разскажетъ.
А женатый, воръ проклятый,
На бесѣды сидѣть ходить,
Онъ садится противъ дѣвки,
На дубовую скамейку;
Съ дѣвкой шутить и играеть,
Въ шуткахъ дѣвку поцѣлуетъ;
Онъ домой придетъ, спать ляжетъ,
Молодой женѣ не скажетъ.
У него жена Агафья,
Съ кѣмъ сойдется, съ тѣмъ соймется,
Съ кѣмъ увидится, бранится,
Передъ дѣвушкой корится.

1300 (24).

Понавадилась Дуняша
На ключъ по воду ходить
Съ вѣдрами, съ ушатами,

Съ кленовыми шайками.
 „Пойду, пойду на гору,
 Ведры брошу подъ гору,
 Сама сяду на траву;
 Раскинуся яблоньей,
 Яблоньей кудрявою,
 Грушицей зеленою.
 Напишу я грамотку,
 По бѣлому бархату,
 Въ Ярославль ко матушкѣ:
 „Ужъ ты, матушка родна,
 Позволь дочкѣ погулять!“

— Ты гуляй, дочка родна,
 Покуль волюшка дана,
 Не покрыта голова:
 Какъ надѣнуть очиѣкъ,
 И съ гулянкою простишь!

1301 (25).

Ты полынушка, полынка,
 Полынь, травка горькая!
 Не я травку сѣяла,
 Что не я тебя садила,
 Не сама-ли ты, злодѣйка.
 Травка уродилася,
 По зеленому лужечку
 Травка разселилася:
 Заняла-ли тѣ, злодѣйка,
 Въ лугу себѣ мѣстечко,
 Въ лугу мѣстечко прекрасное,
 Мѣсто хлѣбородное.
 Что на томъ-ли на мѣстечкѣ
 Зелень садъ стоять,
 Во саду цвѣтутъ цвѣточки,
 Виноградъ растетъ.
 По утру рано до солнышка
 Въ зелень садъ пойду,
 Посмотрю, иришель-ли миленькой
 Въ зелень садъ гулять?
 Обманула меня дружокъ мой,
 Въ садикъ не бываль!
 Я домой пошла поздно вечеромъ,
 Слезно плакала.

1302 (26).

Я вечеръ своего милого
 Унимала ночевать:
 „Ты ночуй, ночуй, любезный,
 Ночуй ночку у меня!“
 — Я бы радъ-бы ночевать,
 Боюся, до свѣту прослю!—
 „Ты не бойся, другъ любезный,
 Я пораньше разбужу,

Я пораньше разбужу тебя
 И далеко провожу.“
 Я до тѣхъ мѣстъ провожала,
 Гдѣ кончалася наша любовь.
 Гдѣ я съ милымъ разставалась,
 Со слезъ рѣчка протекла,
 Со слезъ рѣченка Казанка,
 Не широка, глубока;
 Не широка, а глубока,
 Перевозовъ на ней нѣть.

1303 (27).

Ходилъ, гулять Ванюша по базару,
 Спрашивалъ товару;
 Не напель-то ли Ванюша товару
 По всему базару.
 Какъ пошелъ-ли нашъ Ванюша въ городочикъ,
 Въ жѣлѣзный рядочикъ:
 Что купилъ себѣ Ванюша товару—
 Кушилъ рѣзку косу;
 Всадилъ Ванюша рѣзку косу
 На дубово косье;
 Что пошелъ-ли Ванюша по подлѣсью
 Искать сѣнокосу.
 Не нашелъ ли нашъ Ванюша сѣнокосу,
 На вострую косу;
 Что чужую травку Ваня косить,
 Своя сохнеть, вянетъ;
 Что чужое сѣно Ваня грабить,
 Свое дождикъ мочить;
 Что чужую пашню Ваня пашетъ,
 Своя запустѣла;
 Что чужую кровлю Ваня кроетъ,
 Своя протекаетъ;
 Что чужую женку Ваня любить,
 Своя слезно плачетъ.

1304 (28).

Веселитесь вы, подружки, къ намъ весна
 скоро придетъ!
 Весна придетъ, солнце взойдетъ, сгонить
 снѣжки, весь морозъ!
 Раствѣтуть въ полѣ цвѣточки, всѣ раки-
 товы кусты.
 Между этихъ двухъ кусточекъ течеть рѣ-
 чушка быстра,
 Рѣчка быстра, вода чиста, бережки у ней
 круты.
 Я на эту быстру рѣчку гулять съ милымъ
 выхожу;
 Съ милымъ гулять выходила, тоску горе
 выносила,

Быстрой рѣчѣ говорила: „Возьми горюшко
мое съ собой,
Унеси ты мое горе, чтобъ ни чутъ было
нигдѣ!“
На водѣ горе не тонеть, водой горе не
несеть;
Приплываетъ мое горе ко крутыму бе-
режку,
Ко крутыму бережку, ко желтому ко песку.

1305 (29).

Не Дунай-то рѣчушка проходитъ:
Что проходятъ все солдаты молодые.
До селеньца солдатушки доходятъ:
„Пусти, вдовка, вдовка, почевати,
Ночевати да постояти!“
Выходила вдовка на крылечко,
Говорила имъ такія рѣчи:
— У насъ дворикъ, дворикъ не стоялъ,
У насъ горенка больно маленька.—
Отвѣтъ держитъ, держитъ болѣшій изъ
солдатовъ:

„Ужъ нась молодцевъ не много,
Полтораста только иѣзходовъ,
Полтретьяста все сидѣть на коняхъ,
Все на сѣрыхъ коняхъ, все во сѣдлахъ,
Во стремянахъ, наголо казаки!“
Они силой во дворъ ворвалися,
Всѣ садились гости нонорядку;
Большой гость садился подъ окошко,
Самъ онъ локоть кладетъ на окошко.
Вдовушка стоитъ у печки,
Бѣлы ручки держитъ у сердечка.
Какъ большой гость слово молвить:
„Ты давно ли, вдовушка, вдовѣешь,
Ты давно-ли, вдовка, сиротаешь?“
— Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротаю съ годомъ двадцать.—
„Подойди-ко ты, вдовушка, поближе,
Поклонись, вдовушка, пониже!
Ты сойми-ко съ меня черный киверъ;
Какъ во этомъ черномъ киверѣ,
Лежить бѣлый съ мушками платочикъ;
Во платочкѣ златой перстенечикъ:
Ужъ какъ съ этимъ златымъ перстнемъ
Мы стояли передъ святымъ престоломъ,
Законъ Божій вмѣстѣ принимали,
Этимъ златымъ перстнемъ обручались!“

1306 (30).

Подъ горкою, подъ горой,
Подъ рощицей зеленої, зеленої, зеленої
То ли сѣ ли,

Скоро что ли?
Говори, что зеленої!

Пахаль парень уголокъ
Во дальнюю далину, далину, далину.

То ли сѣ ли,

Скоро что ли?

Говори, что далину!

Посѣяли дѣвки ленъ

Надъ мельницей въ навину, въ навину, въ
навину.

То ли, сѣ ли,
Скоро что ли?*

Говори, что въ навину!

Посѣявши, пололи,

Бѣлы руки кололи...

Повадился въ этотъ лѣнъ

Молоденькой паренѣкъ...

Васильюшко щеголѣкъ,

Лѣнъ прирвалъ, весь притопталъ,...

Въ Дунай рѣку побрасаль.

Дунай рѣка! не примай,...

Ко бережку прибивай,

Ко бережку, ко песку,...

Ко барскому ко двору!

На барскомъ-то на дворѣ,...

Разыгрался сивый конь:

Конь копытомъ землю бѣть,...

Дробиль землю до песку,

До сѣраго камешку,...

Во камешкѣ огня нѣть;

Въ своей женѣ правды нѣть,

Въ чужой женѣ правда вся:

Чужой женѣ платочикъ,

Своей женѣ тряпицу,

Чужой женѣ башмачки,

Своей женѣ лапотки, лапотки, лапотки!

То ли, сѣ ли,

Скоро что ли?

Говори, что лапотки?

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

1307 (31).

Улетаетъ мой соколикъ, улетаетъ далеко:
Отъѣзжаетъ другъ любезный въ Питеръ,
далій городокъ!
Я не мало слѣзъ точила обѣ голубчикѣ
своемъ,
Я не мало его просила: хоть немножко по-
маній!
Не согласенъ моя радость, хотѣть бросить,
(п)озабыть.
Я въ тѣ порѣ дружка забуду, когда скро-
ются глаза,

Какъ закроютъ очи ясны тонкимъ бѣлымъ
полотномъ,
И завѣютъ очи ясны мелкимъ желтенькимъ
пескомъ.
На свою я на могилку легкой птичкой
прилечу,
И на эту на могилку тяжель камень по-
ложу;
Я на камушкѣ срисую, на бумажкѣ на-
пишу,
На бумажкѣ не простой, на гербомъ на
листу:
„Вы подруженьки голубки, не любите ни-
кого!“

1308 (32).

По ельничку, по березничку
Тутъ ходилъ, гулялъ вороний конь;
Трои сутки не поенный былъ,
Недѣлюшку не корменый жаялъ,
Черкасское сѣдо на бокъ сбило,
Золотую узду въ куски прирвалъ,
Шелковой поводокъ въ грязи стоятъ.
Не въ Москвѣ было, не въ Питерѣ,—
Во Анхангельской было во губерніи,
На большой-то было на дорожкѣ,
У купца было богатаго,
У крестьянина хорошаго
Солучиося несчастьицо,
Несчастьицо, безвремяницио:
Какъ жена мужа зарѣзала
Не простымъ ножемъ, булавчатымъ,
На ножишкѣ сердце выняла,
На ножишкѣ встрепеснулося,
Молода жена усмѣхнулася,
Послѣ этого ужаснулася:
„Что же это я, шельма, сдѣлала?
Своего мужа зарѣзала,
Милаго дружка спотѣшила!“

1309 (33).

За рѣчушкой за быстрою
Слободка стоитъ,
Не большая слободушка—
Четыре двора,
Во каждомъ во дворикѣ
Четыре окна;
Во тѣхъ же оконечкахъ—
Четыре кумы.
„Вы кумушки, голубушки,
Подружки мои!
Кумитеся, любитеся,
Любите меня!“

Вы пойдете во зеленый садъ,
Возьмите меня;
Вы станете цвѣты срывать,
Сорвите и мнѣ;
Вы станете вѣнки свивать,
Совѣйте и мнѣ;
Вы пойдете на Дунай-рѣку,
Возьмите меня;
Вы станете на дубовый плотъ,
Пустите меня;
Вы станете вѣнки спущать,
Спустите и мой“.
Какъ вся вѣнки споверхъ воды,
Какъ мой потонулъ:
Какъ вся дружки съ Москвы пришли,
Какъ мой не бывалъ.

1310 (34).

Хмѣлюшко по выходу гуляетъ,
Самъ себя хмѣль ярый восхваляетъ:
„Ужъ и нѣтъ меня, хмѣлюшки, краше,
Ужъ и нѣтъ меня, хмѣля, посмѣяле!
Всякъ меня, хмѣлюшку, знать,
Всякъ меня, хмѣля, почитаетъ.
Только золь до меня мужикъ садовникъ,
Только золь ко меня косолапый:
Онъ почасту во садичкѣ гуляетъ,
Онъ глубокія борозды копаетъ,
Противъ сердца тычину втыкаетъ;
Ужъ я тутъ-то, хмѣль, догадался,
На тычинушку на самый верхъ поднялся;
Я отростиль бѣлояровую шишку;
Стали меня, хмѣлюшка, щипати,
По торгамъ и по базарамъ развозити;
Ужъ и стали меня, хмѣлюшку, купити,
Ужъ и стали въ сладкомъ суслицѣ тонити;
Тутъ-то я, хмѣль, возъярился!
Я въ того же человѣка поселился,
Оплатить ему обиду подъ дѣла:
Цойду, выведу его на ўлку,
Я о тынѣ головой его стегнѹ-же,
О черную грязь бородою!“

1311 (35) *).

Улица ты наша широкая,
Трава мурава шелковая!
Ужъ ты чѣмъ, улка, изукрашена?
— Все гудками и волынками.
Веселыма скоморохами,
Удалыма, добрыми молодцами,
Душима красными дѣвицами,
Молодыми молодицами.
Невеличка птичка пташица,

Съ моря на море птица перелетывала,
Всѣ моря-то птица словѣдала;
Садилася да птица иташица
Середь-то моря, моря на камешокъ,
Середь синяго сѣла на бѣленькой,
Учалѣ птичка слушати,
Что не кичеть ли лебедь бѣлая,
Не рыдаетъ ли красна дѣвица?
Кичеть, кичеть лебедь бѣлая,
Плачеть, плачеть красна дѣвица
На восходѣ ясной зорюшки;
Плачеть, плачеть красна дѣвица:
„Не отдай меня, мати, старому,
Ужъ и старый мужъ погубитель мой,
Погубилъ мою буйку голову,
Спорудилъ онъ дѣвию красоту,
Все дѣвиче да украшеньице“.

*) Луговая.

1312 (36).

Разворчалась злая мачиха
На своихъ на бѣдныхъ насыниковъ.
На меня на красну дѣвицу;
Посылала меня мачиха
Во сырой борь по ягоды:
Красну ягоду малинушку
Днемъ брала при ясномъ солнушкѣ,
Вечеру брала при мѣсяцѣ
Черну ягоду смородину;
Ничего я не боялася,
Ничего не опасалася:
Ни волковъ, ни злыхъ разбойниковъ,
Ниочныхъ подорожниковъ.
Ужъ я только боялася
Лошадинаго попрыща,
Молодецкаго посвиста.
Молодецъ идеть, посвистываетъ:
Мнѣ куда будеть дѣваться?
„Здравствуй, душа красна дѣвица!“
— Ты здравствуй, добрый молодецъ!—
„Ахъ ты, душа, красна дѣвица!
Отдавала тебя мачиха
На чужу, дальну сторону!
Какъ на нашей-то сторонушкѣ
Три горы есть, три крутыя;
На горахъ-то три церкви стоять,
Подъ горой-то три рѣчки бѣжитъ.
Какъ на нашей-то сторонѣ
Три горы есть каменистя;
На горахъ-то три тюрьмы стоять,
Во тюрьмахъ-то потюремщики,
Что иочные подорожники!
Мы поѣдемъ, красна дѣвица,

Въ мою сторону богатую!“

— Я не слушаю рѣчей твоихъ:

Здѣсь привыкла съ малыхъ лѣтъ я жить.

1313 (37).

Походите-ко, дѣвушки,
Покрасуйтесь, голубушки,
Покуль воля-то батюшкова,
Покуль нѣга-то матушкина;
Не ровно замужъ выйдется,
Не ровень черть навѣрнется:
Либо старое одушилово,
Либо малое не сдружливо,
Либо ровня спесивая:
Поперекъ онъ постели лежить,
Все въ супоръ со мной говоритьъ,
Разувать, раздѣвать онъ велитьъ,
Часты пуговки разстегивати,
Кушачекъ распоясывать.
— У тебя ножки грязныя,
У меня ручки бѣлыя:
Бѣлы рученьки мараются,
Злачены перстни ломаются.—
Я пойду молода въ торгъ торговать,
По обычю товары закупать:
Еще что въ торгу поглянется.
Заглянулся въ торгу камешокъ,
Я за камешокъ три денежки дала,
За пѣпочку алтынъ придала:
Навяжу старому на воротъ,
Опушу старого на воду:
Каково старый плаваетъ?
То рука, то нога вверху,
Вотъ буйна голова ко дну;
Ужъ какъ старый мужъ взмолился мнѣ:
„Ты, душа моя, жонушка!
Перейми-ко меня старого,
Ужъ я буду на тебя работать,
По три утра толчи да молотъ,
По четверто не завтракать,
По пяти дней не обѣдывать“.

1314 (1) *).

Наша улица широкая, (до двухъ разъ)

Трава мурава зеленая! (2)

Еще чѣмъ улка изукрашена? (2)

— Изукрашена наша улица (2)

Все гудками и гудочками, (2)

Молодцами, молодицами, (2)

Еще красныма дѣвицами. (2)

Съ моря на морѣ перелетываетъ, (2)

Съ куста на кустъ перенархиваетъ; (2)

Садилась птичка (п)тичка (2)
Съ молодыми молодицами, (2)
Съ красными душами дѣвицами. (2)

Ср. выше пѣсню 1311.—Ред.

1315 (2).

Я во садъ пошла, во зелень пошла,
Ой калина, ой малина!
Пошла луку полоть, зеленого полоть.
Ой калина, ой малина!
Я полю, полю лучѣкъ, перепалываю,
Ой калина, ой малина!
Съ руки на руку лучѣкъ перекладываю.
Ой калина, ой малина!
Еще что про меня да въ тыну говорять,
Ой калина, ой малина!
Что въ тыну говорять, все бѣду ворожать,
Ой калина, ой малина!
Что бѣду ворожать, бѣду материину.
Ой калина, ой малина!
Еще кличутъ деверяя невѣстку домой:
Ой калина, ой малина!
„Ты подъ, подъ, невѣстка голубка, домой:
Ой калина, ой малина!
Валился твой свѣкоръ со новыхъ сѣней“.
Ой калина, ой малина!
Кабы знала про то, знала вѣдала про сѣ,
Ой калина, ой малина!
Я построила сѣни повыше того,
Ой калина, ой малина!
Что повыше того сѣни эдакіе.
Ой калина, ой малина!

1316 (3)*).

Походите-ко, дѣвушки, эхи,
Погуляйте, голубушки, эхи,
Покуль воля-то батюшкова, эхи,
Покуль нѣга-то матушкина; эхи,
Не равно въ замужъ выйдется, эхи,
Не равнъ чѣрть достанется, эхи,
Либо старое не дружливо, эхи.
Либо младо спесивое: эхи,
Въ поперекъ онъ постели лежить, эхи,
Онъ съ тобою въ супоръ говорить, эхи,
Раздѣвать, разувати велить, эхи,
Часты пуговицы растегивати. эхи,
„Ахъ жена, женушка моя, эхи,
Ты сизая голубка моя, эхи,
Ужъ я радъ работать на тебя, эхи,
По три утра толчи и молоть, эхи,
По четвертый не завтракати“. эхи,
Я пойду млада на гору, эхи,
Куплю млада камешокъ, эхи,

Навяжу стару на воротъ. эхи,
Я за камешокъ три денешки дала, эхи,
За цѣпочку цѣлой алтынъ, эхи,
Зайду млада на гору, эхи,
Посмотрю млада на воду, эхи,
Каково старый плаваетъ! эхи.

*) Ср. выше пѣсню 1313.—Ред.

1317 (4).

Пошла молода, пошла зелена
Въ зелень садичекъ гулять. (2)
Сорву, молода, сорву зелена
Съ винограду ягоды. (2)
Меня брало, разбирало
Съ виноградной ягоды; (2)
Кинуся, брошуся (2)
Ко батюшку на ручки,
Ко матушки на бѣлы.
Тутъ мнѣ не спится,
Тутъ не лежится.
Пошла молода, пошла зелена
Въ зелень садичекъ гулять. (2)
Сорву молода, сорву зелена
Съ винограду ягоду. (2)
Меня брало, разбирало (2)
Съ виноградной ягоды; (2)
Кинуся, брошуся (2)
Ко милому на ручки,
Къ сердечному на бѣлы.
Тутъ мнѣ спится,
Тутъ мнѣ лежится
У милаго на ручкахъ,
У сердечнаго на бѣлыхъ.

1318 (5).

Съ по Дунаю 2, съ по Дунаю, съ кѣмъ гуляю? 2.
Зайду въ тихую бисѣду 2, во бисѣду, 2.
Во бисидѣ сидить старой 2, сидѣть старой, 2.
Сидѣть старой не удалой 2, не удалой, 2.
На колѣняхъ держить гусли, 2 держить
гусли, 2.
Держить гусли дощанные; 2, дощанные 2
Съ по гусямъ-то лежать струны, 2 лежать
струны, 2
Лежать струны возжанные 2, возжанные. 2.
Старой въ гусли заиграеть 2, заиграеть, 2.
Мое сердце замираеть 2, замираеть, 2
Головушка съ плечь катится 2, съ плечь ка-
тится, 2
Рѣзвы ножки подломились, 2 подломились, 2.
Бѣлы ручки опустились, 2 опустились. 2
Развѣ пойду съ по Дунаю 2, съ по Дунаю, 2
Зайду въ тихую бисѣду 2, во бисѣду. 2.

Во бисидѣ сидѣть малой 2, сидѣть малой, 2
 Сидѣть малой не удалой 2. не удалой, 2
 На колѣнѣахъ держитъ гусли 2, держитъ
 гусли, 2
 Держитъ гусли дощанные, 2 дощанные; 2
 Съ по гусямъ-то лежать струны, 2 лежать
 струны 2
 Лежать струны возжанные 2, возжанные; 2
 Малой въ гусли заиграеть 2, заиграеть, 2
 Мое сердце замираеть 2, замираеть, 2
 Головушка съ плечъ катится 2, съ плечъ ка-
 тится, 2
 Рѣзы ножки подломились 2, подломились, 2
 Бѣлы ручки опустились, 2 опустились, 2.
 Развѣ пойду съ по Дунаю 2, съ по Дунаю, 2
 Съ по Дунаю съ кѣмъ гуляю 2, съ кѣмъ гу-
 ляю? 2.
 Зайду въ тихую бисѣду 2, во бисѣду, 2
 Во бисѣду сидѣть ровня 2, сидѣть ровня, 2
 На колѣнѣахъ держитъ гусли, 2 держитъ
 гусли, 2
 Держитъ гусли золотые, 2 золотые, 2
 Съ по гусямъ-то лежать струны 2, лежать
 струны 2
 Лежать струны звончные, 2 звончные; 2.
 Ровня въ гусли заиграеть 2, заиграеть. 2.
 Мое сердце зрадовалось 2, зрадовалось 2.
 Рѣзы ножки залясали 2, залясали. 2
 Бѣлы ручки защелкали 2, защелкали 2.

1319 (6).

Весной дѣвушки гуляли въ караводѣ на
 лужку.
 Дѣвки пѣсеньки запѣли, милой жалости вку-
 Рѣчь забавную говорилъ. [шаль,
 Деревенъка небольшая, зачѣмъ сушить каждый
 часъ?
 Деревенъка заразилась, одна любушка сушить.
 Нѣть на свѣтѣ горя больше жить со любош-
 кой въ раздорѣ.
 Раздорѣ въ люди не являю, у судьбы счастья
 прошу:
 „Ты, судьба, зла безсчастна, сдѣлай радость
 для меня,
 Сдѣлай радость, сдѣлай важность, возми за-
 мужъ за себя!“
 — Доброй молодецъ, хороший: теперь воля
 не своя.

1320 (7).

Ахъ ты Дунюшка ли Дуня, Дуня прежня
 любушка,
 Прежня любушка Дуня, да не ходи-то ты
 дюже поздно вечеромъ,

Да со вечера, Дунка, и до самой полуночи,
 Со полуночи, Дуня, до восхода солнца!
 На восхожемъ-ту Дуня да спать ложилася,
 Когда солнышко взойдетъ, росу высушить.
 Не красивъ-то во снѣ сонъ привидѣлся,
 Ай да сонъ привидѣлся да не про батюшка,
 да не про матушку;
 Сонъ привидѣлся Дунѣ про мила дружка, да
 про Иванушка:
 За рѣкой-то милой живеть на чужой сторонѣ,
 Въ новомъ городѣ, да въ славномъ Питерѣ,
 Живеть-то мой миленькой во работушкѣ,
 Да во работушкѣ во тяжелою, да во кирпич-
 ною,
 Кладеть же онъ да стѣны каменны,
 Стѣны каменны да государевы.

1321 (8).

Изъ утра-то рано во садичкѣ была,
 Всѣ я всѣ милаго дружка ждала, 2.
 Не дождавшися вонъ изъ садичка пошла. 2
 Ей настрѣчу єдетъ милой на конѣ,
 Говоритъ-то милой такія словеса:
 „Отчего ты, Маша, съ лица стала блекла? 2.
 Развѣ тужишь и горюешь обо мнѣ?“ 2.
 — Всѣ я всѣ я съ по тебѣ, милой, тужу, 2.
 Насилу съ по сырой землѣ хожу, 2.
 По малехоньку на бѣлой свѣтѣ гляжу. 2.
 Пойду, выйду на Дунай быстру рѣку, 2.
 Сломлю я калиновой пруточкѣ, 2.
 На пруточкѣ аленькой цвѣтокъ; 2.
 Кину, брошу я калину на Дунай быстру рѣку; 2.
 Ужъ калинушка не тонетъ, не плыветъ; 2.
 Мой-ѣть батюшка въ Ярославлѣ городѣ, 2
 Моя матушка у тетушки въ гостяхъ, 2
 Что у тетки, у сиротки, у вдовы.

1322 (9).

На прекрасномъ-то на мѣстѣ
 Разливалася тутъ рѣка;
 Ужъ я нацяль бы я лодку,
 Переѣхалъ за рѣку.
 Переѣхавши за рѣчку
 Ко любезнѣй ко своей,
 Я бы выстроилъ теремъ,
 Вышелъ бы я въ садикъ погулять,
 Я во садикъ принасѣлъ бы цвѣтовъ,
 Увидѣлъ бы я любушку въ лицо:
 „Здравствуй, любушка красотка!“
 На свѣтѣ нѣть милѣе мнѣ тебя“.
 — Когда я была маленька,
 Ты смѣялся надо мною;
 Теперь выросла побольше,

Всѣ насыпки ворочу.
Ужь какъ первая насыпка:
При компаніи пристыжу.
Какъ вторая-то насыпка:
За тя замужъ не пойду.
А какъ третья-та насыпка:
Я инова полюблю.

1323 (10).

Нельзя, невозможно безъ печали жить:
Любить дружка можно, нельзя ие тужить. 2
Мой миленькой ласковъ, самъ сердцемъ го-
рячъ; 2
Со етаго горя пойду въ темный лѣсъ, 2
Въ лѣсахъ пользы нѣту—всѣ древа шумятъ. 2
Подсушевно древо печально стоитъ; 2
На этомъ на древѣ иташечки сидятъ, 2
Сидять мелки ташки, жалобно поютъ, 2
Намъ съ тобою, миленькой, разлуку даютъ. 2
Ходилъ, гулялъ молодецъ въ темныхъ во лѣ-
сахъ, 2
Искалъ, искалъ молодецъ тихихъ заводей, 2
Не тихихъ заводей, а бѣлыхъ лебедей, 2
Не бѣлыхъ лебедушекъ, сѣрый утицей, 2
Не сѣрыхъ [утицей] то утицъ, а красныхъ
дѣвушекъ. 2
На что, по что, миленькой, хочешь подстрѣ-
лять? 2
— За то подстрѣляти, не хочу любити, 2
Далеко въ гости ходить.

1324 (11).

Съ по лугу, лугу разливалася вода,
Съ по зелену быстра струечка течеть;
Съ по этой по струечкѣ бѣла лебедь пловеть,
Шелкомъ коса переплетаная,
Золотомъ коса пере[в]иваная.
Взавтра у батюшки пиръ, таки пиръ; 2.
Мнѣ, молодѣ, не бывать во пиру, 2.
Пива и вина мнѣ не пить будетъ, 2.
Сладково меду мнѣ не кушивати. 2.
Съ по лугу, лугу разливалася вода, 2.
Съ по зеленому быстра струечка течеть; 2.
Съ поэтой поструечкѣ бѣла лебедь пловеть, 2.
Шелкомъ коса переплетаная,
Золотомъ коса переиваная.
Взавтра у матушки пиръ, таки пиръ; 2.
Мнѣ, молодѣ, не бывать во пиру, 2.
Пива и вина мнѣ не пить будетъ, 2.
Сладково меду мнѣ не кушивати. 2.
Съ по лугу, лугу разливалася вода, 2.
Съ по зеленому быстра струечка течеть; 2.
Съ поэтой поструечкѣ бѣла лебедь пловеть, 2.

Шелкомъ коса переплетаная,
Золотомъ коса переиваная.
Взавтра у милаго пиръ, таки пиръ; 2.
Мнѣ, молодѣ, таки быть во пиру, 2.
Пиво и вино мнѣ-ка пить будетъ, 2.
Сладково меду по три лошки вдругъ.

1325 (12).

Всѣ гулянья миновались,
Нѣть отрады съ милымъ ии на часъ.
Вышель миленькой дружекъ изъ глазъ;
Я который день дружка не вижу,
Мѣшаюся я глупая въ умѣ,
На тѣхъ мысляхъ спать ложуся,
Проснулась въ горѣ и тоскѣ.
Пойду съ горюшкой въ долину,
Сама сяду въ ручеёкъ.
Я сама ли себѣ дивлюся,
Куда бѣгу скоро, тороплюся.
Пресчастливой Машинъ выходъ:
Миль стоитъ передо мнай,
Разговаривать со мнай:
Вспомни, вздумай ты, любезной,
Какъ во первой разъ ко мнѣ пришоль:
Милой клялся и божился,
Хотѣль вѣчно съ Машой жить.
Теперечи миленькой оставляеть
На проклятой здѣшней сторонѣ.
Распроклятая здѣшняя сторонка,
Ненавистливый нынѣшній народъ!

1326 (13).

Воспой, воспой, жаравленочекъ, на крутой
горѣ,
На крутой горѣ, край быстрой рѣки.
Звесели доброю молодца, звесели да во не-
волюшкѣ,
Въ земляной тюрьмѣ, да въ темной темницѣ.
Я не годъ сидѣль, да ровно два года,
На третій годокъ сталъ письмо писать;
Написалъ письмо да въ свою сторону,
Къ отцу, къ матери:
„Отецъ, матушка, выкупай сына изъ нево-
Изъ неволюшки да изъ великие“. [люшки,
Отецъ, матушка да отказалися:
— У насть въ роду да воровъ не было,
И теперичи да воровъ не по што.—
Онъ еще сидѣль да ровно три года.
На четвертой годъ сталъ письмо писать
Въ свою сторону, да въ большу свободу,
Ко сусѣдышку да во бесѣдышку,
Къ красной дѣвушкѣ, да къ ирежъ лю-
бѣ.

„Прежня любушка, выкупай дружка,
Да изъ певолюшки изъ великие.
Если выкупишь, я замужъ возьму,
А не выкупишь, да я ножемъ сколю,
Вострой саблей всѣ булатнею.
Какъ у меня сердце все татарское,
Житъе барское, слуги вѣрные“.

1327 (14).

По дороженькѣ по широкой
Туда шли прошли три полка солдатъ,
Все молоденъки, да безбороденъки,
Малолѣтные, да подобретые.
Напередъ идутъ, въ барабаны бьютъ,
За има идутъ, да знамена несутъ,
Назадъ идутъ, да ружья свѣтлѣютъ,
Замки крѣпко бьютъ.
Ружья сбрякали, солдаты сплакали:
Они во походъ пошли да во дороженьку,
Ахти мнѣ, братцы, да на сраженъичѣ,
Все на лютое да кроволитъичѣ!
Собиралися на зеленой лугъ
Да во единой кругъ,
Думушку думали заедину:
Еще гдѣ, братцы, да будетъ день дневать,
ночь коротати?
Мнѣ-ка день дневать да во темныхъ лѣсахъ,
Ночь коротати да во сырыхъ борахъ,
Да всѣ подсосеныхъ, всѣ подъ сосенкой,
Да подъ жаровою,
Подъ зеленою, подъ кудрявою.
Мать сыра земля—наша постелька,
Зло коренъично—да наше сколовъично,
Всѣ буйны вѣтры—да одѣяльшико,
Частой мелкой дождь—да умывальница,
А шелкова трава—да утиральница,
Съ красной дѣвушкой да раставанъиче.

1328 (15).

Ты залетна итичка-ташка,
Вездѣ ты можешь летать!
Полетай-ко, сизенкой залетной,
Въ славной городѣ Петербургѣ,
Отыщи ты дружка милово,
Сядь поближе, сядь пониже,
Полегошенько проворкай;
Ты скажи-то дружку милому
Отъ меня низкой поклонъ,
Во вторыхъ скажи дружечку:
Во несчастъичѣ нахожусь,
Во такомъ большомъ несчастъи:
Ладятъ замужъ отдавать.
Отдаютъ меня младую
На чужую дальную сторонку,
На чужую-то сторонку не за милово дружка.
Я зимой-то въ гостяхъ гостила,
Во бесѣдушкѣ съ милымъ сидѣла,
На милово-то глядѣла:
Хорошъ милой уродился,
Онъ до дѣвушекъ былъ лѣстивъ,
Онъ до дѣвушки лѣстивой на колѣни поса-
Посадивши милой на колѣни, [дилъ,
Танцоватъ съ собой просилъ.
Я немножко съ милымъ танцевала,
Миль за ручку крѣпко жалъ,
Я руки не отнимала,
Появился въ лицѣ жарь.
Мнѣ-ка милово дружка жаль.
Пойду, выйду млада на крылечко,
Простужу бѣло лицо,
Чтобы жарь съ лица сошелъ.
Ко мнѣ миленькой пришелъ,
На часочекъ милой побывалъ,
Меня радость увидалъ *).

*) При № 1314—1328 нѣтъ обозначенія уѣзда.—Ред.

II. Вологодской губерніи.

a) Вологодской губ.*)

1329 (1).

Ой да попила-то моя головушка,
Пила, погуляла 2.
Ой да изъ за батюшки, ой да изъ за матушки,
Буйной головою, 2.
Ой да изъ за бративка, да изъ за невѣстушки,
На легкую работку; 2.

*) Болѣе точнаго пріуроченія нѣтъ.—Ред.

Ой да что на легоньку да на работушку
Въ зелень садъ гуляти, 2.
Ой да во зеленый садочикъ гуляти.
Яблочки щипати; 2.
Ой да яблочки-то тамъ пощипати.
Головку чесати; 2.
Ой да не гребешекъ чешетъ русы кудерцы,
Чешетъ гульба-нѣга. 2.
Ой да гульба-нѣга, мои русы кудри
Чешетъ красна дѣвка 2.

1330 (2).

И ой да что болить-то, ой болить-то мое
сердечушко,
 Ой да болить, болить ретивое;
И ой да что любилъ-то, любиль мальчикъ дѣ-
 Самъ спокаялся, [вушку,
И ой да испокаялся добрый молодецъ,
 Ой да съ дѣвкой рѣчи говорилъ:
„Ой да скажи, дѣвка, скажи, красная,
 Любишь али нѣтъ?“
Ой да я божилася и ой да клялася:
 — Ой да одного тебя люблю;
И ой да я любить-то, любить не люблю,
 Только наглядѣться никакъ не могу,
И ой да наглядѣться, да насмотрѣться
 Ой да на твое бѣлое лице;
Ой да что твое-то бѣлое лице,
 Ой да равно бѣлинькой, бѣлинькой сиѣ-
Ой да что твои-то щечки аленъки, [жокъ!
 Ой да равно аленъкой, аленъкой дѣ-
 токъ!—
„Ой да ты гляди-то, смотри, любезнай,
 Ой да пока я у тебя въ глазахъ;
Ой да я изъ глазъ-то выйду, дѣвушка,
 Ой да невидать тебя никогда,
Ой да не токмя что тебя видѣти,
 Да и голоска не услышати!
— Ой да безъ тебя, дружокъ милый мой,
 Ой да во несчастіи я нахожусь,
И ой да во такомъ-то во нещастыицѣ,
 Въ великой тоскѣ.

1331 (3).

Въ чистомъ полѣ при долинѣ
Луговинка зелена;
Что на этой луговинкѣ
Зелень садочикъ стоитъ.
Что во этомъ во садочкѣ
Рябинушка выросла;
И на той ли на рябинкѣ
Соловеюшко поетъ.
Ты не пой-ка, соловейко,
Во зеленомъ во саду!

1332 (4).

Не товарищъ ли, дружочекъ мой милой,
Не съ одной ли ты сторонушки со мной?
Не побѣдѣши ли съ полѣтика домой,
Не спесенѣши ли моей любушкѣ поклонъ?
Не ждала бѣ меня все лѣтико домой
До самыя до холодныя зими,
Какъ замерзнутъ всѣ болоты и ручьи,

Остановятся озера и рѣки.
Выпадали бѣлы сиѣжки глубоки,
Подували со востока вѣтерки,
Запосило всѣ дорожки и пути,
Что нельзѧ милому къ дѣвушкѣ итти;
По задворью-то дорожка не торна,
По подоконью дорожка широка.
Широка бойка, пробита до черна,
До того черна до желтаго песка.
Знаю, знаю, кто дорожку проторилъ:
Молодой мальчикъ ко дѣвушкѣ ходилъ;
Онъ не такъ ходилъ, гостинчики носилъ,
Безъ расчета онъ казной ее дарилъ,
Безъ размѣра сладкой водочкой поилъ.

1333 (5).

Соловейко маленькой,
Не пой громко во саду!
Скучно, грустно молодцу,
Самъ не знаю, почему.
Только знаю, что пою
Про любезнью свою.
Любезнай дѣвушка
Удалѣла отъ меня
За четыре ровно ста,
За двѣнадцать городовъ,
На семнадцать на годовъ.
Я не знаю, съ кѣмъ мнѣ вѣстку переслать:
Ужъ какъ старого наинять—
Старъ не дойдѣть да помрѣть,
А какъ малаго наинять—
Онъ не знаетъ, что сказать.
Ужъ мнѣ ровношку наинять,
Ровни знаетъ, что сказать,
Разумѣть говорить.

1334 (6).

Шелъ Ванюша долиной,
Шелъ вечернею зарей,
 По утру росой.
Шла Машенька изъ садочка,
Несла въ ручкахъ два выюночка,
 Сама говорить:
„Ужъ ты настухъ, пастушечикъ,
Пастухъ, миленькой дружечикъ,
 Не всиокинь меня“.
Я туда-сюда бросалса,
Со скотинкой управлялся.
 Домой поспѣшаль,
Своей женѣ возъявляль:
„Ты, жена ль моя, жена,
 Не жди почевать:
Меня звали, почитали

Во лужкахъ гуляти,
 Туда и пойду“.
Выгоняй, пастухъ, скотину
На широкую долину,
 Гдѣ Машинъка ждетъ.
Моя Маша запронала,
За ракитовъ кустъ запала:
 Чусть милой пройдеть!
Не стерпѣло Маши сердце,
Звонкимъ голосомъ вскричала:
 „Здѣся я, милой!“
Мой миленькой взрадовался,
За бѣлы ручки хватался,
 Началъ цѣловать;
Онъ цѣлуетъ и милуетъ,
Бѣлой грудью нападаетъ,
 Къ сердцу прижимаетъ:
„Ой Машинъка черноброва;
Ты зачѣмъ любишь инова,
 Меля покинувъ?“

1335 (7).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садика зеленаго,
Ни пути гдѣ ни дороженьки,
Пролегала путь—дороженька,
Не пробойная дорожка, широка;
И никто по ней не хаживалъ,
Никто слѣдику не кладывалъ.
И да шли прошли два полка солдатъ,
Новобраннѣе солдаты, нонѣ набраны;
Нонѣ набраны солдаты, да вечѣръ забрity;
Вечѣръ забрity солдаты, да въ походъ по-
сланы
Не во дальнюю дорожку, въ каменну Москву.
Охотнички напередъ идутъ,

Невольнички-то за ними бредутъ;
Охотнички ко горѣ пришли,
Ко горѣ пришли, на гору взошли;
А невольнички подъ горой стоять;
Что охотнички пѣсенку черкнули,
Невольнички-то слезно вспѣлѣнули;
Вспомянули про свою сторонушку:
„Сторона ль наша, сторонушка,
Сторона ль наша гульливая,
Гульливая да походливая!
И поля-то у насъ, поля чистыя,
Поля чистыя да гористыя,
И гористыя, каменистыя.
И ой чѣмъ поля тѣ насѣяны?
Тоскою насѣяны, грустью огорожены.

1336 (8).

Вы молодчики, молоденьки дружки,
Ваши ласковы, пріятныя слова
Безъ огня-то мое сердце разожгли
И безъ вѣтру мои мысли разнесли,
Разнесли мысли по чистымъ полямъ,
Что по чистымъ, по широкимъ по полямъ,
По зеленымъ, по красивымъ по лугамъ.
Ой да кто бы моему горюшку помогъ,
Со Москвы назадъ дружка мнѣ воротилъ!
Воротись-ка, разлюбезный мой, назадъ!
Съ того горя я пойду сидѣть одна;
Ужъ я сяду ль близъ стороннаго окна,
Нападу ль я бѣлой грудью на окно,
Погляжу ли въ чисто поле далеко:
Во чистомъ ли птички пташечки поютъ,
Моему сердцу назолушку даютъ... и пр.

Пѣсни 1329—1336, судя по помѣтѣ (карандашомъ) рукой П. В. Каго, доставлены Н. С. Селивановскимъ; бумага оригинала съ 1833 годомъ.—Ред.

б) Вологодскій уѣздъ.

1337 (1).

Мимо Дмитревскихъ воротъ
Шло полченье во походъ;
Во полченѣи молодежь—
Во всемъ свѣтѣ не найдешь.
„Хорошо солдату жить,
При полку ему служить:
Солдатъ подати не платить,
И оброку не даетъ!“
— Охъ, вы, глупые крестьяне,
Деревенски мужики!
Вы бы сами побывали,

Обо всемъ нужду спознали.
Когда пойшлютъ—бѣги скоро,
Чтобы дѣло было споро.
Я не долго застоялся,
Съ красной дѣвкой заболтался;
Ранымъ рано по утру
Несутъ шалокъ по пучку.
Выводили солдатушка,
Стали спрашивати:
„Гдѣ ты, гдѣ ты, солдатикъ, быль?
Гдѣ ты ночку ночевалъ?“
Приказали раздѣваться;
Сталъ солдатикъ оправдаться.

Не успѣль онъ молвить рѣчи.
Прохлестали спину, плечи.
Ну, хоть спинушка избита,
Да съ сударушкой пожито;
Хотя бита она больно,
Да погуляно довольно.
Пойду, выпью я вина,
Заживеть моя спина;
Вѣдь насть пищей не морять,
Одну кашицу варять;
Не разсыпчатой крупой—
Нахнеть кашица водой.

1338 (2)*).

Мы изъ Питера выѣзжали,
Москву—городъ проѣзжали;
Мы стукались подъ окномъ,
И просились ночевати:
„Пусти, вдова, ночевати,
Уже насть гостей немнога:
Полтораста всѣ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходу“.
Намъ вдовушка отказалась,
Ночевать насть не пустила:
„У меня дворъ не стоялой.“
На то гости не взирали,
Воротечка отломали;
Силой гости ворвались,

Всѣ въ избушку вобралися,
Всѣ садилися по лавкамъ,
А большой гость сѣлъ новыни,
Что повыше, подъ окошко.
А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ бѣлы свои ручки
Ко ретивому сердечку.
А большой-то гость говорить:
„Ты давно ль, вдова, вдовѣшъ?“
— Я въ горести, сударь, не помню!—
„Много ли, вдова, у тебя дѣтокъ?“
— У меня дѣтей четверо!—
„Ужъ какъ много-ль, вдова, хлѣба?“
— У меня хлѣба одна осьмина!
„Ужъ какъ много ли, вдова, денегъ?“
— У меня денегъ одна полтина!—
„Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже,
Ты подай мой киверочекъ;
Въ киверочкѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ:
Не твое ли обрученье?“
Тутъ вдовушка испугалась,
И рѣзы ноги подогнулись,
Бѣлы руки опустились.

*) Ср. выше, пѣсню 1305.—Ред.

III. Пермской губерніи *).

1339 *).

Изъ Питера выѣзжали,
Москву-городъ проѣзжали,
На заставахъ не держали;
Въ чисто поле выѣзжали,
Къ деревнѣ подъѣзжали.
Деревенька не величка, семи сажень.
Въ крайнемъ домѣ колотились,
У вдовы стоять просились:
„Пусти, вдова, постояти
На одну на темну ночку“.
Тутъ вдовушка выходила,
Окошечко отворяла,
Офицеру отвѣчала:
„У меня дворъ не стоялой,
Не стоялой, не величекъ:
Во длину-то девять сажень,
Въ ширину-то три сажени“.

Офицерикъ отвѣчаетъ:
— Ужъ и насть гостей немнога:
Полтораста, всѣ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходу“.
Намъ вдовушка отказалась,
Ночевать насть не пустила;
На то гости не взирали,
Воротечка отломали,
Силой гости ворвались,
Всѣ въ избушку вобралися,
Испосѣлись всѣ по лавкамъ,
А большой гость подъ окошко,
Правой локоть на окошко.
А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ бѣлы свои ручки
Ко ретивому сердечку.
А большой-то гость говорить:
„Ты давно-ли, вдова, вдовѣшъ?“
— Я въ горѣхъ, сударь, не помню!—
„Много ль, вдова, у тя дѣтокъ?“
— У меня дѣтей четверо.—

*) Болѣе точнаго пріуроченія нѣтъ.—Ред.

„Ужъ какъ много ль у тя хлѣба?“
— У меня хлѣба осмина.—
„Ужъ какъ много ль, вдова, денегъ?“
— У меня денегъ полтина.—
Тутъ взгѣоворить большой гость:
„Отойди, вдова, отъ печки,
Отложи ручки отъ сердца,
Подойди-ка мнѣ поближе,
Поклонись-ка мнѣ иониже.
Ты подай мой киверочикъ,
Въ киверочкѣ есть платочикъ,
Во платочкѣ перстенечикъ,
На твое ли обручанье?“
Тутъ вдовушка испугалась,

По сѣничкамъ заходила,
Рѣзвы ноги подогнулись,
Бѣлы руки опустились:
Малыхъ дѣточекъ будила:
„Вы вставайте мои дѣтки,
Мои дѣтки, малолѣтки!
Девять лѣтъ солнце не грѣло,
На десятый обогрѣло!“

*) Ср. пѣсни 1305, 1328.—Ред.

По позднѣйшей (карандашной) помѣтѣ, пѣсня записана въ Чердыни Карнауховымъ (другія пять пѣсней изъ этой тетради—въ 10 и 8 вып. изд. Безсонова).—Ред.

IV. Олонецкой губерніи.

... Безъ всякаго сомнѣнія Олонецкая губернія имѣеть болѣе пѣсень, нежели сколько успѣлъ собрать ихъ г. Дашковъ въ своеемъ „Описаніи“ *), тѣмъ болѣе, что онъ коснулся только одной стороны здѣшней народной поэзіи—свадебныхъ и хороводныхъ пѣсень. Нерѣдко случается слышать здѣсь унылый и протяжный пѣсни—не плясовый и не свадебный—исполненный глубокаго чувства и между тѣмъ имѣющія свой мѣстный характеръ.

Старинныя пѣсни, какъ и вездѣ, здѣсь поются рѣдко. Кромѣ того, передаваясь изъ устъ въ уста черезъ цѣлыхъ поколѣнія, онѣ во многихъ чертахъ утрачиваются прежній характеръ и часто обезображиваются невѣждами. Всего лучше записывать эти уцѣлѣвшія отъ времени созданія со словъ посѣдѣвшихъ старцевъ поселянъ: они добровольно съѣстнѣе къ преданіямъ дѣдовъ своихъ, и память ихъ, привыкшая къ звукамъ, завѣщаннымъ отцами, не можетъ замѣнить одного даже слова какимъ-нибудь новымъ и часто вычурнымъ и безсмысленнымъ выраженіемъ.

Для примѣра предлагаю на первый разъ одну пѣсню, слышанную мною въ Пудожѣ отъ Кемской крестьянки и послѣ въ Петроводскѣ отъ корелки Повѣнѣцкаго уѣзда— Вотъ эта пѣсня слово въ слово:

1340.

Я сижу, сижу иодѣ окошечкомъ,
Я гляжу, гляжу на Дунай-рѣку,

*) Имѣется въ виду трудъ В. А. Дашкова „Описаніе Олонецкой губ. въ историч., статистич. и этнографич. отношеніяхъ“ (Спб. 1842), въ частности стр. 168 и сл.—Ред.

По Дунай-рѣкѣ бѣжать два волка,
Оба сѣрые, хвосты бѣлые.
— Вы куда, волки, призадумали?
Куда, сѣрые, призамыслили?
— Мы бѣжимъ, волки, ко Дунай-рѣкѣ,
Ко мосточику ко калинову,
Ко кусточику ко ракитову:
Тамъ лежить убита твоя матушка,
Баска-хороша, свѣтъ Михайловна.
Рѣзвыми ножками ко Дунай-рѣкѣ,
Буйной головой во ракитовъ кусть.—
Пометалась княжія дочи
Ко батюшку въ новь, высокъ теремъ:
— Ты скажи, скажи, сударь батюшка,
Ты куда дѣвалъ мою матушку,
Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?
— А ушла, ушла твоя матушка
Что ль во погребы глубокіе,
Да за двери за тяжелыя,
Разводить квасы медовые
И поить гостей не кормленыхъ.—
Пометалась княжія дочи,
Что ль во погребы глубокіе,
Да за двери за тяжелыя:
Тамъ стоять квасы не развожены,
Гости тамъ сидѣть не налоены.
Пометалась княжія дочи
Ко батюшку въ новь высокъ теремъ:
— Ты скажи, скажи, сударь батюшка,
Ты куда дѣвалъ мою матушку,
Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?
— А ушла, ушла твоя матушка
Что ль во горницу во новую;
Она бѣлится, румянится,
Во цвѣтно платье одѣвается.—
Пометалась княжія дочи
Что ль во горницу во новую:

Тамъ румянецка по стекляночкамъ,
Цвѣтно платьице по грядочкамъ.
Пометалась княжія дочи
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
— Ты скажи, скажи, сударь батюшка,
Ты куда дѣвалъ мою матушку,
Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?
— Ты не плачь, не плачь, мое дитятко,
Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я куплю тебѣ золотую цѣпь,
Я возьму тебѣ нову матушку...
— Ты сгори, сгори новъ высокъ теремъ,
Ты растай, растай, золотая цѣпь,
Ты умри, умри, нова матушка,
Ты возстань, возстань, стара матушка,
Баска-хороша, свѣтъ-Михайловна!

По всему эта пѣсня древня; но занесена
ли сюда, случайно съ береговъ Дона, или
сложена здѣсь какимъ-нибудь поселенцемъ—
неизвѣстно. Русскому чувству предоставляю
оцѣнить эту поэтическую привязанность дочери
къ матери, особенно выразившуюся въ по-
слѣднихъ пяти стихахъ, когда увѣщаніе отца:

„я куплю тебѣ нову матушку“, подкрѣплен-
ное извѣстіемъ въ началѣ, будто бы отъ
волковъ, разрѣшило роковую загадку. Не
только по чувству, но и по изложенію здѣсь
настоящая поэзія. Даже не легко вѣрить,
чтобъ эта пѣсня, со столь хорошо обработан-
нымъ драматическимъ содеряніемъ, выли-
лась изъ души человѣка, исконицко, можетъ
быть, незнакомаго съ грамотою.

Подобныхъ поэтическихъ созданій можно
найти въ Олонецкомъ краѣ довольно; только
стоить прислушаться къ *старинамъ*, которыя
поютъ слѣпые нищіе на ярмаркахъ, на сель-
скихъ праздникахъ, на ступеняхъ храмовъ.
Пѣсня о *Лазарѣ убогочъ*, о *Святомъ Геор-
гіи*—начинаящаяся замѣчательными стихами.
„Въ седьмой тысячи, уродился царище куд-
ріянище; онъ всѣхъ князей бояръ выжалъ,
выпалилъ“—и др. подобная достойны всего
вниманія изслѣдователей Русской народ-
ности *).

*) Напечатано раньше въ „Сѣверн. Пчелѣ“
1846 г., т. 20, № 137 изъ Олонецк. Губ. Вѣд. 20 июня
№ 137 того же (?) года.—Прим. П. В. Каго.

V. Новгородской губерніи.

а) Новгородской губ. ^{*)}

1341 (1).

Поѣхалъ мужикъ на дьяволъ нахать:
„Нолно, дьяволъ, изшляться надо мной,
Пора бѣхать съ пашенъки домой.
Туть у меня бѣдушка за бѣдой:
Курица обѣягниласа, свинья циплять выси-
Мать наша матушка, [дѣла“.
Государыня боярыня,
Опусти меня во польице,
Во широкое раздолыце:
На дворѣ-та нѣть бычаушка.
И пошла я во польице,
И нашла я бычаушка, не бычевья стать.

1342 (2).

Тошнеконъко Матрешенько:
Не пьется и неѣсся.
„Не пила бы я, и не ъла,
На мила глядѣла.

Я совѣтъ бы совѣтала,
Въ любви говорила.
Я шутя дружку сказала,
Въ глаза отказалась:
Тебѣ полно, миль, ходити,
Не буду любити.
Не тори, миль, дорожки
Къ моему окошку.
Не прикладывай слѣдочку
Къ моему садочку“.
Что свыканье и розставанье?
Свыкалась съ дѣтиною
Подъ горькой осиной,
Подъ самой вершиной.

1343 (3).

Тишу да пу, да колоку (?)
Колотилко, бряколко,
Твоя ступа, мой толкачъ.
Залигаю, такъ не плачь.
Не гнѣвайся на меня,
Что я лазилъ на тебѣ.

*) Болѣе точнаго пріуроченія нѣть.—Ред.

Ахъ ты шутъ, ты мой шутъ,
Балагуръ, ты балагуръ!
Кто въ могилкѣ лежить,
Какъ денежекъ дадутъ,
Такъ свяжутъ¹⁾
Тури, тури, пастушекъ,
Калиновой ботожекъ,
Далеко ли отошелъ?
Отъ моря до моря,
До Кіева города.
Стулъ подломился,
Чарь²⁾ покатился.
Марія чарица³⁾ сына породила,
Чаря⁴⁾ Константина.
У этого сына
Было трои сани,
Шелкомъ шиты,
Бумагой биты.
Матушка кобылича⁵⁾,
Зачѣмъ долго не была?
Я боялась тепуна.
Тепунъ не судья.
Владыки, Владыки дѣти
Хотѣли къ Иванушкѣ
Въ городъ улетѣти.
Иванушка дышитъ,
На дѣвушку д....ть.⁶⁾
„Дѣвича, дѣвича,
Сходи, мать, за водичей⁷⁾.
— Я боюсь дроздочка,
Дроздочекъ на рябинкѣ,
На самой вершинкѣ.
Вхали гости,
Стукали въ доски.
Постой, баба, не бѣги,
Подай наши пироги,
Съ лукомъ, съ перцемъ,
Съ собачьимъ сердцемъ.

1344 (4).

Завтра суббота—
Тараканья работа:
Тараканъ дрова рубиль,
Себѣ х.. онъ отрубиль.
Комаръ воду возилъ,
Въ грязи завязиль.
Муха то добывала,
Животъ, сердце надорвала.
Блоха баню выточляла,
Пришла париться;

Съ полку грянулась,
Пала бокомъ,
Ненарокомъ
И....у выщелкнула.

1345 (5).

Выйду за ворота,
Погляжу далеко:
Тамъ лѣса, болота.
Строится корабль
На рукахъ, на ногахъ.
Въ этомъ во морѣ
Много рыбы-щуки,
Много и бѣлуги.
Куда рыбѣ систи,
Куда поприсисти?
Сяду, поприсяду
Къ зеленому саду,
Еще пересяду⁸⁾
На землю землянку,
На литию тропинку:
Куды милый пойдеть,
Меня не обойдеть;
На конѣ пойдеть,
Меня не обѣдеть.
Каринька лошадка
Стоитъ на площадкѣ,
Сани во Рязани,
Хомутъ на базарѣ,
Свѣтлая уздачка
Въ городѣ на синичкѣ,
Оглобли-тѣ долги
На матушкѣ Волгѣ.

Послѣ говорить⁹⁾: (Надоѣхать, а нецего
нѣтъ).

¹⁾ Не дописано.—Ред.

²⁾ Поправлено изъ ц—ч.—Ред.

1346 (6).

Степанъ былъ кудрявъ,
Зачѣмъ долго не женатъ?
Онъ дѣвочку полюбилъ,
На корабликъ посадилъ,
Тонкой парусъ распустилъ,
По Невѣ рѣкѣ пошелъ,
Ко бережку приставаль.
У бережка бережка
Ждала дѣвушка дружка.
Я насили дождалась,
Вся кругомъ пересталась:¹⁰⁾
„Ужъ ты, миленькой мой,

¹⁾ Не дописано.—Ред.

²⁾ Поправлено изъ ц—ч.—Ред.

³⁾ Неприличное слово.—Ред.

Ты не ходишь-ли къ другой?“
Во Шведской улицѣ
Сидѣть дѣвки въ горницѣ,
Таки рѣчи говорять,
Меня, молодца, бранять,
Цѣловаться велять
Девяносто девять разъ.

*) Неприличное слово.—Ред.

1347 (7).

Катя маленькая,
Малехотненькая *),
Гулять охотненькая.
Пройди, Катя, горенкой,
Тоини иправой ноженькой.
— Ужъ я рада бы пройти,
Рада топнути,
Боюсь, боюсь батюшки,
Опасаюсь матушки.
Не боюся злыхъ скуки,
Боюсь скорыя разлуки.
Я скажу, что не могу,
Платкомъ голову свяжу,
Но горенкѣ похожу,
Въ окошечко погляжу,
Какъ во то-ли во окно
Во окошечатое,

Какъ во то-ли во стекло
Во Нѣмесчатое.
На улицѣ выюлица**),
На полѣ мятелица;
Не метелица мететь;
Холодна роса вьеть;
За росой милой идеть,
За собой дѣвокъ ведеть.
Одна дѣвка говорлива,
Съ молодцемъ рѣчъ заводила:
„Пойдемъ-ка, милый, назадъ,
Пріурядимся,
Принапудримся.
Научить ли тя, Ванюша,
Какъ ко мнѣ, Ваня, ходить
Подъ окошечко
Сѣрой кошечкой?“
Оконницу выставляла,
Сѣру кошку пропущала.
Котъ по полу идеть,
Половицы скрипять,
Мѣдны скобы говорятъ.

Пѣсни 1341—1347 имѣютъ позднюю помѣту „Новгородскія“. Пѣсни 1341, 1342 иной рукой старшой, нежели остальные. Бумага синяя (ярославская).—Ред.

*) Позднѣе, вмѣсто зачеркнутаго.—Ред.
**) Изъ чего-то поправлено.—Ред.

б) г. Новгородъ.

1348 (1).

Не ходить было вдоль по улицѣ,
Не глядѣть было на окошечко:
Ужъ окошечко-то бѣда моя,
Миль сердечный другъ—сухота моя,
Изсушила меня молодѣшеньку.
Слышишь дѣвица про несчастьице:
Собирается миль въ дороженьку,
Хоть не въ дальнюю, жаль тошнѣшенько:
„Пріѣзжай, любезный, поскорѣшенько,
При тебѣ, любезный, веселѣшенько,
Безъ тебя, мой другъ, умереть съ тоски;
Надорвется сердце моё плачуши,
Сердце плачуши, возридаючи,
Тебя, миленький, вспоминаючи.
Вспомни, миленький, меня въ дороженькѣ,
Ужъ какъ я тебя вспомяну всегда“.
Со восточной со сторонушки,
Съ Петербургской пути-дороженьки
Пишетъ миленький ко мнѣ грамоту,
Ко мнѣ грамотку, вѣсть не радостну:

— Не сиди, дѣвица, поздно вечеромъ,
Ты не жги, не тай свѣчи салыныя,
Не жди, дѣвица, дорога гостя,
Дорогого гостя, дружка милаго;
Я не гость пришель, не гостить къ тебѣ,
Пришель, дѣвица, распроститися,
За любовь твою поклонитися.
Позволь, дѣвица, мнѣ женитися.—
Залилась дѣвица горючимъ слезамъ,
Во слезахъ дѣвица слово молвила,
Слово молвила, рѣчъ говорила:
„Ты женись, женись, разбезовѣстный,
Ты возьми, возьми мою подруженьку,
Со которой я водилася,
Я водилася, не бранилася“.
— Ахъ ты, глупая, красна дѣвидца,
Неразумная дочь отецкая;
Мнѣ подружку взять, будешь гнѣвъ дер-
жать,
Будешь гнѣвъ держать, станешь гнѣваться
Ужъ мнѣ взять не взять самоѣ тебя,
Самоѣ тебя, красну дѣвицу!

1349 (2).

Шелъ я, шелъ мимо милыхъ воротъ,
Тамъ проѣхалъ, гдѣ красавица живеть.
Взоръ и сердце превратилося къ окну,
Узрѣль милую едину въ терему:
Сидить дѣвица у крайняго окна,
У красавицы заплаканы глаза;
Текли слезы по румянымъ щекамъ,
Будто розаны росою скроплены.
Ея бѣла грудь вздыхалась высоко:
Знать, красавица вздыхала тяжело.
Не твоей бы бѣлой груди вздыхать,
Не тебѣ, мой другъ, печаль и горе знать.
Есть ли будешь ты грустить и унывать,
Съ тобой будетъ вся природа тосковать:
Позавянуть всѣ зелёные лѣса,
Нападеть на нихъ холодная роса,
Пожелтѣютъ всѣ листочки на древахъ,
Солнце скроется въ туманѣ, въ облакахъ.
Ты цвѣтокъ мой несравненный, дорогой,
Кто сорветъ тебя холодною рукой?
Ты завянешь и на чьей груди падёшь?
Пусть одинъ, одинъ въ печали буду жить,
Свою жалобную участь перъносить.

1350 (3).

Весной матушка разливалася Нева,
Потопила всѣ зеленые луга;
Оставался одинъ маленький лужекъ;
Собирались красны дѣвушки въ кружёкъ,
Въ середи кружка молодая вдоѣва;
У вдовушки позаплаканы глаза,
У красавицы платочикъ во слезахъ.
Какъ возговорить молодая вдова:
„Вы дѣвицы, подруженьки мои,
Вы придите, посидите у меня,
Вы придумайте, голубушки мои,
Отчего миленький разсердился на меня,
Приказалъ сѣдлать своего доброго коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора,
Соѣзжаетъ, не прощается со мной.
Прочь отъѣхавши, жалѣть обо мнѣ:
— Прощай милая, хорошая моя!
Западеть снѣжкомъ дорожка безъ меня
Ко твоимъ, радость, къ широкимъ воротамъ,
Любезная, ко точенымъ вереямъ“.
Выходила красавица на крылецъ,
Говорила любезному таку рѣчъ:
„Воротися назадъ, миленький дружокъ,
Позабыть, милый, чернильницу съ перомъ,
А еще, милый, листъ бумаги гербовой,
Пуховую шляпу на ломберномъ столѣ“.

1351 (4).

Вспомни, миленький, какъ прежде полюбилъ,
Полюбивши повсечастно говорилъ:
„Я люблю тебя, красавица моя,
Я любить буду, во вѣкъ не измѣню!“
Теперь, миленький, не любишь ты меня,
Ты не любишь и своею не зовешь“.
— Скажи, милая, отчего жъ это взялось,
Отъ кого обманъ, лукавство началось?
Или злые люди смѣщаются насъ съ тобой,
Кому можно насть съ тобою разлучить,
Есть ли сама не произволишь измѣнить?—
Неприворно предо всѣми говорю:
Одного тебя, невѣрнаго, люблю.
За чѣмъ бѣдная на сей свѣтъ рождена,
Я въ такого ли тирана влюблена?
Говори, тиранъ, что хочешь про меня,
Есть ли варварское сѣдце у тебя.
Говорила мнѣ подруженька моя:
— Берегись любить во младыхъ лѣтахъ,
Ты завянешь, какъ листочкъ пропадешь.

1352 (5).

Не пой, не пой, соловьюшко, во зѣленомъ
саду,
Не давай тоски-кручинушки сердечку моему;
И такъ мое сердечушко поизныло по тебѣ.
Я лѣсомъ шла я темныимъ*), казался алый
цвѣтъ,
Шелкоба въ полѣ травушка сплеталась за
мной всѣдѣ,
Лавровые листочки на деревцѣ шумѣть.
Не шумь, шумь, лавровый листъ, теперешній
часокъ.
Часы лѣ мои веселые, утѣште вы меня!
Во полюшкѣ во чистыемъ бѣль камешекъ
лежитъ,
Съ подъ камешка съ-иодь бѣлого быстра
рѣчка бѣжитъ.
За рѣчинкой за быстрою красавицы поють,
Про насъ съ тобой, любезный другъ, раз-
луку говорятъ,
Разлуку, грусть великую, несносную тоску:
Ни ты ко мнѣ, ни я къ тебѣ не будемъ мы
ходить,
Ни ты меня, ни я тебя не будемъ мы любить.
Красавица, забавница, хоть простимся со
мной!
— Я рада бы проститься, да кони не стоять.
Извощики молоденки не могутъ удержать.—
Красавица, забавница, платочкомъ хоть
махни!

— Я рада бы махнуть, платочка въ рукахъ нѣтъ.

*) Попр. изъ „темнымъ“.—Ред.

1353 (6).

Несчастная Машенька съ горя пошутила,
Холостого мальчика въ шуткахъ полюбила.
Любила молодчика, заботу имѣла,
Имѣла заботушку, людямъ говорила:
„Скажите мнѣ, дѣвушки, что мнѣ съ друж-

комъ дѣлать?“

Любить-ли мнѣ милаго? любить или бросить?
Кину, брошу мѣлодца, любить перестану,
Хорошаго мѣлодца на вѣки оставлю“.
Услышала любезный мой напосыпя рѣчи:
— Не ты-ли, душа моя, рѣчи говорила?
Моѣ бы сердечушко ты бѣ мнѣ не вредила.
Поди, раскрасавица, въ новый кабинѣтъ
Возьми, раскрасавица, въ ручки пистолѣтъ,
Заряди, душа моя, крѣпкимъ зарядомъ,
Тугімъ и крѣпкимъ порохомъ и дробью,
Прострѣли, душа моя, въ ретивое сердце,
Въ ретивое сердечушко съ моей бѣлой грудью,
Пушай, добрый мѣлодецъ, не живу на свѣтѣ!

1354 (7).

Охъ вы горы, мои горы, вы горы высокія,
Еще что же вы, горы, горушки, спородили?
Спородили вы, горы, бѣлъ горючъ камень.
Изъ подъ камешка бѣжитъ рѣка быстрая.
Что на рѣченкѣ выросъ часть ракитовъ

кустъ,

Что на кустикѣ сидить младъ сизой орѣль,
Во когтяхъ ли онъ держитъ чёрна ворона;
Онъ не ворона держитъ—брата рѣднаго;
Онъ не бѣтъ, не клюётъ, всѣ высипрашивается:
„Еще гдѣ ты, орѣль, былъ гдѣ, сизой, погу-

ливалъ?“*)

— Ужъ былъ я, побывалъ, былъ я во дикихъ
степяхъ,
Во дикихъ во степяхъ, степяхъ во Саратов-
скихъ.
Еще что же я тамъ видѣлъ? видѣлъ чудо чуд-

ное,

Чудо чудное я тамъ видѣлъ, диво дивное,
Диво дивное—тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое мѣлодѣцкое;
Не убито лежитъ, не застрѣлено,
Вострой сабелькой головушка пересѣчена.
Что никто къ тѣлу, къ тѣлу не приступится,
Къ мѣлодѣцкому никто не признается.
Прилетали къ тѣлу, къ тѣлу три ластушки,

Первая ластушка—родимая матушка,
Другая ластушка—его сестра рѣдная,
Третья-то ластушка—его молодая жена.
Первая ластушка плачетъ, какъ рѣка бѣжитъ,
А сестрица-то плачетъ, ручейки бѣгутъ,
Молодая жена плачетъ до гуляньяца,
А гулять пойдѣть, семерыхъ найдетъ.

*) воронъ?... черной? Ср. выше, пѣсню 1293.—Ред.

1355 (8).

Охъ ты дѣвушка бѣдна,
Не сиди поздно одна,
Не имѣй тоски-кручины,
Когда ты дружку мила.
Обѣщался другъ любезный
Издалеча въ гости быть,
Издалеча, издалѣка по вечерней по зарѣ,
По вечерней по зарѣ, по утренней по росѣ.
Вы повѣйте, вѣтры буйны,
Разнесите въ полѣ снѣгъ,
Разнесите въ полѣ снѣгъ,
Занесите дружку слѣдъ, [пройдтить,
Чтобъ моему любезному ни проѣхать, ни
Ни проѣхать, ни пройдтить ни на коняхъ,
ни пѣшемъ,,
Ни на коняхъ, ни пѣшемъ и ни лѣтомъ. ни
зимой.

И ни лѣтомъ, ни зимой, ни осеннею порой.
Еще нѣтъ на свѣтѣ хуже мнѣ женатыхъ лю-
бить.,

Еще нѣтъ на свѣтѣ лучше холостыхъ ребяты.
Холостой парень гулять, [любитъ!]
Какъ соколь въ полѣ леталъ,
А женатый-то гуляетъ,
Все жена во слѣдъ глядить,
Все жена во слѣдъ глядить,
Мною дѣвушкой корить.

1356 (9).

Сестрицы, подруженьки, голубушки мои!
Придите ко мнѣ, веселѣе будеть мнѣ!
Спросите у батюшки вы меня въ гости къ себѣ
У родимой маменьки въ зелёнь садикъ по-
гулять!

Во нашемъ во садикѣ много вишенья растѣтъ,
На сладкомъ на вишеньѣ соловеюшко поѣтъ.
Ты не пой, соловеюшко, не пой, птичка
молодая!

Полети, соловеюшко, къ любезному моему.
Спроси у любезнаго, тужитъ-ли милый обомнѣ?
А я по нѣмъ, дѣвушка, тужу, плачу завсегда,
Его дорогой потрѣтъ предъ собой всегда держу,

Во румяны щеченьки я цѣлую завсегда.
Я взойду во горенку, сяду млѣда подъ окно,
Но тѣхъ поръ сидѣть буду, пока рѣчка не

пройдѣтъ.

Рѣченка шла, прошла, а я встала да пошла.
По этой по рѣченкѣ судна-барочки плывутъ,
За этимъ за барочкамъ легка шлюпочка бѣ-

житъ.

Во этой во шлюпочкѣ мой любезный другъ
сидитъ,
Во правой во рученькѣ держитъ грамотку-
письмо,
Во лѣвой во рученькѣ заправитѣльно весло.
«Постой, постой, миленькой, распростимся,
другъ, съ тобой!»

— Радь бы я проститися, лѣгка шлюпка не
стоитъ,
Вѣтры холоднѣшеньки легку шлюпочку та-
щатъ.

1357 (10).

Голубокъ мой, голубокъ,
Мой сизенький воркунокъ!
Что жь ты нѣ весель по полю леталъ,
Не радостно, сизой, воспѣвалъ?
Чего радоваться было голубку:
Голубушку давно не видалъ:
Вечёръ сизая въ гостяхъ была,
Сладку водочку сизая пила,
Со водочки пьяная сизая была,
Чуть насилишку домой добрела,
На правыемъ крѣлушки спала,
Лѣвымъ сверху дружка обняла:
«Спи, голубчикъ, меня не просни!».
Чуть проснулся голубь на зарѣ,
Голубушки возвѣлъ его нѣть.
Полетѣлъ голубчикъ сзади всѣхъ,
По горамъ голубчикъ леталъ,
Всё голубушку сизую искалъ.
Что голубушка убита лежить,
Изъ подъ сизенькой кровь ручьемъ бѣжитъ.

1358 (11).

Не велять Машѣ на улицу ходить,
Нѣту волюшки молодчика любить,
Что молодчика молоденькаго,
Неженатаго, холостенькаго.
Холостой мальчикъ, любитель дорогой,
Онъ не чувствуетъ любови никакой.
Какова любовь на свѣтѣ рождена?
Рождена любовь слезами улита.
Сидитъ Машенька, заплаканы глаза,
У красавицы платочекъ во слезахъ:

„Вечёръ, миленькій, бралили за тебя,
За тебя, за удалого молодца,
За твои-ли за напрасныя слова.
Я съ напрасныхъ словъ не вѣсела была,
Не вѣсела въ зелёнь садъ гулять пошла.
Мимо садику дороженька торна,
Что торнымъ торна пробита до песка.
Еще кто жъ эту дороженьку торильтъ?
Холостой малчикъ ко дѣвушкѣ ходилъ,
Много злата, много серебра носилъ,
По любови въ косу ленточку купилъ.
Знать, за то же меня батюшко бралиль,
Что за тѣи за позднѣе вечеры,
За милыя, за напрасныя слова“.

1359 (12).

Всё бѣ я по горницѣ, 3, ходила,
Всё бѣ я по новыей, 3, гуляла,
Не въ трубу-ль я, 3, затрубила,
Всё бѣ я со милымъ, 3, говорила:
„Ужь какъ ты, мой, 3, чернобрювый,
Не садися, 3, противъ мѣня!
Люди скажутъ, 3, любишь мѣня!
Если ты любишь, 3, такъ скажися;
Если не любишь, 3, откажися.
Иль я роду, 3, не простого,
Не простого, 3, княженскаго“.
Княженской сынъ, 3, въ гусли играеть,
Поздравляетъ, 3, красну дѣвицу:
— Будь же ты, дѣвица, будь же ты красная,
Будь же ты, дѣвица, за мною,
Будь за мною, 2, за моимъ здоровьемъ!

1360 (13).

Ты травка моя, травка, ты травушка зеленая!
Безъ поры, травка, безъ времія стала сохнуть-
вянутъ!
Безъ прилуки воръ Ванюша въ одну дѣвушку
влюбился,
Въ одну дѣвушку влюбился, своей волюшки
лишился.
Охъ, ты воля моя, воля, ты волюшка дорогая!
Ты волюшка дорогая, дѣвчёночка молодая!
Дѣвчёночка молодая она по-саду гуляла,
Она по-саду гуляла, сладко вишенье щи-
пала,
Сладко вишенье щипала, во неволюшки по-
пала.
Скучно дѣвкѣ, скучно красной во неволюшкѣ
сидѣть,
Поскучинѣе того дѣвицѣ изъ окошечка гля-
дѣть.
Мимо моего окошка пролегала путь-дорожка,

Дороженька мостовая, Московская столбовая;
Что по этой по дорожке много ёдуть, пышёмъ
идутъ:
Господа ёдуть, бояры, Новгородские ребята;
Новгородские ребята они бёлы кудреваты,
Они бёлы кудреваты, на нихъ новые халаты,
На нихъ новые халаты, они стали щеголятъ,
Они стали щеголятъ, съ краснымъ дёвуш-
камъ играти.

1361 (14).

Во славномъ во городѣ въ Киевѣ
Жила была молодая вдова.
У вдовушки было девять сыновъ,
А дочка десятая.
Одинъ братъ съ руки, другой на руки,
Третій братъ въ колыбель кладеть:
„Баю, баю, сестрица ластушка!“
Возле лявиши сестру, гулять пошли,
По Руси воровать пошли.
Безъ нихъ меня матушка выдала
За море, за морянина.
Я годъ живу и другой живу,
На третій годъ сына родила.
Сына родила—стосковалася.
Морянина стала въ гости звать:
„Морянина, морянина, пойдемъ въ гости!
Ужъ ты къ тещѣ, а я къ матери,
Ты къ шурьямъ, а я къ роднымъ братъямъ!“
День ёдемъ и другой ёдемъ,
На третій день остановилися,
Остановилися, огонь росклали,
Огонь росклали, кашу варили,
Кашу варили, дитя кормили.
Поналетѣли чёрны вороны,—
Понаехали злы разбойники.
Морянина они потеряли,
Моряничку въ воду бросили,
Моряничку во полонъ взяли.
Всѣ разбойнички спать легли,
Одинъ разбойникъ не спить, не лежить,
Не спить, не лежить, Богу молится,
Меня моряничку выспрашиваетъ:
„Ты скажи, скажи, моя моряничка,
Ты чьего рода, чьего племени?
Ты купецкаго, иль княженецкаго?“
— Не купецкаго я, не княженецкаго:
Во славномъ во городѣ въ Киевѣ
Тамъ жила-была молодая вдова.
У вдовушки было девять сыновъ,
А я, дочка, — я десятая.
Одинъ братъ съ руки—другой на руки,
А третій братъ въ колыбель кладеть:
„Баю, баю, сестрица ластушка!“

Возле лявиши сестру, гулять пошли,
По Руси воровать пошли.
Безъ нихъ меня матушка выдала,
Что за море за морянина.—
Какъ возговорить злой разбойничекъ:
„Вы встаньте, мои братцы родные!
Не морянина мы потеряли,
Не моряничку въ воду бросили,
Не моряничку во полонъ взяли:
Мы потеряли зятя милаго,
Племянченка въ воду бросили,
Сестрицу ластушку во полонъ взяли!“
Какъ возговорять злые разбойнички:
„Ты сестрица наша, голубушка!
Ты возьми у насъ золоты ключи,
Отворяй ларцы, ларцы кованы,
Ты бери золото, сколько надо!“
— Ахъ, вы, братцы мои, ясны соколы!
Мнѣ не надо вашего золата, сребра,
И ни скатного, круинаго жемчугу!
Приведите моего морянина
Принесите моего моряничка!
Вы пустите насъ къ родной матушкѣ!

1362 (15).

Какъ за рѣченкою долинушка,
Во долинушкѣ слободушка,
Во слободкѣ живеть вдовушка.
У вдовушки дочь хорошая,
Дочь хорошая, звали Машинькой,
Звали: Маша чернобровая.
Ты меня, Маша, повысушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу безъ холднаго,
Что безъ вѣтру полуднаго!
Ты звѣзда ль моя, восточная,
Восточная, полуночна!
Высоко звѣзда восходила:
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садику зеленаго,
Выше города Саратова.
Что во этомъ славномъ городѣ
Тамъ состроена тюрьма новая,
Тюрьма нова, дверь дубовая.
Что во этой во теремушкѣ
Посаженъ душа невольничекъ.
Что за что душа посажена?
За какую за побѣдушку?
За душу за красну дѣвушку.

1363 (16).

Какъ пошла наша Параша
Ко сусѣду во бесѣду,

Ко сусъду во бесъду
Коромысла попросить,
Коромысла попросить
На Дунай-рѣкѣ сходить.
Какъ воръ-ли то Олѣшка
Догадливъ шельма былъ:
Напередъ забѣжалъ,
За горой пролежаль;
За горой пролежаль,
Всѣ Парашу дожидалъ.
Какъ идѣть, идеть Параша
На Дунай-рѣкѣ за водой:
„Еще помнишь ли, Параша,
Что отецъ твой говорилъ?
Онъ хотѣлъ отдать тебя
Замужъ за меня!“
— Охъ ты, воръ ты, Олѣшка,
Миѣ не быть за тобой;
Миѣ не быть за тобой,
Не слыть мнѣ тобой,
Миѣ не слыть тобой,
Миѣ Олѣшкиной женой!—
Онъ былъ, топталъ меня топочкамъ,
Полужёными гвоздямъ;
Онъ былъ по щекамъ,
По жемчужнымъ сергамъ.
Чуть-насилу подняласъ,
Зашаталасъ, побрела.
Что навстрѣчу Парашѣ
Родныи батюшка идѣть:
„Еще что же ты, Параша,
Не весело идешь?
Позаплаканы глаза,
Порастрѣпаны волоса!“
— Родныи батюшко!
Худо можется,
Худо можется,
Нездоровится!—
Со вечера Параша
Разнемогалася,
Ко полѣнчи Парашѣ
Попа привели,
Ко бѣлѣ свѣту Параша
Переставилася.
Что во городѣ, въ соборѣ,
Въ большой колоколъ звонять,
Большіе-то бойры
Про Парашу говорятъ:
„Какъ ужѣ нашу Парашу
Хоронить понесутъ“.
Ужъ какъ воръ-то Олѣшка
Догадливъ шельма былъ:
Наперѣдъ забѣжалъ,
На палерти простоялъ,
На палерти простоялъ,

Въ рукахъ свѣчку продержаль:
„Доставалась Параша
Ни мнѣ, ни кому,
Ни мнѣ, ни кому,
Ни товарищу моему!
Доставалась Параша
Что сырой землѣ,
Гробовой доскѣ“.

1364 (17).

Я ходила, я гуляла въ чистомъ полѣ далеко,
И я рыла, я копала зло корѣнье глыбокѣ;
Я нарывавши, накопавши, на Дунай-рѣкѣ по
шла:

И я мыла зло корѣнье бѣло на-бѣло его,
Я крошила зло корѣнье мѣлко на-мѣлко его,
Я сушила зло корѣнье сухо на-сухо его,
Я варила зло корѣнье въ меду, въ сахарѣ,
въ сытѣ;
Наваривши зло коренье, дружка въ гости
позвалѣ.
Я позвавши дружка въ гости, стала потчи-
вать его;
Напоивши, накормивши, стала спрашивать
его:
„Каково тебѣ, любезный, каково на животѣ?“
— У меня-ли на сердечкѣ будто камешекъ
лежитъ.

Ты умѣла, разканалья, напоить и накормить,
Ты умѣй же, разканалья, тѣло бѣло скхоро-
нить:
Схорони ты тѣло бѣло въ чистомъ полѣ далеко,
Ты зарой же моѣ тѣло въ сырѣ землю глы-
боко.—

Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Вы подите-ко далѣче, въ чисто поле далеко,
Ужъ вы ройте, вы копайте сырѣ землю глы-
боко,
Вы снесите тѣло бѣло дружка вѣрнаго мого,
На могилу вы поставьте черну шляпу со пе-
ромъ!

1365 (18).

По горенкѣ похожу, въ окошечко погляжу,
Въ окошечко погляжу, по миленькомъ по-
тужу.
Тужила я, плакала, заливалася слезамъ.
Заливала дѣвушка всѣ дорожки и лужки,
Всѣ дорожки и лужки, славны крѣты бережки.
За этимъ за бережкамъ бѣжитъ рѣчка, не
шумить,
За этой за рѣченкѣ тутъ зеленый садъ
стоить.

Во этомъ во садикѣ соловѣюшко поѣтъ.
Ты не пой, соловеюшко, не пой громко во
саду,
Не давай назѣлушки сердечушку моему.
Что и такъ сердечушко надорвалось плаучи,
Надорвалось плаучи, въ чужихъ людяхъ
живучи,
Въ чужихъ людяхъ живучи, у чужого ба-
тишки,
У чужого батюшки, у не родной матушки!
Чужой отецъ съ матерью безвинно журишъ,
Бранитъ,
Безвинно журишъ, бранитъ, понапрасну гово-
ритъ,
Понапрасну говоритьъ, будитъ рано поутру,
Будитъ рано поутру, посылаеть за водой,
Посылаеть за водой по морозу босикомъ.

1366 (19).

Ходилъ Ванюшко по базару, закупиалъ товару;
Не нашёлъ Ваня товару, купилъ дѣвушку
удалу.
Пойду, выду за ворота, гдѣ лужки, болота,
Нойду, выду за новыя,—лужки зеленые!
Что по тѣмъ лужкамъ, болотамъ кавыль-травка
вѣёться,—
У хорошаго молодчика сердечушко бѣёться.
Полно, сердце, тебѣ биться, время утишитъся!
Не про насъ ли, моя хорошенька, лихи люди
судятъ?
Пущай судятъ, пущай рядятъ, что я тебя
люблю!
Люблю тебя, моя хорошенька, любить тебя
буду,
Я до тѣхъ поръ любить буду, пока не забуду.
Въ чистомъ полѣ при долинѣ стояло тутъ
древо,
Тутъ стояло туто дерево, берёзушка бѣла,
Что на той бѣлой берёзѣ сидѣлъ сизенѣкій
голубчикъ,
Что не сизый голубчикъ, удалой молодчикъ;
Передъ молодцемъ дѣвица стоитъ слезно пла-
четъ,
Молодецъ красну дѣвіцу плакать унимаетъ:
„Полно, дѣвушка, тебѣ плакать! обѣ чёмъ слёзы
лити?
Есть ли будешь, дѣвушка, плакать, буду тебѣ
бѣти,
При всѣхъ людяхъ, при народѣ, въ боль-
шомъ хороводѣ.
Тебѣ будетъ, дѣвушкѣ, стыдно, а другимъ
наука;
А намъ съ тобой, хорошенька, вѣчная раз-
лука!“

1367 (20).

Ходи, Ванюшка, порою, вечернею зарею,
Когда зорюшка потухнетъ, всѣ люди пріус-
нутъ.
Мой батюшка во дорожкѣ, а матушка въ
гостяхъ,
Больши братья за стрѣльбою, сёстры за гуль-
бою.
Невѣстушекъ-голубушекъ и тѣхъ дома нѣту.
Хошь дома, хоша нѣту, я ихъ не боюся.
Гулять пойду, не страшуся, приду, не ска-
жуся.
Пойду млада погуляю, съ людямъ поиграю.
На улицѣ поздно, а мѣсяца нѣту,
Батюшки боюся, матушки стыжуся,
Пойду ворочуся, въ ноги поклонюся,
Пусти погуляти, съ людямъ поиграти.

1368 (21).

На песку, песку, на крутомъ бережку,
Тамъ вербѣ стойть кудрявая.
Не стой, вербѣ, на желтымъ песку:
Вѣтры пойдутъ, тебя унесутъ,
Тебя унесутъ во Неву рѣку.
Во Невы рѣкѣ тамъ плаваль корабль,
На корабличкѣ солдатъ молодой;
Солдатъ молодой Богу молится,
Богу молится, домой просится:
„Ты пусти, пусти, царь-государь мой!
Сострою батюшкѣ каменный домъ,
Родной матушкѣ палатушка,
Дѣтей малыхъ казной надѣлю,
Жену милую въ тюрьму посажу.
Наварю молодѣ зеленѣ вина,
Позову въ гости дружка милаго,
Милѣ вина не пьетъ, ворону коню льетъ,
Вороной конь не пьетъ, на сырь землю
льетъ.

А сырь то земля загорѣлася.
Привяжу молоду къ конѣвю хвосту,
Пущай мой конь нагуляется,
Пущай сзади потаскается“.

1369 (22).

Вольная пташечка въ саду кинарейка:
Куда захотѣла, туда полетѣла.
Полетѣла вольна пташечка
Въ зеленой садочикѣ,
Садилася вольна пташечка
Во саду на кусточикѣ,
Залѣла вольна пташечка
Жалубную пѣсню,

Что цвѣли-то, цвѣли, цвѣли въ полѣ цвѣтики,
Цвѣли, да поблѣкли:
Что любилъ-то мальчикъ, любилъ мальчикъ
дѣвушку,
Любилъ, да покинулъ.
Покинувши надъ хорошей дѣвушкой въ глаза
насмѣялся
Что при всѣмъ-то, при всѣмъ при народѣ,
Въ большомъ хороводѣ.
И онъ снялъ-то, сорвалъ съ хорошей дѣвушки
Шалевый платочекъ,
А еще онъ сорвалъ съ хорошей дѣвушки
Розову косынку,
А еще онъ схватилъ съ хорошей дѣвушки
Шелковъ поясочекъ,
Отъ стыда-ли хорошая *) дѣвушка
Съ хороводу вышла.
Что по городу дѣвушка Саратову
Городу гуляла;
Она листичекъ гѣрбовой бумажечки
Листикъ **) покупала,
Она молода писаря хорошаго
Писать нанимала,
На удалаго на доброго молодца
Просьбу сочиняла,
Что молодому она губернатору
Просьбу подавала:
„Ты примико-сь, прими, прими, губернаторъ—
Прими мою просьбу. Князь,
Не примешь ты мою прозебку,
Подамъ сенатору.
Ты принявши нашу прозебку,
Суди по закону,
Ты судико-ся нась по закону,
Суди по разбору“.
— Не напрасно-ли, хорошая дѣвушка,
На молодца просишь?
Не напрасно ли ты, красавица, слёзы про-
ливашь?

*) Попр. вм.: „красная“.—Ред.
**) Рук. листекъ.—Ред.

1370 (23).

Вспомни, вздумай, моя любезная, нашу пре-
жнюю любовь!
Какъ мы съ тобой, моя любезная, игуливали,
Осення тѣмны ночи просиживали.
Любовныя тайныя рѣчи говаривали:
Тебѣ, молодцу, не жениться, а мнѣ замужъ
найти!
Скорѣшенько, младѣшенька передумала опять:
Женись, женись, мой любезный, я замужъ
пойду.

Выбирай, дружёкъ невѣсту, я дѣвушка, же-
нихъ!
Въ чистомъ полѣ при долинѣ стоялъ новъ
высокъ теремъ,
Въ эвтомъ новомъ теремочкѣ дѣвушки пѣ-
сенки поютъ:
Знать-то, знать-то, мою любезнную говари-
ваютъ!
Сговоривши, просватавши, дѣвушку замужъ
отдаются.
Противъ дворца стоять крыльца раскрашены
хорошо;
По тѣмъ крыльцамъ ведутъ къ вѣнцу краси-
дѣвицу-душу:
Дружка беретъ за рученьку, женихъ за
другу,
Третій стойть, животъ сердце болѣть, лю-
биль дѣвушку, не взялъ.
Доставалась моя любезнная иному—не мнѣ,
Что иному—не мнѣ, не товарищу мому:
Доставалась любезная злодѣю моему!

1371 (24).

Вы дѣвіцы бѣлолицы, лицомъ круглолицы!
Во всѣмъ бѣломъ вашемъ лицѣ румянецъ
играеть,
Добрыхъ молодцевъ удальныхъ всегда прелес-
щаетъ.

Одинъ молодецъ хороший, дѣвицѣ знакомый,
Часто по лугу гуляетъ, траву приминаетъ.
Онъ травушку приминаетъ, дороженьки ищетъ.
Выходила красавица на крутой крылечикъ.
Она молвила словечко: „Не стой у крылечка, пожалѣй сер-
дечка!“

Летѣль голубь черезъ городъ на синее море,
Плыла утушка-голубка Волгою рѣкою,
Она Волгою рѣкою, тихою водою:
Скажи, утушка голубка, моему милому,
Что живу я здѣсь вдовою, бѣдной сиротою!
У лѣсочку на краѣчкѣ рябинка стояла,
Что подъ этой подъ рябинкой дѣвушка
гуляла;

И гуляла, и играла, дружка дожидала:
Ты не думай, разлюбезный, я любить не
стану.
Ты ищи себѣ, любезный, иную милую!

Песни 1348—1371 записаны П. В. Кимъ
между 8 и 11 сент. 1834 г. отъ дѣвицы Феклы Евс-
тignиевны.—Ред.

1372 (1).

Я вечёръ добрый молодецъ быль на бесѣ-
душкѣ,

Назвала-то, назвала моя сударушка горькою
пьяницею:
„Ты замо́ть, ты замо́ть, замо́ть разлюбезный
другъ!“

Я пропи́ль, прогулялъ свое житъ-бытье,
Я пропи́ль, прогулялъ своё богатство:
Нару вороныхъ коней со коля́скою,
Еще же я пропи́ль, добрый молодецъ,
Свою буйну голову.
Отрубили ону́ до самыхъ плечикъ,
Раскидали-то его тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое по чистому по полю,
Расклевали-то тѣло бѣлое всѣ черные вороны.

1373 (2).

Во полѣ, во полѣ,
Во широкомъ раздоли,
Ива лѣли, ай люлѣ,
Во широкомъ раздоли, (и т. д.)
Два дуба зелёные,
Два дуба зелёные.
Какъ на этихъ на дубахъ
Да по ворону сидѣть;
Воронъ ворону гласитъ:
Знать, побѣдушка лежитъ,
Побѣдушка не малѣ:
Богатой купецъ убить.
— А за что же онъ убить?—
За свои за промыслы.
Бѣло тѣло лежитъ,
Ничего не говорить:
Жена мужа убила,
Подъ кѣсточкомъ бросила.
Что на нашемъ на дворѣ
Стоялъ озеро воды;
Молодецъ коня пои́ль,
Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ,
Красной дѣвкѣ наказалъ:
„Красна дѣвица, душа!
Сбереги мого коня,
Не сорвалъ бы поводѣ;
Поводы, шелковые,
Удилья серебряны“.
Красна дѣвица прошла,
Словно пава проплыла.
На головушкѣ перо—
Шестьдесятъ рублей дано;
Во рукахъ несла платокъ—
Двадцать пять рублей дано.

1374 (3).

Что за миленъкій, за душа моя!
Изсушилъ меня молодѣшеньку:

Я гулять пойду—не гуляется.
И я спать ложусь—милой во снѣ видится:
Будто мой милой стоялъ у кроватушки,
Онъ цѣлуетъ-то мои руки бѣлыя,
Называетъ меня любушкой, сударушкой:
„Я не воръ къ тебѣ пришелъ, не разбойничекъ,
Я пришелъ къ тебѣ первый полюбовничекъ“.
— Ты женись-ко, женись, добрый молодецъ,
Ты возьми-ко, возьми у сусѣда дочь,
У сусѣда дочь — мою подруженьку.—
„Мнѣ подружку взять — будешь гнѣвъ-держать,
Мнѣ взять не взять самоё тебя“.

Пѣсни 1372—1374 записаны П. В. Кимъ
11 сент. 1834 г. отъ цыганки.—Ред.

1375 (1)*.

Какъ жила была молода вдова,
У вдовушки было девять сыновъ,
Одна дочка была десятая.
Одинъ братъ съ рукъ, другой на руки,
А третій берѣтъ, въ колыбель кладѣтъ,
А четвертый возьметъ, да гулять пойдетъ.
Возлѣяли сестру, гулять пошли,
А безъ ихъ ёё матушка замужъ выдала
Ее за море за морянина.
Она годъ жила и другой жила,
На третій годъ сына родила
Сына родила—ей стоскнулося:
Къ родной матушкѣ захотѣлося.
Вотъ мы день ёдемъ, мы другой ёдемъ,
Что на третій день становилися,
Становились, кашу варили,
Кашу варили, дитю кормили.
Не черны вороны поналѣтѣли,—
Понаѣхали дѣбры молодцы,
Дѣбры молодцы, злы разбойнички.
Что морянина они потѣряли,
А моряненка въ воду бросили,
А меня, младу въ полонъ взяли.
Еще всѣ-то злы разбойнички
Они всѣ-то спать ложились,
Какъ одинъ-то злой разбойничекъ
Онъ не спить, не лежить, Богу молится.
У морянушки сталъ выспрашивать:
„Ты скажи, скажи, морянушка,
Ты чьего роду, чьего племени,
Чьего отца, чьего (sic) матери?“
— Жила-была молода вдова,
Что у вдовушки было девять сыновъ,
А я была дочь десятая.
Одинъ братъ съ рукъ, другой на руки,
Третій берѣтъ, въ колыбель кладѣтъ,
А четвертый возьмѣтъ, да гулять пойдѣтъ.

Возле лѣяли сестру, гулять пошли
(А по руському, воровать пошли).
Безъ ихъ меня матушка замужъ выдала
Меня за моря, за морянина.
Ужъ я годъ жила и другой жила,
На третій годъ сына родила;
Сына родила—мнѣ стоскнулося:
Къ родной матушкѣ захотѣлося.
Вотъ мы день ъдемъ, другой ъдемъ,
Что на третій день становилися,
Становилися, огонь роскляли,
Кашу варили, дитю кормили.
Не черные вороны понялѣли,—
Добры молодцы понаѣхали,
Добры молодцы, злы разбойнички.
Зятя своего они потеряли,
А племянника въ воду бросили,
А родну сестру во полонъ взяли.

*) Ср. выше, пѣсню 1361.—Ред.

1376 (2).

Долина, долинушка,
Раздолѣе широкое,
Раздолѣе широкое,
Приволье хорошее!
На той ли на долинушкѣ
Стояла тутъ горенка,
Во горенкѣ вдовушка,
У вдовушки дѣвушка
Не величка мѣленька;
На ней шубка аленька,
Опушка бобровая;
Дѣвка чернобровая,
Сама черноглазая,
По горенкѣ ходила,
Во окочечко глядѣла
Ямщицка въ гости ждала:
„Ямщикъ, ямщикъ молодой,
Для чевъ вечѣръ не пришѣлъ?“
— Какъ свѣтлѣй мѣсяцъ взошѣлъ,
Полунѣщна зоря,
Государушка моя,
Не слободушка была:
Жена сына родила,
Самъ по бабушку ходилъ
И попа въ домъ приводилъ,
Попъ молитву даваль,
А я имя нарекалъ,
Понтилеемъ называлъ.

1377 (3).

Не смутить было очи
Сегоднешней ночи,

Сегоднешней ночи
Сидѣть до полночи.
Видишь, я страдаю,
А ты лицемѣришь,
А ты лицемѣришь:
Сушишь, крушишь, не жалѣшь!
Иная милая
Ничѣмъ меня лучше,
Лицѣмъ не бѣлѣе,
Бровью не чернѣе;
Развѣ тѣмъ получше,
Что живетъ поближе,
Да ходить почаше,
Что ходить почаше,
Цѣлуетъ послаше.
Сарафанъ на ней кумачный,
Передникъ бумажный,
Рубашка кисейна,
Съ милымъ жить веселье;
Чулочки кострѣвы,
Башмачкѣ коалѣвы,
Въ косѣ лента голубая,
Дѣвка молодая.

Пѣсни 1375—1377 записаны П. В. К-имъ 8—9 сент.
1834 г. отъ пѣвицы Авдотьи.—Ред.

1378 (1).

„Дѣвица, дѣвица, хороша, пригожа,
Напой добра кѣня сердь синя моря!“
— Молодецъ, молодецъ, хороший, пригожий,
Сшей мнѣ башмачки изъ желта песочку!—
„Дѣвица, дѣвица, хороша, пригожа,
Спряди мнѣ верѣвинку съ чѣстаго дождѣчка!“
— Молодецъ, молодецъ, хороший, пригожий,
Сострой мнѣ избушку изъ бѣлаго снѣжечка,
Чтобъ эта избушка отъ дождя бы не кѣ-
пала бѣ,
Отъ дождя бы не кѣпала бѣ, отъ солнца бѣ
не тѣяла бѣ!“
*)

*) Такъ и въ подлинникѣ: начала и конца, видимо, нѣть.—Ред.

1379. (2).

Хорошо слышмо слышати,
Хорошо вѣдѣмо видѣти,
Что жена мужа тѣрѣла,
Во повалушу прятала.
Прилетали два сокола,
Два бѣльшіе дѣверя:
„Ты невѣстка, невѣстушка,
Сноха, бѣлая лебѣдушка!“

Еще гдѣ-жъ твой любимый мужъ,
А нашъ-ли родимый братъ?“
— Ужъ какъ мой-то любилый мужъ,
У какъ вашъ ли родимый братъ
Да уѣхалъ на ярмарку
Съ дорогими товарами.—
„Ты невѣстка, невѣстушка,
Сноха, бѣла голубушка!
Еще что жъ въ зеленомъ саду
Да вся травушка прибрѣзгана
Да всѣ кровью горючою?“
— Доверъ мой, соколы!
Я бѣлу рыбу чистила,
Во повалушу прятала.—
„Ты невѣстка, невѣстушка,
Сноха, бѣла лебѣдушка!
Отомъній намъ повалушю,
Покажи бѣлу рыбушку.
Какова бѣла рыбица?“
— Деверъ мой, соколы!
Ужъ какъ вашъ-то родимый братъ
Да увезъ золоты ключи.—
„Ты невѣстка, невѣстушка,
Сноха бѣла голубушка!
Приведѣмъ прибиральщицу,
Отомънѣмъ мы повалушю,
Поглядимъ бѣлу рыбушку.
Какова бѣла рыбица?“
— Деверъ мой, соколы!
Я не бѣлу рыбу чистила,
Я свого мужа тѣряла,
Я вашего брата рѣднаго!
Вы берите саблю вострую,
Вы срубите съ меня голову
Вы по самыя по плѣчушки!

1380 (3).

Какъ у ключика у кинчаго,
У колодезя у глыбокаго
Красна дѣвица воду чѣрпала:
Почернѣвши, вѣдры поставила,
Поставивши, думу думала,
Думу думала, слово молвила,
Слово молвила, рѣчь говорила:
„Хорошо тому на свѣтѣ жить,“
У кого-то есть отецъ и мать!
У меня-то, у младенченьки,
Ни отца нѣту, ни матѣри,
Что однѣя-то злая мачиха,
Змѣя лютая, подколодная.
Посыпала-то меня мачиха
Во высокій теремъ перину стлать
Про двоихъ-то робять холостыхъ,
Что про третьяго про женатаго!“

У насъ на дворѣ-то смеркается,—
Красной дѣвицы съ терема нѣту;
У насъ на дворѣ-то глуха полночь,—
Красной дѣвицы съ высока нѣту;
У насъ на дворѣ-то зоря бѣлый день,—
Красна дѣвица съ терема идѣтъ:
Что руса коса порастрѣана,
Что ясны очи позалаканы,
Во слезахъ дѣвушка слово молвила,
Слово молвила, рѣчь говорила;
„Что не жаль-то мнѣ двоихъ холостыхъ;
Что жаль-то мнѣ одного женатаго;
У женатаго молодая жена,
Молодая жена, мѣлы дѣтушки!“

1381 (4).

Я сидѣла-посидѣла, всю луchinушку прижгла,
И всѣ свѣчи притопила и огарочки прижгла,
И огарочки прижгла, заплакала, спать легла.
Заплакала спать легла, миль застукаль у окна.
Миль застукаль и забрякаль у кольца.
Родный батюшка на перинкѣ спалъ;
На перинкѣ отецъ спалъ, пробуждаться онъ
сталъ;
Еще сталъ-же онъ доченьку выспрашивати:
„Ахъ ты дочка моя, дочь, дочь возлюбленна
моя!
Кто застукаль у окна, кто забрякаль у
кольца?“
— Родный батюшка, сѣра кошечка!
Сѣра кошечка подъ окошечкомъ
Застукала у окна, забрякала у кольца.—
Ты брысь! правайся! на кроватку завались!
На кроватку завались, въ одѣяло обернись!

1382 (5).

Настя по насту гуляла,
Устя изъ за кустечку стрѣляла,
Всімъ ворамъ вѣсть подавала:
„Будьте вы, воры, готовы!
Садитесь на добрыхъ на коней,
Поѣдемте къ дядюшкѣ въ гости,
Поѣдемте къ дядюшкѣ Перфилу,
Поѣдемте къ тѣтушкѣ Ненилы
И къ сестры Степаниды!“
Стукъ, стукъ, стукъ въ окошко,
Брякъ, брикъ, брякъ въ колѣчко:
„Дома-ли тетушка Ненила?
Дома-ли сестра Степанида?“
Стешка въ окошко глядѣла:
— Всѣ это, дядюшка, не воры,
Всѣ это красныя дѣвки:

Настя сестра атаманомъ,
Устя сестра асауломъ!
Настя съ добрà коня слезала,
Вострую саблю вынимала,
Дядюшкъ голову сымала:
„Ты живи, бабушка, подолѣ,
Копи злата-срёбра поболѣ!
Ужъ мы къ тебѣ въ гости будемъ,
Будемъ, будемъ, будемъ, не забудемъ!“

Пѣсни 1378—1382 записаны отъ мѣщанки Акулины 10—11 сент. 1834 г. П. В. К-имъ.—Ред.

1383.

Соловеюшка ты мой молодой,
Чернобровенькій мальчикъ удалой,
Стань послушай-ка, что я вамъ скажу,
Я словесно чудесно накажу:
Не пой рано, соколикъ, по утру

По утренней холодной росы.
Скучно, грустно мнѣ стало молодцу,
Самъ не знаю, скучно почему,
Только знаю, болитъ сердце по ей,
По сударушкѣ-дѣвушкѣ своей.
Сударушка, любовь-дѣвушка!
Не гнѣтайся; радость, на меня,
Что я не былъ веѣръ у тебя.
Былъ я, былъ я въ сумѣркахъ безъ огня,
Не узнала ты, дѣвушка, меня,
Отсылала ты прочь отъ себя:
Отойдитко ся ты, молодчикъ, прочь.
Пристигала молодца темна ночь
Близъ фатерушки дѣвушки своей,
Фатерушка молодцу не мила,
Хозяюшка очень молодѣ,
Кроватушка нѣва тесовѣ,
Перинушка мѣгка пуховѣ.
Пѣсня записана П. В. К-имъ 9 сент. 1834.—Ред.

в) Валдайскій уѣздъ. С. Едрово.

1384 (1).

Чернобровенькій мальчикъ, удалой,
Разнослушаѣ, что я тѣ скажу,
Всё словесно я тебѣ накажу:
Не пой рано поутру,
По утряной холодной зорѣ.
Тошно, грустно то мнѣ, молодцѣ,
Во горенкѣ сидѣть одному,
Я не знаю, по чѣму.
Знаю, знаю: все по ей,
По сударушкѣ своей.
Ты, любезная моя,
Удалилась отъ меня,
Удалилась отъ меня
За четырѣ ровно ста 2.
Во матушку во Москву.
По Москвы мальчикъ гулять,
Извошничковъ нанималь,
Извошничковъ не нашель,
Самъ заплакаль, да пошѣль,
Самъ заплакаль да пошѣль
Ко товарищу зашѣль.
„Товарищъ мой, товарищъ,
Ты товарищъ молодой,
Ты товарищъ молодой,
Подумаемъ со мной.

Мы подумаемъ, погадаемъ,
Кого милому послать?
Ужъ мнѣ старого послать,—
Старъ не дойдеть до него,
А мнѣ младаго послать,—
Младъ не смысльть, что сказать“.

1385 (2).

Ваня, миленькій дружёчикъ,
Размалиновый душёчикъ!
Проториль Ваня дорожку
Черезъ рѣченку въ слободку,
Ко Ульянину къ окошку.
Ужъ ты, Уленька, Ульяна,
Дома-ль милая, румяна?
Открой, Уленька, окошко,
Хоть сердняго да немножко,
— Ужъ я рада бы открыла,
Да боюся батюшки,
Боюся я батюшки,
Опасаюсь матушки.
Что у батюшки пиръ въ гостяхъ,
А у матушки были гостяки,
А у подруженекъ да сестрицы!

Пѣсни 1384, 1385 записаны П. В. К-имъ 13 сент. 1834 г. отъ извошника.—Ред.

г) д. Сосница.

1386 (1).

Изъ за лѣсу, изъ за тѣмнаго,
Изъ за садику было зелёного
Заходила туча грозная,
Туча грозная со частыемъ дождёмъ.
Дочка къ матери въ гости ъхала,
Лошадушка уморилася,
Середъ лѣсу становилася,
Середъ лѣсу, лѣсу тѣмнаго,
Подлѣ садику зелёного.
Я нарву-тко хмѣлю яраго,
Наварю я пива пьяного,
Назову я дорогихъ гостей,
Дорогого гостя батюшку,
Дорогую гостью матушку,
Приближённыхъ своихъ сусѣдушекъ,
Расскажу, что я молода молодёшенька
Про-свою-то про горькую жизнь,
Про горькую жизнь про вдовью-то:
Какъ мнѣ молодёшенькѣ
Прожить мнѣ съ малымъ дѣтушкамъ,
Безъ удалой-то головушки?

1387 (2)

Матушка
Родная!
Я чернецъ,
Я молодецъ,
Я Святогоръ,
Я богомолъ,
Я съ першечки,
Я съ мершечки,
Я съ Москвы,
Я съ Вологды!
Матушка!
Я пощупалъ да ушёль.
Я чернецъ и т. д.
Матушка!
Просиль, да не далá!
Я чернецъ, и т. д.
Матушка!
Выпросиль, да вѣдь дала!
Я не чернецъ,
Не молодецъ,
Не Святогоръ,
Не богомолъ,
Не съ першечки,
Не съ мершечки,
Не съ Москвы
Не съ Вологды.

1388 (3).

По напрасну я, Ванюшка, не женился,
Любиль дѣвушку, самъ не взялъ.
По неволюшкѣ Ваня женился,
Не п'обычью жену взялъ,
Не п'обычью, не по мысли.
Я не буду въ любви жить,
Я не буду, я не стану
Свою женочку любить,
Буду къ дѣвушкамъ ходить,
Стану дѣвушекъ любить.
Я со той тоски-кручины,
Я со этого со горя
Я пойду-тко въ чисто поле,
Я по полюшку похожу,
Тоску-горе разнесу.
Противъ рѣчки на лужечкѣ
Распрекрасна смерть идётъ:
Вотъ я смерти не боюся,
Подойду я къ смерти поближе,
Поклонюсь смерти я пониже:
„Ахъ ты, смерть моя распрекрасна,
Помори мою жену!“
Не успѣлъ я домой воротиться,
Какъ моя жена лежить,
Во постелюшкѣ лежить,
Сама плачетъ, говоритъ:

1389 (4).

Во лѣсахъ-то было, во лѣсахъ-борахъ,
Во сырыхъ борахъ, во дремучихъ,
Брала Машинька грибки, ягодки,
Бравши Машинька призадумалася,
Призадумавшись, слезно плакала,
Во слѣзахъ-то Машинька заблудилася,
Заблудивши, Машинька вышла на дороженьку,
Вышла на дороженьку, сѣла на колоденку,
Сѣвши Машинька на колоденку стала укати,
Свово мѣла дружка кликати:
„Ахъ ты мѣленѣкій, сердечный другъ!“
Ты подай-ко ся голосъ черезъ тѣмный лѣсъ,
Черезъ тѣмный лѣсъ, черезъ быстрыя рѣ-
чушки,
Черезъ быстрыя рѣчушки, черезъ кусты-то
ракитовы“.
— Радъ бы, Машинька, я от'укнуться,
По бокамъ-то стоять два три сторожа!
На первой-то сторожѣ—тестъ-то батюшка,
На второй-то сторожѣ—теща матушка,
На третьей-то сторожѣ—моя-то молода жена,

Молодá жена, змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколбдная.
На руки лежи', во глаза гляди',

Во глаза гляди', цѣловать вели'!
Пѣсни 1396—1388 зап. П. В. К—имъ оть Савелія
трубоочиста 6 сент. 1834 г.—Ред.

д) с Яжелбицы.

1390 (1).

Голубъ сизенькій, ворковистенькій!
Не сизъ, не перистъ, не весёлый быль,
Не веселый быль, не при радости,
Не при радости, при бѣдности.
Вечёръ у меня голубушка была,
Въ саду гуляла, пшено клевала,
Пшено клевала, водицу пила,
Водицу пила, на ручкѣ спала,
На правой на ручушкѣ, лѣвой обнята была.
Проснулся голубчикъ,—голубушки нѣть.
Полетѣлъ голубчикъ голубушку искать,
По всемъ дальнимъ городамъ, по земёнымъ
садамъ:
Нашелъ голубъ голубушку: убитая лежитъ,
Убилъ её, застрѣлилъ купецкій сынъ.

1391 (2).

Какъ за рѣченкѣй слободушка,
По слободкѣ жила вдовушка,
У вдовушки дочь хорошая,
Дочь хорошая, звали Машинькой,
Звали: Маша чернобровая,

Чернобровая, черноглазая.
Не ты ли, Машинька, меня повысушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу безъ студёного,
И безъ вѣтру полудённого!
Ты звѣзда ль моя восточная,
Восточная, полуночная.
Высоко звѣзда восходила,
Выше лѣсу, выше тѣмнаго,
Выше садечку зелёного,
Выше города Персидскаго.
Въ этомъ городѣ стоялъ зелёный садъ,
Во этомъ садичкѣ тюремушка,
Во тюремушкѣ невольничикъ,
Невольничикъ, добрый молодецъ;
Ручки-ноженъки закованы,
Въ кандалахъ они заклепаны.
За какую я сижу побѣдушку?
За душу, за красну дѣвшушку,
За прежнюю полюбовницу,
Со которой я гулялъ,
Разпрѣятно ее цѣловаль
И разкрѣличкой душечкой называлъ.

Пѣсни 1390—1391 записаны П. В. К—имъ оть из-
воночика 13 сент. 1834. Ср. пѣсню 1362.—Ред.

е) Череповецкій уѣздъ. Д. Завражье.

1392 (1).

Что за рѣченкѣй было, за Небрагою,
Не полынь-то травонька шаталася,
Что шатался, валялся за душа моя,
Что за душечка-душа, добрый молодецъ,
Добрый молодецъ не самъ своею охотою,
Что охотою: охота—жизнь боярская,
Жизнь боярская—служба Государева,
Государя Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Что со вечера было, со полуночи,
Не частымъ ли то звѣзды поразсыпались—
Разсыпалася сильна армія по святой Руси,
По святой Руси, каменной Москвѣ.

1393 (2).

Шель Ванюшенька долиною,
Шель вечернею зарею.

Утренней росой шла Машенька изъ садочки,
Въ рукахъ несла два вѣночка,
Съ милымъ говорить:
„Ты пастухъ ли мой, пастушечекъ,
Пастухъ, дѣвшушки дружочекъ! не спокинь
меня“.
Я туда-то сюда бросался,
Со скотинушкой управлялся,
Домой поспѣшалъ.
Маша пала за ракитовый кусточекъ;
Ванюшенька испугался, за ракитъ кустъ
онъ бросался,
Толкнуль Машу въ грудь, Маша испугалась,
Домой бросалась.
Ванюшенька ко Машенькѣ бросался:
„Что ты, Машинька, чернобровая,
Почему любишь инова
Парня, не меня?“

1394 (3).

Заболѣла головушка, не знаю, какъ быть:
Своего дружка милаго не могу его забыть;
Кому не скажу про печаль, всѣ велять пла-
вать, тужить.
Поплачъ, дѣвушка, погорюй, душа, по мнѣ,
Поплачешь безъ меня, безъ меня то, безъ
молодца.

Какъ уѣду отъ тебя въ дальни чужи города,
За синяя за моря, за тихіе острова.
Вырасталъ зеленъ садъ, въ томъ садикѣ ку-
стики,
На кустикахъ прутики, на прутикахъ ли-
ствице,
На листочкахъ слезы мои.

Числа 1392—1394—запись (карандашомъ) П. В.
Каго (1834 г.?).—Ред.

VI. Тверской губерніи.

а) г. Тверь.

1395 (1).

Ужъ какъ я ли, молода, одинокая была;
Одиночная была, въ одиночествѣ жила.
Затопила я избушку, сама по воду пошла,
Сама по воду пошла на Самару на рѣку,
На Самару на рѣку, по ключевую воду.
Размахнула широко, почерпнула глубоко;
Размахнула, почерпнула, подняла, пошла,
Подняла, пошла, за рѣку зашла.
На встрѣчу мнѣ кумѣ... кума: [домой,
„Подѣ, кумушка, домой, поди, голубушка,
У тебя вѣдь, кума, истопилася изба,
Истопилася изба, переуглились дрова;
Одинъ кашничекъ въ печи надѣлся кипучи,
Въ колыбели дитя надѣлся крича,
На привязочкѣ теля надорвался ревя;
Подѣ повѣтю кочетокъ надѣлся крича:
Что куда, куда хозяюшка ушла?
Что ушла наша хозяюшка къ сусѣду по огонь“.

1396 (2).

Какъ у нашего сосѣда созвана гостей бе-
сѣда:
А всѣ молодцы, дѣвицы, молодыя молодицы.
А всѣ дѣвушки смиренѣнки, одна дѣвушка
востренѣнка:
Съ молодцомъ пошла плясать, съ парнемъ
шуточку спутила,
Съ парнемъ шуточку спутила, парню на ногу
ступила,
Всю ноженъку отдавила; стала ноженъку бо-
лѣти,
Сталъ дѣтинушка хворати;
Стала дѣвушка тужити, часто по воду хо-
дити,
На оконечко взирати, тяжелехонъко взды-
хати.

„Не вздыхай, моя надежа, уже самъ я про то
знаю,
Знаю, знаю, размышляю, съ кѣмъ получше
попарадаться:
Съ старой бабою водиться,—худой славушки
добраться.
Съ молодицею водиться,—босоногу нахо-
диться,
Съ красной дѣвицей водиться,—въ цвѣтномъ
платьи находиться.
Износиль я у дѣвицы черный смуръ каф-
танъ съ...
Миткалину рубашку, пестрединые пор-
точки
Съ кумашными выторочками“.

1397 (3).

Ахъ ты зять мой, зятюшко!
Дорогой гость, батюшка!
У тебя нѣтъ, у зятюшка,
Ни уса, ни бородушки,
Ни сохи, ни боронушки;
Въ угородѣ нѣтъ бородушки,
На гумнѣ нѣту кладушечки,
На столѣ нѣту краюшечки,
Ни въ мопнѣ нѣту полушечки,
— Ахъ ты теща, ты теща мой!
Дорогая теща, ласковая!
Отдала ты свою дочку за меня,
А твоя дочка умница,
Она умная, разумная была:
А поставила она кросна,
А кроснамъ-то девятая весна,
А десятая славна масленица.
А колода-то подѣ поломъ,
По колѣни въ землю втоптаная,
На подножкахъ трава выросла,
На просѣсти цвѣты выцвѣли.—

„Охъ ты зять, ты мой затюнко!
Дородой гость, батюшка!
Навостри ты косу на востро,
Су подножекъ траву выкоси,
Су просѣсти цвѣты вышипли,
На печи сѣно высуши,
На палатяхъ стогъ смети,
Подъ полатями коня привяжи,
Чтобы ближе моей дочери ходить,
Чтобы ближе коня кормить.“

1398 (4).

Во саду ли, въ огородѣ дѣвица гуляла,
Не величка, круглоличка, румяное лице,
Не богата, таровата, съ людьми важевата.
За ней ходить, за ней бродить удалой молодчикъ,
За ней носить, за ней носить дороги подарки,

А такіе дороги: кумачъ да китайки.
„Кумачу я не хочу, китайки не надо;
Принеси мнѣ молодецъ алаго глазету
На двѣ шубки, на двѣ юбки, на двѣ душегрѣйки“.

А спасибо, молодчинѣ, урядилъ дѣвчину:
Не безчестно красной дѣвкѣ на лицу вытти,
На лицу выходити, круги заводити,
Круги, круги заводити, рѣчи говорити:
Ужъ не полю ли, ребята, чуже пиво пити?
Не пора ли намъ, ребята, свое заводити?
Солодъ молодъ на овинѣ, а хмѣль на тычинѣ;
На тычинѣ, на тычинѣ, на самой вершинѣ,
А вода-то во Дунаѣ, дрова во болотѣ.

1399 (5).

Какъ за горницею,
За повалушею,
Что ни въ гусли-то играютъ,
Ни въ свирѣль говорятъ,—

Говорить душа дѣвица
Съ удалымъ молодцомъ:
„Охъ душечка, молодчикъ,
Удалой молодецъ!
Ты шути со мною,
Словно братъ съ сестрою;
Я украдуся у батюшки
Гулять съ тобою;
Я по заднимъ воротамъ
Ко сусѣду въ огородъ“.
У сусѣда въ огородѣ
Капуста бѣла;
И бѣла и виласъ,
Со тыномъ ровна.
Кабы волюшка была,
Заломаль бы ее,
Вонъ повыташиль.

1400 (6).*)

Собиралися дѣвиношки пивонюшку варить:
Коя горсточку муки, коя ложку воды,
Коя солоду зерно, коя хмѣлю перо.
А дѣвиношкамъ пивонюшко поудалось;
А пришолъ ко дѣвиношкамъ гость дорогой;
Посадили же гостя впереди въ углу;
Первучару поднесли,—за черны кудри трясли;
А другую поднесли,—черезъ столь тацили,
А по полу молодца потаскивали,
А по середи, что въ овесь толкли.
Вышелъ су-дѣтинка на лицу гулять:
То-то пиво, то-то пьяно, то-то сыченое!
Въ головѣ пиво шумить, въ поперекѣ болить!
На встрѣчу су-дѣтинѣ семь поповъ:
„Ахъ вы батюшки, попы, вы духовные отцы!
Причастите молодца, исповѣдайте!“

*) Пѣсни 1395—1400—отнесены къ Тверскимъ на основаніи сдѣланной позднѣе (карандашомъ) помѣты: „Туризъ“, „Туризъ Тверь“. Этого же П. В. Турина записи 1837 г. см. вып. 1., пѣсни 1151 и сл.—Ред.

б) Тверской уѣздъ, Мѣдный Ямъ.

1401.

Не одна-то красная дѣвушка назвала замѣтшкой:
„Ты замѣтъ, ты замѣтъ, горькая пьяница!
Ужъ ты пропилъ все свое житѣ-бытье,
Все житѣе бытѣе, все богатство,
А еще, какъ замѣтъ-то разлюбезный, пару вороныхъ коней,
Вороныхъ коней со всей запряжкою

И со новой колясочко!“
Что не одна-то въ путь дорожкѣ звала почевати:
„Ты начуй ко, начуй, мой разлюбезный, хоть единую начечьку!“
— Я и радъ бы, моя любезная, хоть на пѣвлую недѣлюшку,
Я боюсь-то твоего толька рѣдкого батюшку
И родной опасаюся матушки.
Помѣта самого П. В. К.: „Извощикъ. 16 сентября“. (1834?).—Ред.

в) Осташковскій уѣздъ, г. Осташковъ.

1402.

По загуменью тропиночки лежѣ,
По тропинушкѣ дѣтинашка идѣ.
Дѣтинашка, удалой молодецъ,
Всеѣ травушку муравушку примялъ,
Всі лазуревы тѣвѣточки посорвалъ.
Онъ къ младыя ко дѣвицѣ ходилъ,
Много злата, много серебра спосилъ,
Безъ расчѣту золотой казны,
Безъ аршинъчика камочки отдиралъ:
„Ты камочка, камочка моя,
Не давайся развѣртаться
Что ни князю, ни боярину,
Ни тому сыну гостиннаго двора!“
Что гостинный-то сынъ волюшку берѣ,
Красну дѣвишку за ручушку ведѣ.
Дѣвица мѣдодца голудьбой назвала:
„Ты голудьба, удалой молодецъ!“
У голудьбы столбы точеные,
Верюшки позолоченые,
Приворотенка изъ рыбьяго зуба;
Въ приворотенкѣ бѣль камушекъ лежї,

Изъ подъ камушка быстра рѣчка бѣжї.
По той рѣчушкѣ гоголюшко плывѣ,
Головушку выше бережка несѣ,
За гоголюшкой суденушко идѣ,
Во суденушкѣ немножко людей:
И немножко, всего семь человѣкъ,
А осмой-то кашеварь кашу варилъ,
А девятый водолей воду лилъ,
А десятой удалой молодецъ
По суденушку похаживаѣ,
Калену стрѣлу закладываѣ:
„Ты лети, лети, калѣная стрѣла,
Ты убей, убей, калѣная стрѣла,
На полетѣ млада ясна сокола,
Сѣру утушку на крѣтомъ бережкѣ,—
Красну дѣвицу въ *) высокомъ теремѣ:
Сѣру утушка-то юства моя,
Красна дѣвица невѣста моя!“

Пѣсня записана П. В. Кимъ 24 июня 1834 г.
отъ Матвѣя Жилкоба; см. вып. 1., пѣсню 225.—Ред.

*) Поправлено позднѣе изъ „у“.

г) Погость Рагоза.

1403. (1).

Ты воспой, воспой, младый жавороночки,
Весной на проталинкѣ,
Взвесели меня, доброго молодца,
Доброго молодца во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ, въ тѣмной тѣмнице,
Въ темной тѣмнице, въ затюремнице!
Я не годъ сижу и не два года,
Я сижу въ тюрьмѣ равно три года;
На четвертый годъ пишу грамотку,
Не перомъ пишу, не чернилами,
Я пишу письмо горячими слезами:
„Государь ты мой, родный батюшко!
Государыня, родна матушка!
Ужъ вы выкупите меня изъ неволюшки,
Изъ неволюшки, изъ тѣмной тѣмнице!“
Отецъ съ матерью испугались,
Отъ своего сына отрекались:
Что у нась въ роду воровъ не было,
Воровъ не было, ни разбойниковъ.
Какъ Богъ судья мому батюшкѣ,
Мому батюшкѣ, рѣдной матушкѣ,
Что не выкупили, не выручили
Меня изъ неволюшки!

1404 (2).

Позавялъ, позапалъ въ полѣ розовый цвѣтокъ:
Позабылъ, позакинулъ меня миленъкій другъ-
жокъ,
А самъ воръ на чужой на дальней сторонѣ!
Есть-бы *) волюшка отъ батюшки была,
Есть-бы вольное отъ матери житьѣ,
Всю-бы я зимочку по супречкамъ гулялъ,
Всѣ-бы я всѣ-бы на бесѣдушку ходилъ,
Ужъ я всѣ-бы промежъ двухъ дѣвокъ сидѣлъ,
Я бы всѣ-бы на хорошую смотрѣлъ,
Я глядѣлъ-смотрѣлъ, съ очей бы не спущалъ!
Воротися, весна красная, назадъ!
Покатились горячи слезы изъ глазъ!
Вспомни, радость, мою прежнюю любовь!
Какъ гуляли мы во зеленомъ саду,
Пили, ёли, веселились другъ съ тобой.
Говорили мы такія словеса:
„Не грусти, мой другъ, заочно обо мнѣ!“
— Ты зачѣмъ, шельма, влюбилася въ меня?
Много видѣла обмановъ отъ меня!—
„Я не знала, что обманешь, другъ, меня;
Я прельстилась на ласковы слова:
Ласковы слова обманчивы-то,

А привѣтливы на смѣшины-то.
Когда вижусь съ дружкомъ, веселѣшенька
хожу;
А не вижу, во постелюшкѣ лежу,
Всю постелюшку боками изотру,
Никому своей кручинѣ не скажу,
На своѣмъ на скрытомъ сердцѣ продержу.***

*) Если бы—сноска въ рукоп.—Ред.
**) Обѣ пѣсни руки П. В. К.; помѣта: 24 июня
1834 г.—Ред.

1405 (3).

Думѣ думу побиваеть,
Милъ сердечный забываеть;
Не знаю, какъ быть,
Безъ милого дружка жить!
Хорошъ мальчикъ уродился,
Немножечко поводился,
Вѣки отсталъ,
Любить меня пересталъ.
Нападѣть грусть, тоска-кручинѣ,
Зазову къ себѣ дружка ночку ночевать,
Одинъ часикъ часоватъ.
Милый ночушку не спалъ,
У кроватушки стоялъ,
Дѣвицу будилъ,
Красавицу разбужалъ:
„Вставай, дѣвица, пораньше!
На дворѣ бѣлый день зоря:
Намъ идти пора;
Провожай, радость моя!“
Такой власти не имѣю,
Провожать дружка не смѣю,
Ванюшку туда,
За заднія ворота.
Боюсь, батюшка, тебя:
Прибѣшь ты меня!
Чѣрны глазы подобѣшь,
Русу косу расплѣтѣшь,
Шельмой назовѣшь,
Бездѣльницею!

1406 (4).

Не во времячко бѣлѣ снѣжки вѣнали:
Они вышли межень*) лѣта тѣплоаго,
Времячка рабочаго, поры сѣнокосныя.
Маша траву косила, косу въ траву бросила,
Сама Машинька за гульбой пошла
Да за лѣгкою за работою.

Повстрѣчалася Марьюшка Иванушкѣ
Среди лѣса тѣмнаго;
Сталъ Ванюшенько Машиньку спрашивать:
„Откуль, Машинька, вечѣръ поздно шла?“
Маша Ванюшкѣ не корылася;
Послѣ Машинька повинилася:
„Хочу, Ванюшка, нѣчь такъ пожить,
Нѣчь гуляньяца, безъ худой безъ славушки.“
Ванѣ словечко не попадалося:
Онъ ударилъ Машу по бѣлѣ лицу,
По бѣлѣ лицу, по щекѣ румяной,
По сергѣ жемчужной.
Изъ бѣлѣ лица у Машиньки
Руда-кровь и брызнула,
Жемчужная серёжка разсыпалася,
Изъ ясныхъ очей слёзы покатилися.

*) На верху рукой П. В. К.: „середѣ“.—Ред.

1407 (5).

Какъ во славномъ во городѣ во Торопцѣ,
Что за славною рѣкою за Торопою,
Становился Римскій полкъ по квартирамъ;
Они зиму зимовали, царствовали,
Какъ на лѣто въ походъ полку сказали.
Ужъ вы, кумушки наши, голубки!
Мы пойдёмте въ соборъ Богу молиться,
Чтобы Римскому полку взадъ воротиться,
Чтобъ по старымъ квартерамъ становиться,
Чтобъ по прежнему со дѣвшкамъ водиться!
„Ужъ вы, кумушки, наши голубки!
Вы любимыя наши подружки!
Во которомъ вы городѣ гуляли?
Ано гдѣ жъ вы молодцовъ себѣ выбирави?“
Какъ у вѣсъ мужья всѣ молодые,
У меня-ли молодѣнкѣ старичище;
Старичище не пущаетъ на игрѣще.
Я уходомъ отъ старого уходила,
Я уѣхомъ отъ злодѣя уѣгала,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
У сусѣда во бесѣду снарядилась.
Я не дольго съ офицеромъ говорила:
Со вечѣрней зарѣ до бѣлѣ дня.
Я не знаю, какъ мнѣ къ старцу показаться*).

Пѣсни 1403—1407 записаны, повидимому,
П. В. К. 24 июня 1834 г.—Ред.

*) Въ началѣ пѣсни помѣта рукой К—аго: „На
голосъ: „Какъ проходитъ дорогая мимо кельи“.

д) д. Острица.

1408 (1).

Кабы волюшка отъ батюшки была,
Кабы вольное отъ матушки житьё,
Всю бъ я зимушку по супредкамъ^{*)} ходилъ,
Завсегда бы промежъ двухъ дѣвокъ сидѣль,
Завсегда бы на хорошую глядѣль,
Я глядѣль-смотрѣль, съ очей бы не спущаль:
Наглядитесь, очи ясны, про запасъ!
Покатились горячій слѣзы изъ глазъ!
Седце слыши', животъ боли' по тебѣ,
Мое сердце погиба' завсегда.
Никому своей кручинѣ не скажу,
На своеемъ на скрытномъ сердцѣ содержу.
Вспомни, радость, свою прежнюю любовь,
Вспомни, радость, гдѣ гуляли мы съ тобой:
Мы гуляли во зелёномъ во саду,
Пили, ъли, веселились другъ съ тобой,
Говорили такія словеса:
„Не грусти, мой другъ, заочно обо мнѣ!“
Воротися, весна красная, назадъ!
Вы воспойте, мелки пташки, во лѣсу!
Намъ не гуливать въ зеленомъ во саду,
Намъ не жить съ дружкомъ по прежнему въ
любви!

^{*)} Супредки—бесѣды, посидѣлки.—*Прил. П. В. К.*
Позднѣе поправлено (карандашомъ) на: „супрядки“, какъ и въ текстѣ.—*Ред.*

1409 (2).

Какъ бывало-то усовъ и слыхомъ не слыхать,
А какъ нонече усы проявились на Руси:
Какъ не много, не богато—полтораста молод-
цѣвъ.
Ай да усы, ай да усы, да усы, усы, усы!
Вы по улицѣ идите, не фаркайте,
Ай, да усы, ай да усы, да усы, усы, усы!
и т. д.
Вы во дворъ входите, не шумаркайте,
А вы въ избу-то входите, молитву творите.
Нутко-ся, хозяинъ, поворачивайся!
Клади денежки на столъ, да расплачиваися!
А хозяинъ-то божится, да что денегъ нѣть,
А хозяюшка ракіется^{*)}, да что денежекъ
нѣть;
Сиди дѣвка за квашнѣй: нѣть копѣйки за
душой;
А дуракъ на печѣ: онъ своё городи^й:
„Что батько-то врѣ? да и денегъ нѣть?
У насъ поль потолокъ серебромъ поволоектъ!“
Нуте-тко, усы, за свои промыслы!

Ко стало со кручинѣ (sic?), нащенайте-тко
лучинѣ,
Вы берите уголёкъ, раздымайте огонекъ.
Вы ташите-тко хозяина, какъ свинью палить,
Вы ташите-тко хозяюшку, какъ быву стричь!
Кладѣ денежки на столъ, да расплачиваается.

^{*)} Ракіться—божиться.—*Прил. П. В. К.*

1410 (3).

У молодца въ домѣ нездорово,
Молодая жена захворѣла:
Ты хворай-ко-ся, жена, полишѣе,
Умирай-ко, жена, поскорѣе,
Отпушай ты меня, молодца, на волю!
Я пойду жъ-то, молодецъ, въ зеленую рощу,
Я сѣккую, срублю зеленую сбснну,
Отсѣккую жъ-то, отрублю съ ней комелёчикъ,
Я построю, срублю жены теремочки.
Хороню жену, радуюсь, на другой женюсь,
веселюся.

1411 (4).

Старики наши старые,
У васъ бороды сѣдые (2),
Усы стриженые.
Вы не хлопайте усами,
Шевелите бородами.
Бородамы шевелили,
Господина веселили;
Господа на насъ глядять,
Веселиться намъ велять.
Веселися, милый мой,
Веселися, дорогой!
— Вдоль улицы мостовой
Шла дѣвица за водой,
За холодной ключевой;
За ней парень молодой;
Кричій: дѣвица, постой!
Кричій: дѣвица, постой!
Красавица, погоди,
Бѣлы руки подожми,
Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
За холодной ключевой!

1412 (5).

По зеленому садику летає соколь,
Соколь, соколь, соколь, летає соколь.
Бѣлая лебѣдушка повыше его,
Его, его, его, его, повыше его,

Соколь у лебёдушки выспрашивáе',
Её, её, её выспрашивáе':
„Была лебёдушка, где же ты была?“
Была, была, была, где же ты была.
— Я была, лебёдушка, на синём море;
Море, море, море, на синём море.
На синемъ-то на-море плывае' корабль,
Корабль, корабль, корабль, плàвае' корабль.
Во этомъ въ корабликъ состроенъ чердачокъ;

Чокъ, чокъ, чокъ, чокъ, чокъ, чокъ, со-
строенъ чердачекъ.
Во этомъ чердаченькъ вдовушка живё',
Живё, живё, живё, вдовушка живё!
Во этомъ карабликъ да много людей.
Людей, людей, людей, да много людей.

Песни 1408—1412 записаны П. В. К. 22 июня
1834.

е) д. Сосница.

1413.

По мху, я, дёвушка, ходила,
Во мху я, красная, гуляла,
Во мху я, во мху я.
Во мху, во мху, во мху я!
Ольху я, дёвушка, скоблила,
Ольху я, красная, скоблила,
Ольху я, и проч.
Сътку я, млада, красила, 2
Сътку я, и проч.
Рыбку я, млада, ловила, 2

Рыбку я, и проч.
Уху я, дёвушка, варила, 2
Уху я, и проч.
Гостей я дорогихъ звала, 2
Гостей я, и проч.
Уху я, дёвушка, хлебала, 2
Уху я, и проч,
Драгихъ гостей ухой потчивала 2
Ухой я, и проч.

Запись П. В. К.

ж) д. Гальтино.

1414.

По тропинушкъ дётинашка бёжи',
Онъ бёжи', бёжи, не ужáхнется,
Бёлый волосъ не ворóхнется;
За дётиною купеческая дочь:
„Ты постой, постой, дётина холостой!“

Ты чего, дружокъ, не женишься,
На кого, милый, надёшься?“
— Я надёюсь на батюшку,
На родиму родну матушку,
А еще таки на Господа.

Помѣта П. В. К.: „11 июля“ (1834?).—Ред.

з) Ржевскій у., д. Болотники.

1415 (1).

Долина, долинушка, раздолье широкое!
На тый на долинушкъ стояла калинушка;
На томъ ли на кустикъ садилась кукушечка,
Садилась кукушечка, мелкая соловьюшка.
Плачетъ-тужить дёвица по доброму младцу,
По доброму младцу, по улану-солдатушкъ:
„Не плачь, не плачь, дёвица, не плачь, душа,
красная!
Солдатъ во походъ пойдетъ, дёвку за собой возьмётъ!“
— Я бъ рада не плакала, сами слёзы котятся!—

„Наплачешься дёвушка добровольно безъ мене!
Пришлю, пришлю, дёвица, золотъ перстень со руки.
Перстенёчикъ не носи, въ коробочку положи,
Въ коробочку положи и замочикомъ запри.“
Отъ старухи.—Помѣта П. В. К.

1416 (2).

Ахъ ты Волга моя, Волга матушка!
Хорошо Волга разливалася,
Со крутымъ берегамъ сополнялася;
Потопила Волга зелены луга,

Понялá Волга всé долы́ горы!
По тый Волгѣ бѣжитъ лодочка:
Хорошо лодка пріукрашена;
Въ этой лодочкѣ сидѣть красна дѣвица,
Кричить-вонить громкимъ голосомъ:
„Переймѣтка вы мою лодочку!
Я за лодочку заплачу сто рублей!“

1417 (3).

Не одна-то не одна во полѣ дорожинъка,
Не одна пролегала, 2
Что не травушкой, не муравушкой
Й—она уростала, 2
Частымъ ельничкомъ, горькимъ осинничкомъ
Её заломало, 2
Что нельзя-то, нельзя къ любушкѣ—суда-
Нельзя въ гостиѣ хать. 2 [рушки
Хоть поѣду, поѣду, къ любушкѣ—сударушкѣ,
Я любить не стану; 2
Да хоть и буду сударушку любить,
Ночевать не буду; 2
Хоть и буду я почевать,
А я спать не лягу; 2
Хоть и лягу спать,
Обнимать не буду; 2
Хоть и буду обнимать,
Цѣловать не стану!—2
Что не травушка, не муравушка
Мой дворъ уростаѣт; 2
Горькимъ лопушничкомъ
Мой дворъ устилаѣт! 2

Какъ со вечера снѣжки
Выпадали, 2
Ко бѣлу свѣту снѣжки
Призвавъя! 2
Да не сталъ-то, не сталъ мой милый другъ,
Ахъ, въ гостиѣ ъздить! 2

1418 (4).

Ахъ, дѣвица, красавица,
Мои прежняя полюбовница!
Тебя любилъ, счастливъ я быль,
Любить не сталъ, безсчастенъ сталъ.
Ахъ, горе моѣ великое,
Печаль-тоска несносная!
Охъ, я съ горя въ чисто поле:
Въ чистомъ полѣ кусты пусты!
Ужъ я съ горя въ темны лѣсы,
Въ темны лѣсы, въ сырьи боры;
Въ темныхъ лѣсахъ листы шумятъ!
Ахъ, горе моѣ великое,
Тоска-печаль несносная!
Ужъ я съ горя въ зелены луга;
Въ зеленыхъ лугахъ тѣвѣты тѣвѣтуть,
Тѣвѣты тѣвѣтуть лазоревы;
Сорвѣ тѣвѣтку, совью вѣнокъ
Милу другу на головушку!
Носи, мила, не складывай.
Люби меня, не скѣзывай,
Терпи горе, не складывай!

Пѣсни 1415—1418 записаны П. В. К. 9—13 июня
1834 г.—Ред.

и) Новоторжецкій уѣздъ, д. Качанова.

1419.

Калинушка съ малинушкой, лазоревый тѣвѣтъ!
Веселая бесѣдушка, гдѣ миленъкій пѣ!
Онь пить не пѣё, голубчикъ мой, за мнѣй
младай шлѣ;
А я, млада младѣшенька, замѣшалася,
За ўткамы, за гусыны, за лѣбедямы,
За вольною за штапечкой за журушкою.
Журавушка вдоль бѣрежку похаживае,
Шелковую въ полѣ травушку посципывае,
За рѣченку за быструю посматривае:
За рѣченкой за быстрою слободка стой,
Слободка не маленькая, только цѣтыре двора;
Во этихъ во дворикахъ цѣтыре кумы.

Вы кумушки, голубушки, подружки мои!
Кумитея, любитеся, любите меня!
Пойдёте вы во зелёный садъ, возьмите меня!
Сорвёте по тѣвѣтку, сорвите и мнѣ!
Совьёте по вѣнчику, свѣйте и мнѣ! *)

Записана П. В. К. и.мѣ отъ извоѣника Савелья
21 мая 1834 г.—Ред.

*) Въ д. Острицѣ, Осташковскаго уѣзда, послѣ
послѣдняго стиха поется еще:

Вы пойдете на Дунай-рѣку, возьмите меня!
Вы бросите вѣнки въ воду, вы бросьте и мой!
Какъ всѣ вѣнки повѣрхъ воды, а мой потонулъ!
И всѣ дружки съ Москвы пришли, а мой не при-
шель!—П. В. К.—и.и.

VII. Костромской губ.

г. Кострома.

1420.

Дѣвка платье мыла,
Шибко колотила,
Туго выжимала,
Дружка поджидала.
То оглянется туда,
То оглянется сюда...
На все стороны глядить.
Вотъ на ворономъ конѣ
Онъ къ красоткѣ подъѣзжаетъ,
Бѣть красавицѣ челомъ:
„Богъ на помочь, дѣвица!
Платье мыть до бѣла,
Чтобы вовсе не носилось никогда,
Бѣлое было.“.
Дѣвица спѣсива
Не скажетъ спасиба,
Глазки въ землю потуплять,
На щекахъ огонь пылаетъ,
Всякой знать, отчего...
„Это не годится,
На меня сердиться:
Я давно люблю тебя!
Послушай, что скажу:
Напой ты мнѣ коня
Средь синяго моря,
Чтобы конь воды напился,
Бранъ коверъ бы не смочился,
Быль бы сухъ онъ, какъ и есть!“
— Спей ты мнѣ башмачки
Изъ желта песочку,
Чтобъ песчинки не стоптались,
Башмачки бѣ не истирались
И не терли бѣ бѣлыхъ ногъ.—
„Спей же мнѣ каftанчикъ
Изъ булатной стали,
Чтобы сталь была холстиной,
Чтобы шули не пробили,
Можно бѣ было бы носить.“
— Спей ты мнѣ платье
Изъ розова листу,
Чтобъ листочекъ не измялся,
Цѣль на мнѣ, какъ на кустѣ.—
„Выстроимъ же домикъ
Изъ булатной стали,
Были бѣ окна и кровать—
Тамъ съ тобой мы будемъ спать,
Милыхъ дѣтокъ наживать“.

Слѣдующая (т. е. 1420—Ред.) пѣсня поется въ Костромѣ. Она по содержанию, по размѣру слишкомъ близка напечатанной г. Степановыми „Сибирской пѣснѣ“ (см. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, т. 17(1835 г.), стр. 445.—Ред.). Это, кажется, вариация одной ноты. Она писана со словъ.—Прил. П. В. К—аго.

1421.

Ты не шей, не шей, дѣвица,
Шитой браной положокъ:
Ужъ и мнѣ ли молодцу
Не сырать въ пологу.
А ужъ спать ли молодцу
Въ чистомъ дальнемъ полѣ
Подъ холоднымъ небомъ.
„Я велю тебя злодѣя
На пути остановить,
На пути остановить,
По частичкамъ изрубить.
Я изъ бѣлага изъ тѣла
Пироговъ напеку,
А изъ буйной головы
Ендову сдѣлаю,
А изъ крови изъ твоей
Пиво пьяное сварю;
Изъ ясныхъ твоихъ очей
Златы чарочки солью,
А изъ груди изъ твоей
Поднось сдѣлаю,
Я изъ жира изъ твово
Свѣчи ярыя солью;
Изъ костей твоихъ
Я кроваточку смошу.
Позову ли я гостей,
Всѣ твоихъ сестеръ,
Всѣ твоихъ подругъ,
Загадаю ль имъ загадочку,
Не хитру и не мудру,
Не отгадчивую:
„Я на миленъкомъ сижу,
Миленъ подчиваю;
Ужъ какъ онъ передо мной
Пивомъ пьянымъ стоять“.
Какъ одна тутъ изъ сестрицъ
Догадалася,
Домой скоро собиралася:
„Говорила брату я
И наказывала:

Не ходи ты, молодецъ,
Къ красной дѣвицѣ душѣ:

Вѣдь она тебя не любить,
Буйну голову погубить...“

VIII. Ярославской губ.

а) *).

1422 (1).

На горѣ, горѣ шелковая трава,
На той травѣ утреняя роса;
На той травѣ старъ коня сѣдлаеть,
Красную дѣвицу уговариваетъ:
„Красная дѣвица, ты поди за меня,
Я тебя стану калачами кормить,
Я тебя стану сытою поить,
Я тебя не стану ни бить, ни журиТЬ.“
— Хоть ты мени, старой, калачами корми,
Хоть ты меня, старой, сытою пои,
Хоть ты меня, старой, не бей, не жури,
Я нейду за тебя.—
На горѣ, горѣ шелковая трава,
На той травѣ утреняя роса;
На той росѣ младъ коня сѣдлаеть,
Старую бабу уговариваетъ:
„Не ходи за меня, я тебя стану
Сухарями кормить, я тебя стану
Водой поить, я тебя стану
И бить и журиТЬ.“
— Хоть ты меня, младый,
Сухарями корми, хоть ты меня водою пои,
Хоть ты меня и бей, и жури,
Но я пойду за тебя.

1423 (2).

Передъ нашими воротами, передъ нашими
широкими
Стояли озера, что синее море.
На тѣхъ на озерахъ кленовыя клѣти,
Тисовыя кровати; на той кроваткѣ
Молодка молодая не постелю стелеть,
Тяжело вздыхаетъ:
„Не мила мнѣ постеля, не мила пуховая,
Не съ милымъ на ней спати, не у милаго
Не у ретиваго сердца; [на ручкѣ,
А мнѣ съ постылымъ мужемъ спати,
У постылого на ручкѣ,
Не у ретиваго сердечка.“

1424 (3).

Какъ на улицѣ рѣпей
На широкой рѣпей.
Ой, диди, мой рѣпей!
Рѣпей стелется, разстилается;
Ужъ не быть тебѣ, рѣпью,
Съ тычинами въ ровню,
Съ частымъ плетнемъ.
Тутъ шли, прошли
Три родныхъ сестры;
Сестра то сестрѣ
Стала спрашиваться:
„Ну, каво (sic) тебѣ, сестрица,
За старымъ мужемъ жить?“
— Мнѣ за старымъ мужемъ жить,
Лишь старѣться.—
Какъ на улицѣ рѣпей (и проч.—по-
втореніе прежняго припѣва).
„Каково тебѣ, сестрица,
За ровней жить?“
— Мнѣ за ровнею жить
Лишь ровнится.—
Какъ на улицѣ рѣпей (и проч.)
„Каково тебѣ, сестрица,
За милымъ мужемъ быть?“
— Мнѣ за милымъ мужемъ быть,
За милымъ мужемъ жить
Лишь вѣкъ коротать.

1425 (4).

На рѣчкѣ на Дунаѣ
Матушки! *).
Пришли дѣвки умываться;
Они вздумали купаться,
Они скинули рубашки
Тонки, бѣлы, полотняныя,
Голубы сарафаны,
Шелковы подпояски,
Золотыя повязки.
Но укрался къ нимъ Иванка,—
Онъ укралъ у нихъ рубашки
Тонки, бѣлы, полотняныя,
Голубые сарафаны,

*) Болѣе точнаго пріуроченія нѣть — Ред.

Золотыя повязки,
Шелковые подпояски.
Пошли наши девки
Къ Ивашкиной бабкѣ:
„Ты уйми свою Ивашку:
Онъ покралъ у насъ рубашки
Тонки, бѣлы, полотняныя,
Голубые сарафаны,
Шелковые подпояски,
Золотыя повязки“.

Какъ Ивашкина бабка
Взяла въ руки розгу;
Какъ Ивашка закстился,
Какъ Ивашка забожился:
„Подыми меня, Микола,

Ниже облака ходячаго!
Ты ударъ меня, Микола,
На пуховую перину!
Подави меня, Микола,
Шпенишными пирогами!
Утопи меня, Микола,
Во густой самой сметанѣ!
Озноби меня, Микола,
На печи въ углѣ подъ шубою!“

Сюда же слѣдуетъ отнести и пѣсни 1096 и 1097
(вып. 1, стр. 298), въ другой копии (чертн. № 1791),
отнесенные позднѣе къ Рязанскимъ.—Ред.

*) Послѣ каждого стиха повторяется этотъ при-
пѣвъ.—П. В. К.

б) Ростовскаго уѣзда, сельцо Губцово.

1426.

Ужъ ты вѣснушка, весна!
Ты не въ радость мнѣ пришла,
Не въ радости, во тоскѣ,
Во великой сухотѣ.
Болитъ сердце по тому
По зеленому саду.
Ужъ ты, садъ ли мой зеленый,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отчего, садикъ, подсохъ?
Отчего, зелень, приблекъ?
Отчего въ тебѣ, мой садикъ,
Ни травушка не растетъ,
Соловьюшко не поетъ?

Ты воспой, соловьюшко,
Жалобнѣхонъко!
Ужъ и такъ мнѣ, младой,
Жить тошнѣхонъко!
Выду я на улицу,—
Всѣ журять, бранять,
Всѣ плакать велять.
Погляжу въ окошечко:
Бо полѣ туманъ,
Бо полѣ туманъ большой
Растуманился:
Знать, это мой милый другъ
Припечалился.

Пѣсня доставлена кн. П. А. Костровымъ.

в) Любимскаго уѣзда.

1427 (1).

Не по волюшкѣ Ванюшка жѣнится,
Не по волюшкѣ, по большой неволюшкѣ:
Поневолила его родна матушка:
— „Ты женись-ко, женись, Иванушка“!
Разговаривала любушка сударушка:
— Не женись, не женись, мой миленький
дружёкъ!
Если женишься, любовь перемѣнится;
Обѣянчашься, вся любовь скончается.
Приведешь ты жену, жѣнушку не милую,
А немилую, толстую, лѣнившую.

1428 (2).

Полюбилъ-то мальчикъ девчоночку расхопшую,
Полюбилъ мальчикъ девчонку, сталъ высپршиватъ ее:
„Ты скажи-ко, моя любезная, вѣрно любиши-
ли ты меня?“
— Я любить-то тя люблю, милый мой, всей
душой сердцемъ люблю,
Всей душой сердцемъ люблю, наглядѣться
не могу.

1429 (3).

Сторона-ль моя, сторонушка,
Бласловлённая сударушка,
Сударушка радость дѣвшка!
Что не ты ли сердце высушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу безъ студенаго
Безъ часта дождя осенняго,
Безъ осенняго, послѣдняго?
Ты зоря-ль моя, зорюшка,
Зоря утрення вечерняя,
Ты звѣзда-ль моя, звѣздочка!
Высоко звѣзда восходила,
Далеко звѣзда просвѣтила
Выше лѣсу, выше садечку,
Выше садечку зеленаго.

1430 (4).

Какъ у насъ ли да во садочкѣ,
Какъ у насъ ли да во прекрасномъ
Дѣвшка гуляла,
Скакала, плясала,
Тонецъ водила,
Ленту сронила.
Батюшкѣ, подѣ,
Ленточку подними,
Родный мой, поди,
Ленту принеси!
— Не хочу я идти,
За мужъ отдавать
За мальчишкѣ я
За такова да за худова,
За ямщицкаго молодца:
Ямщикъ пашеньки не пашеть,
Только коней пригоняетъ.—
Я у матушки спрошуясь:
„Что ты, мать моя, говоришь?“
— Говорю я, не скажу:
Слыхала ли ты отца?
Отецъ правду не сказалъ,
Тебя шельму поберегъ.

1431 (5).

Полно, Дунюшка, тужить,
Полно, глупая, тужить:
Всякъ готовъ тебя любить,
Всякъ готовъ Дуньку любить.
Ужъ любите вы меня,
Не любите вы меня,

Я на свѣтѣ никого.
Я не вѣрила своей подружкѣ,
Мнѣ милого дружка жаль.
Я вечѣръ дружка милого
Унимала почевать:
„Ты ночуй,nochуй, любезный,
Ночуй ночку у меня,
Погости, радость, недѣльку
Безъ единаго денька“.
— Радъ бы я, Сашенька, почевать,
Боюсь, до свѣту просплю.—
„Ты не бось, не бось, любезный,
Во безчестье не введу,
До зорюшки разбужу.“
По утру дѣвка рано вставала,
Провожала я мила дружка,
Я до тѣхъ поръ проводила,
Гдѣ скончалася любовь;
Гдѣ скончалась, дѣвка разставалась,
Слезно плакала обѣ немъ.
Со слезъ рѣчка протекла:
Течетъ рѣченька Казанка
Не широка, глубокѣ,
Не широка, не глубока;
На водѣ лежитъ струя,
На водѣ лежитъ струйца
И волною (?) шибко бѣтъ.
Вышла дѣвшка на рѣченьку,
Я умылася водой,
Я умылася водицей,
Утерлѣсь бѣлымъ платкомъ,
Я утѣрлѣсь бѣлымъ платомъ,
Я опять за нимъ пошла.
Какъ пошла я красна дѣвка,
Пала грудью на водѣ.

1432 (6).

Дуняшка моя, Авдотьюшка моя, подружка
мои!
Всѣмъ ты, душа Авдотьюшка, по мыслямъ
пришла.
Однимъ Дуня не по мыслямъ: умъ-разумъ
такой,
У моей ли у Дуняшки обычай-то тяжѣль.
Приходилъ ко мнѣ, ко Дуняшкѣ, гость мой
дорогой,
Пріударилъ тонкой тросточкой по ворѣ-
течкамъ:
Растворяйтесь, воротечки рѣшѣтчатыя!
Что побрякнуло колечушко серебряное,
Испугалося у Дунюшки сердечко ретивѣ.
Вставала душа Дунюшка со кровати съ ти-
совой,

Что брала душа Авдотьушка свѣчу со стола.
Выходи, душа Дуня, въ сѣни нѣвы на крыльцо!
Говорила душа Дуня дружку миленькому:
„На что вѣчёръ, дружекъ миленькой, на что
не пришѣлъ?“

1433 (7).

Не летай, соколь, по новымъ сѣнямъ,
Соколь, по новымъ сѣнямъ.
Не мѣшай, соколь, дѣвкѣ думу думати,
Дѣвкѣ думу думати.
Моей думушкѣ думы-то есть придуманы:
Думы есть придуманы.
Одна думушка мнѣ дума съ ума нѣдетъ,
Со крѣпкаго разуму:
Вечеръ я дѣвушка съ дружкомъ побраницалася,
Съ дружкомъ побраницалася.
Называлъ меня дружекъ горькой пьяницей.
Дружекъ горькой пьяницей.
Не въ то времичко бѣлые-то спѣжки выпали,
Бѣллы спѣжки выпали.
Не въ то-ль времячко—середь лѣта тѣплаго,
Гулянья-то весёлаго.
Моя Машинька Маша травку косила,
Маша травку косила.
Травку косила, съ горя косу бросила:
Съ горя косу бросила.
Ты лежи, лежи, коса, день до вѣчера!
Лежи день до вѣчера.
День-то до вѣчера дѣвкѣ дѣлать нѣчего,
Дѣвкѣ дѣлать нѣчего.
Видно мнѣ, Машинька Машѣ, за рѣку гулять,
Машѣ за рѣку гулять.
Мнѣ за рѣченку, любить парня бѣлаго,
Ванюшку румянаго.
Ужъ вдругъ дѣвушка любить отказалася:
Любить отказалася.
Не хочу я любить, хочу я лѣто такъ прожить
Хочу я лѣто такъ прожить.
Безъ мила дружка, безъ Иванушки,
Безъ Иванушки.

IX. Московской губерніи.

1435.

Подъ яблоней такой,
Подъ кудрявой зеленой

*) Болѣе точнаго пріуроченія нѣтъ.—Ред.

За досадушку Ванѣ показалося:
Ванѣ показалося.
Онь занесъ, занесъ свою ручку правую
На дѣвченку бравую,
Онь удариль-то дѣвченку по лицу ея,
По лицу румяному,
По лицу ея по румяному,
По щёчкѣ по аленькой,
Да по щечкѣ-то по аленькой.
По сережкѣ маленькой.
Что упала-то сережечка забрякала,
Серёжка забрякала.
Моя Машенька Маша всплакала.
Моя Маша всплакала.

1434 (8).

Что не пыль-то ли въ полечкѣ запыляется,
Не туманъ съ неба поднимается?
Запыляется, занимается съ моречка погодушка,—
Поднимаются съ моря гуси сѣрые, летятъ.
Что летятъ-то, летятъ, распросить лебедь хотятъ:
„Гдѣ ты, лебедь, былъ, гдѣ ты, бѣленъкій, побывалъ?“
— Ужъ я былъ-то, побывалъ во всѣхъ нижнихъ городахъ.—
Не гдѣ взялся тутъ, урвался орель штица на кустѣ:
„Ужъ я бить-то я лебедь не бью, распросить тебя хочу,
Гдѣ ты, лебедушка, побывала? гдѣ, бѣлая, побывала?
Вѣрона чёрнаго воронъ спорщикъ крыломъ ровенъ.
Того ты, лебедушка, знаешь али нѣть?
Я не бить-то тебя хочу, распросить обо всемъ, лебедь, хочу.“
Пѣсни 1427—1434 записаны, судя по помѣтѣ („Новг.“), самимъ П. В. К.—имъ отъ кого-либо изъ Любимск. у. въ бытность его, П. В. К., въ Новгородѣ (1834 г.).—Ред.

a) *).

Сидѣлъ молодецъ такой,
Не женатый, холостой,
Держалъ гусли подъ полой.
Ужъ вы гусли, гусли, гуслицы мои!
Запирайте гусли-мысли,

Я вамъ пѣсеньку спою
Про женидьбу свою.
Женидьба, женидьба, женидьбенца моя!
Женила молодца чужа дальна сторона,
Чужа дальна сторона, Макарьевска ярманка.
Вотъ какъ внизъ было по матушкѣ, по Волгѣ
У Макарья въ ярманкѣ, [по рѣкѣ,
Близъ гостинаго двора
У Сафонова купца
Сучинилася бѣда,
Случилося несчастыце:
Не на сто рублей пропало, не на тысячу у
него,
А пропала у него дочь любимая его,
Дочь любимая его, зовутъ Катинькой,
А лицомъ бравинькая.
Вотъ искалъ эту пропажу
По трактирамъ, погребамъ,
По трактирамъ, погребамъ,
По купеческимъ домамъ;
А нашлася эта пропажа
На Машковбмъ на дворѣ,
Въ новой банѣ, на полкѣ;
Ея буйная головушка проломленая,
Ея русая косынька растрепаная,
Миткаlevая рубашечка разорваная,
Ея цвѣтное платьице на стѣнкѣ висить,
А жемчужная цѣпочка на окошкѣ лежить.
А самый тотъ разбойникъ подъ окошкомъ
сидить,
Подъ окошкомъ сидить, самъ въ окошечко
Самъ въ окошечко глядить, [глядить,
Таки рѣчи говорить:
„Не ко мнѣ-ли гости идуть,
Не мене-ли въ гости звать?“
Вотъ какъ звали молодца,
Позывали удальца
Не во пиръ пировать,
Не въ бесѣдушку сидѣть,
А взяли молодца,
Посадили удальца,
Посадили удальца
Во клѣточку за рѣшеточку.

1436 (1).

Вдоль по рѣкѣ, рѣкѣ, по быстрой рѣкѣ
Плыветъ, выплываетъ зеленой садокъ.
Во етимъ во садикѣ, во етомъ зеленомъ моло-
децъ гуляль,
Молодецъ гуляль, самъ кудри чесалъ;
Чесалъ онъ кудри, чесалъ онъ русыя ча-
стымъ грибешкомъ;
Очески кидаетъ, очески бросаетъ во быстру

„Плывити, очески, плывити, русые, по бы-
строй рѣкѣ,
Чтобы васть, очески, чтобы васть, русые, со-
колъ не ноймаль,
Соколь не поймаль, гнѣза не свивалъ,
Гнѣзышко не вилъ, не дѣтей не выводиль;
Чтобы братъ ко братцу въ гости приходиль,
Въ гости приходиль, коня попросилъ:
— Родимой мой братецъ, пожалуй коня,
Пожалуй коня сѣѣздить до села,
Сѣѣздить до села, сватать за себя!—
„Родимый мой братецъ, бери не спрошась,
Бери не спрошась, сватай за себя, тутъ же
за меня.
Промежду насъ, братецъ, промежду, родимой,
Двѣ лютой змѣи.
Двѣ лютой змѣи—всѣ жены наши:
Скорются, бранятся, урекаются.
А намъ съ тобой, братецъ, не честь не
хвала,
Не честь, не хвала, безчестье наше.“

1437 (2).

Вдоль по марю, вдоль по морю синему,
По синему по валистыму
Туть плылъ лебить, туть плылъ лебить съ
либидятками,
Са малыми са дѣтятками.
Ана плыветъ, ана плыветъ, не тряхнется;
Не тряхнется, не тряхнется, не варохнится;
Подъ ней вада, нодъ ней вада не калох-
нется.
Трехнулася, трехнулася, варахнулася,
Падъ ней вода, подъ ней вода всколыхнулася,
Желтымъ пискомъ, желтымъ пискомъ воз-
мутилася.
Гдѣ не взился младъ ясень соколь,
Убиль, ушибль, убиль, ушибль либедушку бѣлаю.
Каму руду, каму руду выпивать будить?
Каму перъи собирать будить?
Пила руду, пила руду бѣла-рыбница,
Брала перъя, брала перъя красна дѣвица-
душа
Милу друшку, милу друшку на падушинку,
Любезнаму, любезнаму возгаловыца.
Туть мима шоль, туть мима шоль добрый
моладецъ:
„Богъ помачь ти, Богъ на помочь, красна
дѣвица!“
Ана ему, ана ему, не скланилася.
Гразиль паринъ, гразиль паринъ красной
дѣвицы:
„Дабро жъ, дѣвка, дабро жъ, дѣвка, дабро жъ
красная,“

Вазьму тибя, вазьму замушь за сибя,
Будиши стаять, будиши стаять у крава-
тушки моей,
Будиши диржать, будиши диржать шелка-
вую плеть въ рукахъ.“
Скора дѣвушка дагадалася,
На калѣнчики, на колѣнки становилася,
Низехонько, низехонько покланилася:
„Прасти, милой, прасти, милой, винавата
предъ табой!

Я думала, я думала, что ни ты, мой другъ,
идешь,
Ни ты идешь, ни ты идешь, низка кла-
нинешься.
Мы сойдимся, мы сойдимся и поклонимся,
Разойдимся, разойдимся, поцалуемся.“

Пѣсни (1436—1437) доставлены А. М. Тургеневымъ.—Поэта П. В. К.

6) г. Москва.

1438.

Вы птички голосисты,
Перестаньте воспѣвать!
Пусть въ рощахъ раздаются
Плачевныя слова,
Ручьями слезы льются
И стонуть древа.
Ты здѣсь ли, моя отрада,
Любезный пастушёкъ?
Я здѣсь съ тобой свыкалась,
И часто наслаждалася
Отъ самыхъ лѣтъ малыхъ.
Какъ здѣсь ли мое стадо
На крутомъ берегу
На зеленомъ лугу
Отрада вся моя!
Какъ солнышко спустилось
И стало за горой,
Всё поле окропило
Вечернею зарей.

Записана отъ раскольницы на Воронцовомъ
полѣ.—П. В. К.

1439 (1).

Вы, охотники, вставайте,
Лошадей, братцы, сѣдлайте:
Всё готово; но ступай
Въ тѣ отъемныя мѣстечки,
Гдѣ есть ѡзимы, лужечки—
Тутъ бывали русачки,
Снимай съ гончихъ тутъ смычкѣ!
Ахъ уахъ, уахъ!
А-ату ево, ату!
Ужъ какъ, Пальма, раскатись,
А Троянъ, его перъхвати,
А Дивялъ, его возьмій,
По другимъ его начий!
Ахъ ату ево, ату!

1440 (2).

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не шатайте моей кроватушки,
Не будите вы друга милаго.
Я сама пойду, друга разбужу:
„Ты вставай, вставай, миль сердечный другъ!
Всѣ охотнички на коняхъ сидѣть,
Ужъ какъ гончихъ на смычкахъ держать,
Тебѣ, сударь, голось подаютъ.“

1441 (3).

Миновалась наша волюшка,
Всё гулянчице молодецкое.
Живучій съ другомъ я разсталася,
Легче бъ я съ другомъ не свыкалася:
Меныше бъ горя, тоски и кручинушки
И тяжёлого воздыханьца,
Мого слезнаго взорыданьца.
Я среди двора друга встрѣтила,
За бѣлы руки друга приняла,
Во слезахъ другу слово молвила:
„Перестань, милый, ты ко мнѣ ходить,
Ты ко мнѣ ходить и меня любить;
Не провѣдалъ бы отецъ съ матерью,
Отецъ съ матерью, весь и родъ племя!“

1442 (4).

Какъ по сѣнямъ было сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшѣтчатымъ
Что ходила-погуливала красная дѣвица,
И будила-побуживала
Удалаго добра мѣлодца:
„Встань, просніся, молодѣцъ:
Отвязался твой добрый конь
Отъ того столба дубоваго,
Отъ колечушка серебрянаго
И другаго позолоченаго,

Что ворвáлся твой добрый конь
Во той-ли во зелéный садъ;
Всёё травушку принялъ, притопталъ
И лазоревы цвéточки посорвáль".
— Ты не плачь, не плачь, красна дёвица!
Когда Богъ насть помилуетъ,
Государь царь пожалуетъ,
Наживёмъ съ тобой зелéный садъ
Со калиною, со малиною,
Съ чёрной ягодой смородиной.

Пéсни 1439—42 записаны 7 окт. 1834 г., пови-
димому, самимъ П. В. К—имъ.—Ред.

1443 (1).

Мужикъ пашенку пахаль,
Самъ на солнышко глядéль:
О, охъ, о, охъ, охонюшки мои!
„Я еще попашу, я еще погляжу,
О охъ, и пр.
Ужъ какъ все добрыя жены мужьямъ ёсть
О, охъ; и пр. [принесли,
А моя к...а жена мнé обéдатъ не несётъ!
О, охъ, и пр.
И я выпрыгу кобылушки, поéду самъ домой,
О, охъ, и пр.
Заверну я во льсокъ и я вырублю лозу на
О, охъ, и пр. [свою к...у жену."
Подъезжаетъ ко двору, жена ходить по двору.
О, охъ, и пр.,
Ужъ и я брошу лозу, поцéлую я жену:
О, охъ, и пр.
„Ужъ и гдѣ жена была, гдѣ, боярыня, была?"
О, охъ, и пр.
— Я была, сударь, была, во царевомъ ка-
О, охъ, и пр. [бакѣ.—
„Ужъ и что, жена, пила, что, сударыня,
О, охъ, и пр. [пила?"
— Я пила, сударь, пила, я и пиво и вино,
О, охъ, и пр.
Я и пиво и вино, еще сладенький медокъ.—
О, охъ, и пр.
„Про ково жена пила, про ково, боярыня,
О, охъ, и пр. [пила?"
— Про тебя, сударь, пила, про тебя и про
О, охъ, и пр. [себя,
Еще про милова про дружка.—
О, охъ, и пр.
„Ужъ спасибо те, жена, не забыла ты меня."
О, охъ, и пр.
— Ужъ и какъ тебя забыть, но могу тебя
О, охъ, и пр. [избыть,
Ужъ и ты ли у меня, словно чирей на боку,
О, охъ, и пр.

Словно чирей на боку и бёльмо-то на глазу.—
О, охъ, и пр.
Ужъ какъ мужъ жену любиль, больно ще-
О, охъ, и пр. [четко водилъ
По морозу босикомъ, по крапивѣ натиномъ.
О, охъ, и пр.
А жена мужа любила, въ тюрьмѣ мѣстечко
О, охъ и пр. [купила,
Въ тюрьмѣ мѣстечко купила, уголочикъ на-
О, охъ, и пр. [няла:
„Вотъ тѣ, муженёкъ, ненанятой уголокъ;
О, охъ, и пр.
Не толки ты, не мели, только ручку протяни,
О, охъ, и пр.
Только ручку протяни и Христа воспомяни."
О, охъ, и пр.

1444 (2).

Молодая полячинька дитё родила,
Породивши, мало дитё въ рѣку бросила.
Рыболовщики рыболовили,
Дитё поймали.
Понесли это дитё въ хату свою,
Спеленали это дитё во пелёнычки,
Совивали это дитё во свивальнички,
Понесли это дитё ко пану своему.
Ужъ велѣль-та панъ велѣль полячинькамъ
притить.
Ужъ всѣ-то полячиньки идутъ, вѣночки не-
суть,
Одна-то полячинька идетъ, вѣника не несётъ,
За ней идеть старая мать, горьконочко пла-
четъ,
Идетъ молодая полячинька, да оглядяется:
„Не плачь, не плачь, старая мать!
Не посыпать было меня, мати, по вино,
И это вино къ тому привело."

Пéсни 1443—1444 записаны отъ Московской
мѣщанки З. Д. Л.—Прии. П. В. К.

1445 (1).

Какъ и взговорить Фёдоръ:
„Истоци-то, Марья, баню
И нагрѣй воды теплѣ!
Ты пойдемъ-ко, Марья, со мною!"
Какъ пришла Марья въ банию,
Ужъ какъ взговорить Фёдоръ:
„Ты скидай, Марья, рубашку!"
Буйну голову подъ лавку,
Бѣлы ручки подъ полочикъ,
Рѣзвы ножки подъ порожикъ,
Бѣло тѣло на полочикъ.
Какъ пришёлъ Фёдоръ изъ бани,

Онь и сталъ дитя качати:
 „Ты баю, баю, дитятко!
 Баю, милая сиротка!
 У тебя мамы нѣту,
 У меня Марьи нѣту!“
 Покликалъ къ себѣ двѣ гости,
 Да двѣ гости Федосы;
 Ужъ какъ взговорить Фёдоръ:
 „Вы подите за меня замужъ!“
 Ужъ какъ взговорять двѣ гости,
 Да двѣ гости Федосы:
 „Нѣть, нейдёмъ мы за тебя замужъ!
 И надъ нами тожъ будеть,
 Что надъ Марьею надъ твою!“
 Ужъ покликали его на сѣни,
 Ужъ и болыно его сѣкли,
 Шесть недѣль сокомъ поили.

1446 (2).

Какъ во городѣ во Киевѣ
 Жила была молода вдова;
 У ней было девять сыновъ,
 Девять сыновъ, дочь десятая.
 Сестру братья возлѣяли,
 Возлѣявши, сами гулять пошли.
 Безъ нихъ мати замужъ выдала
 За того-ли за морянина,
 За хорошаго за барянина.
 Она годъ живеть и два живеть,
 На третій годъ стосковалася.
 Она стала просить того морянина,
 Хорошаго барянина:
 „Мы поѣдемъ съ тобой къ матушкѣ!“
 Они день ъдуть и другой ъдуть,
 На третій день становилися:
 Напали на нихъ злы разбойнички,
 Морянина въ море бросили,
 А морянушку во полонъ взяли.
 Они стали у неё высپрашивать:
 „Ты скажи, скажи, морянушка,
 Котораго ты города?“
 — Я города, сударь, Киева.
 Жила-была молода вдова;
 У ней было девять сыновъ,
 А я десятая.
 Меня братья возлѣяли,
 Возлѣявши, сами гулять пошли;
 Безъ нихъ мати меня замужъ выдала
 За того-ли за морянина.—
 „Ты сестра, сестра наша милая!
 Ты не сказывай нашей матушкѣ,
 Что мы бросили зятя миаго,
 А тебя, сестра милая, во полонъ взяли!“

1447 (3).

На степи-то, степи на Саратовской
 Протекала тутъ мать Сурѣ рѣка,
 На Сурѣ рѣкѣ лѣгка лодочка.
 Ты взойди, взойди, солнце красное,
 Обогрѣй, солнце, добрыхъ молодцевъ,
 Добрыхъ молодцевъ, воровъ разбойниковъ!
 Назади сидѣть атаманъ съ ружьемъ,
 На кормѣ сидѣть ясауль съ багромъ,
 Середи лодочки красна дѣвица;
 Она плачетъ, что рѣка лѣтѣся,
 Горючій слёзы, что волны боятся.
 Атаманъ дѣвку уговаривалъ:
 „Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица!
 „Ты бери себѣ золотой казны,
 „Сколько тебѣ надобно,
 „Надѣвай на себя платья цвѣтнаго!“
 — Ты голубчикъ мой, атаманъ большой!
 Мне не надобно твоего платья цвѣтнаго,
 Не хочу твоей золотой казны!
 Ты зачѣмъ увѣзъ изъ моей стороны,
 Разлучилъ меня съ отцомъ съ матерью,
 Съ отцомъ, съ матерью, съ рдомъ-пле-
 менемъ!

Пѣсни (1445—1447) записаны отъ Москв. мѣн. Татьяны Андреевой.—Прилѣп. П. В. К.

1448 (1).

За любовь-то жена мужа во садѣ повела,
 За совѣтъ жена мужа въ саду потеряла,
 На любимой ия яблонѣкѣ въ саду повѣсила.
 Онь висить, качается,
 Ужъ тутъ-то она сама образумилася:
 „Ты слезай-ка, мужъ, долой,
 Миль сердечный другъ, пойдемъ домой!“
 Во холдный, во студѣный погребъ бросила.
 Пріѣзжали къ ней два деверя,
 Ужъ какъ два ясны сокола:
 „Ты невѣстка-ль, невѣстушка,
 Сноха наша, бѣла голубушка!
 Да и гдѣ же нашъ большой братъ?“
 — Деверя ль мои, деверя!
 Ужъ вы два ясны сокола!
 Ужъ пошѣль-та вашъ большой-атъ братъ
 Во темные лѣса гулять,
 Ужъ во тѣ ли во дремучie
 Онъ куница, лисица стрѣльть,
 Ужъ тѣхъ ли черныхъ соболевъ.—
 „Ты, невѣстка, невѣстушка!
 Сноха, бѣла голубушка!
 Да и гдѣ же нашъ большой братъ?
 Мы сейчасъ только изъ лѣсу,
 Не видали брата большаго.“

— Деверья мои, деверья!
 Ужь вы мои два ясные сокола!
 Какъ поѣхаль-ать вашъ большій братъ
 Къ Макарью на ярманку,
 Со куницами, со лисицами,
 Ужь со тѣми со чёрными соболями.—
 „Ты, невѣстка, невѣстушка!
 Сноха, бѣла наша голубушка!
 Да и гдѣ жъ нашъ большой братъ?
 Мы сейчасъ только съ ярманки,
 Мы тонерь-то со Макарьевской,
 Не видали брата большаго.“
 — Деверья мои, деверья!
 Ужь какъ два ясные сокола!
 Какъ пошелъ-та большой братъ
 Во зеленый садъ гулять.—
 „Ты невѣстка, невѣстушка!
 Ужь и иѣть въ саду нашего брата большаго.
 Ты невѣстка, невѣстушка!
 Сноха, бѣла наша голубушка!
 Да и что у тебя за саду за рудица?“
 — Деверья мои, деверья!
 Ужь какъ два ясные сокола!
 Бѣлую рыбину я чистила,
 Во садъ руду вылила.—
 Ты невѣстка, невѣстушка!
 Сноха, бѣла наша голубушка!
 Покажи намъ бѣлую рыбину.“
 Деверья, мои деверья!—
 Ужь какъ два ясные сокола!
 Я отъ погреба ключи потеряла.—
 „Ты невѣстка, невѣстушка!
 Сноха, бѣла наша голубушка!
 Приведѣмъ мы слесаря,
 Приберѣмъ ключъ къ погребу.“
 — Деверья мои, деверья!
 Ужь какъ два ясны мои сокола!
 Вы берите саблю вострую,
 Вы рубите мою голову:
 Потеряла я вашего брата большева,
 А своего друга любезнаго.

1449 (2).

У Ивля Ивлевича было семь дочерей,
 Осьмая падчерица.
 Сказана служба царская,
 Царская государская:
 У кого сынъ, тотъ и сына снаряжай,
 У кого дочь, тотъ и самъ поѣзжай.
 Скажеть тутъ Ивлей Ивлевичъ:
 — „Дѣти-ль, дѣти миля!“
 Сказана мнѣ служба царская государская:
 У кого сынъ, тотъ и сына снаряжай,
 У кого дочь, тотъ и самъ поѣзжай.

А у меня вѣсъ семь дочерей,
 Семь дочерей, осьмая падчерица.“
 Скажеть тутъ, молвить большая-то дочь,
 Средняя дочь молвить: „я за него!“
 Меньшая-то дочь молвить:
 „Батюшка сударь!
 Спѣй же мнѣ, батюшка, камзолъ да штаны,
 Камзолъ да штаны, со манерами сапоги,
 Купи же мнѣ, батюшка, черную шляпу со
 Перчаточки съ серебромъ. [перомъ,
 Дай же мнѣ, батюшка, доброго коня,
 Во правую руку саблю вострую.
 Поѣду я, батюшка, на вой воевать.
 Стану я батюшки по праву сторону,
 Стану воевать и я, бодро постуپать.“
 Царь-государь похаживаетъ,
 Съ своими съ генералами разговариваетъ:
 „Чѣо это дитѣ хорошо снаряжено,
 Отдалъ бы я отдалъ дочь за него.
 Много бы за дочерью приданаго далъ:
 Семь городовъ съ половиною.
 Семь сёль съ половиною.“
 — Это дитѣ Ивля Ивлевича.
 У Ивля Ивлевича семь дочерей,
 Осьмая падчерица.—
 „Держите, ловите, хватайте её!“

1450 (3).

На синемъ-то морѣ на Верейскомъ
 Молодой матросъ корабли снастиль
 Объ двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 Ужь тѣхъ ли полотняныхъ.
 Выходила тутъ красная дѣвица
 Съ кубцемъ по-воду,
 Понеринула кубецъ поставила,
 Что поставимши призадумалась:
 Призадумавшись, слово молвила:
 „Ой же ты, молодой матросъ,
 Ты зачѣмъ рано корабли снастиль
 Объ двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 Ужь тѣхъ ли полотняныхъ?“
 — Ты душа-ли, красна дѣвица!
 Не своей я волей, не охотой,
 По указу-то я государеву,
 По приказу-то командерову.—
 Какъ пришла ли красна дѣвица
 Домой, занемоглась:
 „Ты родимый, родной батюшка,
 Государыня матушка!
 Приведите вы мнѣ отца духовнаго.“
 Ко бѣлу свѣту красная переставилась.
 Какъ наперѣдъ-то несуть красную дѣвицу,
 За ней идѣть отецъ и мать,
 Позади идѣть молодой матросъ:

„Ты душа-ль, красна дѣвица,
Ты отдан мой золотъ перстень,
Ты возьми свой тальянскій платокъ!“
Что подъ камушкомъ подъ горючимъ
Не огонь горитъ, не вода кипитъ,
Что горитъ то сердце молодецкое,
Кипитъ то сердце матросское:
„Я пойду съ горя на конюшій дворъ,
Я возьму коня, что ни лучшаго,
Я поѣду во чисто поле,
Во чисто поле къ красной дѣвицѣ.
Раступися ты, мать сыра земля,
Расколися ты, гробова доска,
Встань, проснись, красна дѣвица,
Иль прими меня къ себѣ молодца!“

1451 (4).

Мимо садику, мимо винограднаго, аихъ 2
Мимо винограднаго.
Пролеталъ соловей, пролеталъ молодой, аихъ 2
Пролеталъ молодой.
Позади его канареичка, да молоденька: аихъ 2
Да молоденька.
„Воротись, соловей, воротись, молодой! аихъ 2
Воротись, молодой.
Безъ тебя въ саду все не весело, аихъ 2
Да невесело.
Ужъ всѣ пташечки пріунывѣ сидять, аихъ 2
Пріунывѣ сидять.
Всѣ касаточки призадумавши, аихъ 2
Призадумавши.“
Мимо терема, да высокаго, аихъ 2
Да высокаго.
Прѣѣжалъ тута миль, сердечный другъ, аихъ 2
Миль, сердечный другъ.
Позади ево красная дѣвица: аихъ 2
Красная дѣвица.
„Воротись, мой миленький, аихъ 2
Мой миленький.
Воротись, миль, сердечный другъ! аихъ 2
Миль, сердечный другъ.
Безъ тебя въ терему все не весело, аихъ 2
Все не весело.
Ужъ всѣ дѣвушки пріунывѣ сидять, аихъ 2
Пріунывѣ сидять.
Молодыи тутъ призадумались, аихъ 2
Призадумались.“

1452 (5).

Спится мнѣ, младѣшенькѣ, дремлется, 2
Клонить мою головушку на подушку спать. 2
Лютый свѣкоръ по сѣнюшкамъ похаживаетъ, 2

Лютый-атъ по новымъ погуливаетъ, 2.
Стучитъ, гремитъ, снохѣ спать не даѣтъ: 2
„Встань, сонливая, дремливая, неурядливая!“ 2
Спится мнѣ, младѣшенькѣ, дремлется, 2
Клонить мою головушку на подушку спать. 2
Лютая свекровушка по сѣнюшкамъ похаживаетъ, 2
Лютая по новымъ погуливаетъ, 2
Стучитъ, гремитъ, снохѣ спать не даѣтъ: 2
„Встань, сонливая, дремливая, неурядливая!“ 2
Спится мнѣ младешенькѣ, дремлется, 2
Клонить мою головушку на подушку спать. 2
Милый другъ по сѣнюшкамъ похаживаетъ, 2
Милый другъ по новымъ погуливаетъ, 2
Тихохонько, легохонько по новымъ сѣнямъ
прошолъ: 2
„Спи, моя хорошая, спи, моя пригожая!“ 2
Зажурена, забранена, молодыи въ люди взята,
Къ чужому къ отцу, къ чужой матери,
Къ чужому роду-племени.

1453 (6).

Лучина ль, лучинушка березовая!
Что жъ ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была?
— Была я въ печи вчерашиней ночи.
Лютая свекровушка водой залила.—
Подружки, голубушки, гасите огонь,
Гасите огонь, ложитесь спать,
Ложитесь спать: вамъ нѣкого ждать,
А мнѣ, младѣшенькѣ, всеё ночь не спать,
Кровать убирать, постельюшку стлать,
Постельюшку стлать, милая дружка ждать.
Первый сонъ заснула—пѣтухи поютъ,
Другой сонъ заснула—заря занималась,
Третій сонъ заснула—заря бѣлый день.
По той-ли по зорюшкѣ мой миленький идетъ;
Соболя на немъ шуба пошумливаетъ,
Козловыи сапожки поскрипываютъ,
Онь чёрными кудрями потряхиваетъ.
„Что же ты, мой миленький, вечёръ долго
не бывалъ?“
— Затѣмъ-засѣмъ, дѣвица, позамѣшился,
Съ худою женою побранка была.
Браница тебя, другъ, и меня.
Тебя красну дѣвицу сукой, бл...ю назвала,
А меня доброго молодца борзымъ кобелемъ.
Я биль ее, бестію, чутъ живу на свѣтѣ
пустиль.—
Ужъ тутъ красная дѣвица насыпалася въ
глаза:

„Не бей, не бей, младецъ, свою глупую жену:
Съ худою-то женою тебѣ вѣкъ вѣковать,
Со мной, съ красной дѣвицей, одинъ часъ
часовать.“

1454 (7).

Вечѣръ дѣвки пиво варили.
Пришелъ къ дѣвкамъ незваный гость;
Стали дѣвки перешептываться:
„Ахъ! чѣмъ-то намъ гости потчивати?“
Одна въ щёку, другая за волосы,
Черезъ скамью за сѣдую бороду,
По гореньку словно вѣничкомъ метутъ,
А по сѣнямъ-то метелочкой,
А по двору словно сани волокутъ,
Подъ воротенку борзыимъ кобелемъ,
А по улицѣ словно шарикомъ катятъ,
А по полю большимъ зайцемъ
А по лѣсу-то сѣрымъ волкомъ.
Пришелъ домой, не ухвалится:
„Не дай, Боже, во дѣвичій циркъ ходить!“
Дѣвичій циркъ пересмѣшилъ быль.

1455 (8).

Проторилъ Ваня дорожку
Черезъ рѣченку на горку,
Ко Ульяшиному подворью.
И онъ стукъ, да стукъ въ окошко:
„Дома-ли Улинъка, Уляша?
Дома-ли милая подружка?
Отвори, Уля, окошко!“
— Охъ, ты Ванюшка, Ванюша!
Мнѣ нельзя тебѣ открыть окошко:
Какъ у батюшки мово гости,
А у матушки—старушки,
А у меня младой все подружки.
У воротъ стоять робята,
Хотять тебя, Ванюшку, поймати,
Ручки, ноженки сковати,
И въ солдатушки отдати.—
„Не плачь, Улинъка, Уляша,
Не плачь, милая подружка!
Я живой въ руки не дамся,
Я хозяина повыжду,
А домъ его весь повыжгу,
А самъ пойду вдоль по Волгѣ
И тебя возьму, Улю, съ собою,
Да Паранюшку другую.
Я сострою вамъ высокъ теремъ,
И я буду къ вамъ въ гости ходити,
Я подарочки носити:
Я Паранюшку пукету,
А тебѣ, Уля, грезету.“

1456 (9).

У вдовушки у вдовы
Было девять сыновъ,
А дочь была у ней десятая.
Ее братья возлелеили,
Одинъ съ рукъ, другой на руки.
Возлелеемши, за мужъ отдали
Далекъ за боярина,
За того-ль за богатаго.
Ровно она у матушки
Три года не была;
Они нажили сына дворянчика.
На четвертый годъ она стосковалася,
И она стала просить свою друга милова:
„Ты пойдемъ, миль сердечный другъ,
Ко своей тещѣ, ко моей матушки,
А марянушка къ родной бабушкѣ;
Ты къ шурьямъ, а я къ братцамъ,
А марянушка къ роднымъ дядюшкамъ.“
Ея-то другу не хотѣлося,
Онъ велѣлъ закладывать карету,
Карету, вороныхъ коней,
И велѣлъ приготавливать вѣрхнимъ слугамъ,
Поѣхали въ путь-дороженьку.
И день ъдуть и другой ъдуть,
На третій день становилися,
Въ темныемъ лѣсу, во дремучемъ.
Напали на нихъ злы разбойнички,
Погубили друга милова,
А марянушку въ море бросили,
Молоду вдову, боярыню, въ полонъ взяли.
Ужъ всѣ-то разбойники спать легли,
Ужъ одинъ-то разбойникъ не спить, не
лежить,
На молодую вдову все глядѣть,
Онъ глядѣть и высپрашиваетъ:
„Ты скажи, молодая вдова, боярыня!
Ты какого роду-племени?“
— И я роду-та купеческаго,
А племени-та духовнаго.
Было у моей матушки девять сыновъ,
А дочь я у ней была десятая.
Меня братья возлелеили,
Одинъ съ рукъ, другой на руки.
Возлелеемши за мужъ отдали,
За богатаго за боярина.
И ровно я у матушки
Три года не была,
На четвертый годъ стосковалася.
Ужъ мы нажили сына марянчика,
Ужъ просила я друга милаго:
Ты пойдемъ-ка, миль, сердечный другъ,
Ко своей тещѣ, ко моей родимой матушки,
А марянушка къ родной бабушкѣ,

Ты къ шурьямъ, а я къ братцамъ,
А марянушка къ роднымъ дядюшкамъ.
Моему-то другу не хотѣлося.
Онь велѣль закладывать каретушку,
Каретушку вороныхъ коней,
Вѣрнѣмъ слугамъ готовиться.
И мы поѣхали въ дороженьку.
И мы день ъхали и другой ъхали,
На третій день мы становилися
Во темномъ лѣсу, во дремучемъ.
Вы напали на насъ, злы разбойники,
Погубили вы мово друга милаго,
А дитѣ-ль мое, дитятку въ море бросили,
А меня-ль молоду вдову во полонъ взяли.—
Ужъ закричить тутъ разбойникъ громкимъ
голосомъ:

„Вы вставайте, мои братья меньшіе!
Мы не боярина погубили,
Погубили свою зятя милаго,
Не марянчика мы въ море бросили,
Бросили мы свою роднова племянничка,
Не молоду вдову боярыню въ полонъ взяли,
А мы взяли родную сестру.“
Ужъ какъ стали ее братья цѣловать, мило-
ватель:

„Ты не плачь, наша родимая сестрица!
Ужъ на первой-та встрѣтѣ намъ встрѣлась.
У насъ есть такая примѣтушка:
Никому-то въ первой встрѣтѣ спуску нѣть.
Ни отцу, ни матери,
Ни всему роду-племени.
Мы сберемъ-то тѣло зятнино,
Похоронимъ его съ честію, со славою,
А тебя отдадимъ замужъ не за боярина,
А за тово ли за князя за славнаго.
И топеря отвеземъ тебя къ родной матушкѣ.“

1457 (10).

Корчма, ты корчма Польская, королевская!
Стоишь ты, корчма, на крутої горѣ на всей
красотѣ;
У во той корчмѣ шинкарка сидитъ,
Шинкуетъ шинкарочку пивомъ и виномъ
И сладкімъ медомъ.
Приходили къ шинкарочкѣ три молодца пить:
Полякъ, да казакъ, да третій хомякъ.
Полякъ вино пиль, червонцы платить,
Хомякъ вино пиль, монеты платиль,
Козакъ вино пиль, денегъ не платиль,
Шинкарку маниль:
„Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихій
У насъ на Дону не по вашему: [Донъ.
Не ткуть, не прядутъ, мѣдъ, горѣлку пьютъ.“
Сдалася шинкарочка на его слова,

Поѣхала шинкарочка съ казакомъ на Донъ
Завѣль казакъ шинкарочку во тѣмный во лѣсъ,
Привязаль шинкарочку ко сухой сосѣѣ,
Зажегъ казакъ сосенку съ маковки до земли.
Сосенка горить, шинкарка кричитъ.
На ту пору ъхали Московскіе купцы:
Постой-ка, братцы, что въ лѣсу за крикъ?
Сосенка горить, шинкарка кричитъ,
Возмолялася шинкарка Московскімъ куп-
цамъ:
„Охъ! вы гой еси Московскіе купцы!
Отвяжите меня, дѣвушку, отъ сухой сосны.“

1458 (11).

Ужъ какъ мѣсяцъ вдоль по улицѣ свѣтиль,
Заря бѣлый день въ окошечко взошель.
Ко мнѣ милая сама въ гости пришла,
Всѣ утѣхи, всѣ забавы принесла;
Въ окошечко бѣлы ручки подала,
А другою увѣряла молодца:
„Ахъ ты миленкій, красавчикъ дорогой,
Разстаюся я на вѣки съ тобой!
Намъ не долго во любви съ тобой пожить:
Хочетъ батюшка тебя скоро женить,
А меня дѣвицу хотятъ скоро замужъ отдать.“

1549 (12).

Еще горе-то навязалось,
На меня молодца накачалось.
Куды мнѣ отъ горя дѣватися?
И я отъ горя въ міръ пошелъ,
А горе-то за мной суму волочѣтъ.
Еще горе-то навязалось,
Горькое-то накачалось.
Куды отъ горя мнѣ дѣватися?
И я отъ горя въ монастырь пошелъ,
А горе-то за мною черную рясу несетъ.
Еще горе то навязалось,
А горькое-то накачалось.
И я отъ горя въ темный лѣсъ гулять пошелъ,
А горе-то за мною звѣремъ бѣжитъ.
Еще горе-то навязалось,
А горькое-то накачалось.
И я отъ горя и я въ колоду легъ,
А горе то за мною крышку несетъ.
Горе навязалось,
А горькое-то накачалось.
И я отъ горя и я въ яму легъ,
А горе-то за мной съ лопатой идетъ.
Еще горе-то насыпалось:
„Хорошо я молодца упрятала,
Я въ могилушку его спрятала.“

1460 (13).

Пришелъ злой часъ,
Мнѣ слезы лить по васъ.
Злой часъ слезми наполнится,
Сердце кровью обольется.
Ахъ, дѣвица, красавица!
Тебя я любилъ, счастливый былъ,
Любить не сталъ—
Несчастливъ сталъ.
Прости, прощай, хорошая!
Я былъ въ гостяхъ танцеръ у васъ,
Въ послѣдній разъ.
Ахти! горе великое,
Тоска, печаль несносная!
Куда бѣжать тоску дѣвать?
Въ лѣса бѣжать, кусты пусты.
Ахти! горе великое,
Тоска, печаль несносная!
Куда бѣжать тоску дѣвать?
Пойду млада въ чисто поле,
Въ чистомъ полѣ трава вянеть,
Трава вянеть, цвѣты блекнутъ
Безъ милаго сердечнаго.
Куда бѣжать, тоску дѣвать?
Пойду млада въ зеленый садъ,
Въ зеленомъ саду трава растеть,
Трава растеть, цвѣты цвѣтуть.
Сорву млада съ травы цвѣтокъ,
Совью млада себѣ вѣнокъ
Милу дружку на головушку.
Пойду млада я на рѣченку,
Шущу вѣнокъ посвѣрхъ воды:
Плыви, вѣнокъ, въ каменну Москву,
Ко милу дружку, на головушку.
Носи, миль, вѣнокъ, не скидавай,
Терпи горе, не рассказывай.

1461 (14).

Не шумите вы, буйные вѣтры,
Не качайтѣ вы грушицу зелену,
Яблоню кудряву.
Не мѣшайте мнѣ, младенкѣ, въ саду погу-
ляти,
Мнѣ лазоревыхъ цвѣточковъ посыпави,
Поколь батюшка сударь замужъ не выдалъ
За того ль за дѣтину за невѣжку.
Во кобакъ идетъ невѣжа, скакать, пляшеть,
Съ кобака идетъ невѣжа, свищеть, гаркаетъ:
„Еще дома ли жена, жена молодая,
Отпирала бы широкія ворота!“
Ужъ и я ли, молоденька, была тороплива,
Я скорѣшенько съ постелюшки вставала,
На босу ножку башмачки надѣвала,

Я къ широкимъ воротамъ бѣжала,
Я покрѣпче вороты запирала:
Вотъ тебѣ, невѣжа, мягкая перина,
Мягкая перина—бѣленькій снѣжечекъ,
Вотъ тебѣ высокое взголовье—подворотня,
Вотъ тебѣ одѣяло соболье—частыя звѣзды!
Каково тебѣ, невѣжа, спать за воротами,
Таково то мнѣ, младенченькѣ, жить за тобою.

1462 (15).

Не вѣгла мнѣ матушка
Мнѣ бѣлиться, румяниться,
На чернѣ брови сурмити,
Въ цвѣтное платье рядитися,
Въ холостую горницу хаживать,
Въ холостую, женатую,
Съ холостыми рѣчъ говоривать,
Съ холостыми и съ женатыми.
Я не слушалась матушки,
Я бѣлилась, румянилась,
На чернѣ брови сурмила,
Въ цвѣтное платье рядилася,
Въ холостую горницу хаживала,
Въ холостую, женатую,
Съ холостыми рѣчъ говоривала,
Съ холостыми и съ женатыми.
Обманулы меня молодецъ,
Обманулы разкональскій (sic) сынъ:
Онъ сказалъ, что нѣть отца, матери,
Ужъ какъ нѣть молодой жены,
Молодой жены съ дѣтушками.
Ужъ какъ я ль, красна дѣвушка,
На его слова прельстилася,
Съ вихбремъ думу думала,
Съ вихбремъ я разгадывала.
Онъ повезъ на свою сторону,
На дорогѣ всю правду сказалъ,
Всю правду, всю истинную:
„Не пугайся, красна дѣвица,
Не пугайся, дочь отецкай!
Я хочу тебѣ всю правду сказать,
Всю правду, всю истинную:
У меня есть и отецъ и мать,
У меня есть молодая жена,
Молода жена съ дѣтушками.“
Залилась я, красна дѣвушка,
Я своими горючими слезами,
Во слезахъ слово молвила:
„Ты удалый добрый молодецъ,
Ты зачѣмъ же меня обманывалъ?
Мою молодость подговаривалъ?“
Онъ привѣзъ на свою сторону.
Какъ встрѣчаетъ его и отецъ и мать,
Какъ встрѣчаетъ молода жена съ дѣтушками.

„Ты родимый родной батюшка!
Я привезъ въмъ вѣковую работницу,
А тебѣ, родна матушка,
Вѣковую перемѣньщицу,
А тебѣ молодая жена,
Вѣковую постельницу,
А вамъ, малымъ дѣтушкамъ,
Вѣковая вамъ нянюшка,
А себѣ, добру молодцу,
Вѣковую разувальницу.“
Залилась красна дѣвушка
Своими горючыми слезами,
Во слезахъ слова молвила:
„Ты не смѣйся, добрый молодецъ!
Я отцу твоему не работница,
А матери не перемѣньщица,
А женѣ твоей не постельница,
А дѣтямъ твоимъ не нянюшка.
Ты удалый добрый молодецъ!
И ты дай мнѣ вѣдры дубовыя,
И я пойду на Дунай рѣку.
На Дунай рѣку по воду.“
Почерпнула вѣдры, поставила,
На всѣ стороны помолилася,
Съ отцемъ, съ матерью простила:
„Ты прости, мой родной батюшка,
Ты еще прости, государыня матушка,
Еще прощай, добрый молодецъ.“
Ужъ въ первѣй-то она взошла
По свой шелковъ поясъ,
А въ другой-ать она взошла
По свои могучи плеча,
А ужъ въ третій-та она взошла
По свою буйну голову.
Увидаль добрый молодецъ
Со высокаго терема,
Со косящаго окочечка,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
„Не топись, красна дѣвица,
Не топись, дочь отецкай!
Отвезу тебя на твою сторону,
Къ твоему ли къ отцу, къ матери,
Къ твоему поду-цлемени.“

1463 (16).

Ивушка, ивушка, ракитовый кустокъ!
Что же ты, ивушка, не зёлена стоишь?
— Какъ же мы, ивушкъ, зеленою быть?
Сверху меня, ивушку, частымъ дождикомъ
съчтеть,
Частымъ дождикомъ съчтеть, солнышкомъ
печтеть,
Подъ корешокъ ключева вода течтеть.
Ѣхали бояре изъ Новагорода,

Срубили ившку подъ самъй корешёкъ,
Дѣлали изъ ивушки два весла, третью ло-
Посадили красну дѣвицу душу, [дочку,
Сѣли, поѣхали гулять.
Дѣвица, дѣвица, что невесела сидишь?
— Какъ же мнѣ, дѣвицѣ, веселой быть?
Батюшкѣ съ матушкой неправдой живутъ:
Меньшую сестру прежде замужъ отдаютъ;
Меньшая сестра чѣмъ же лучше меня?
Ни ткать, ни прасть, ни початочки мотать,
Только по воду ходить, дубовыѣ вѣдры катить.
Пѣсни 1447—63 записаны (П. В. Кимъ?—Ред. *)
у семидесятилѣтняго Моск. мѣщанина. — Прим.

1464 (1)

Во саду дѣвки гуляли,
Во саду красныя гуляли
Калина, малина!
И цѣѣтки сорывали,
И вѣнки совивали.
Калина, малина!
Они сами загадали,
Въ быстру рѣку кидали:
Калина, малина!
Кто вѣночкъ поймаеть,
За того замужъ выду.
Калина, малина!
Гдѣ ни взялся молодчикъ
Изъ Сурбскаго ряду;
Калина, малина!
Онъ въ коришиневой бекешѣ
И въ пуховой-то шляпѣ,
Калина, малина!
Въ полотняной сорочкѣ,
Въ шитой жалеткѣ,
Калина, малина!
Онъ въ козловыхъ сапожкахъ
Въ бумажныхъ чулочкахъ;
Калина, малина!
Разувался, раздѣвался,
Въ быстру рѣку кидался;
Калина, малина!
Вѣнокъ упливаетъ,
Молодецъ потошаеть;
Калина, малина!
Вѣнокъ-то повернулся,
Молодецъ захлебнулся.
Калина, малина!
Охти! согрѣшила,
Молодца потопила,
Калина, малина!
А себѣ не получила
И людямъ не вручила.
Калина, малина!

1465 (2).

Продай, мужъ, кобылку съ коровушкою,
Ой-ли, ой-ли, лёли, и пр. *)

Купи, мужъ, кокошникъ косой, золотой,
Купи, мужъ, ожерелье жемчужинъкое,
Купи, мужъ, душегрѣйку парчевинъкую,
Купи, мужъ, шубку штафнинъкую,
Купи, мужъ, сорочку кисейнинъкую,
Купи, мужъ, серёжки стразовыя,
Купи, мужъ, башмачки матеревыя,
Купи, мужъ, чулочки ты шелковыя.

— Пођемъ-ка жена да въ лѣсь по дрова,
Да въ лѣсь по дрова берёзовыя **)—

Наклаль возъ великъ, поїхалъ, въ цѣликъ
И самъ-то сидить, прихлыстываетъ,
Прихлыстываетъ, присвистываетъ,
Къ воротамъ подъѣзжаетъ, ребятамъ кричитъ:
„Посмотрите-ка ребята!“ — Жена вираженая.

— Продай, мужъ, кокошникъ косой, золотой,
Продай, мужъ, ожерелье жемчужинъкое,
Продай, мужъ, душегрѣйку парчевинъкую,
Продай, мужъ, шубку штафнинъкую,
Продай, мужъ, сорочку кисейнинъкую,
Продай, мужъ, серёжки ты стразовыя,
Продай, мужъ, башмачки матеревыя,
Продай, мужъ, чулочки ты шелковыя.
Купи, мужъ, кобылку съ коровушкою:
На кобылкѣ будешь ъздить въ лѣсь по дрова,
Въ лѣсь *** по дрова по березовыя.
А я буду коровушку доить, да кашку варить,
Кашку варить молошненъкую, тебя, мой
другъ, кормить.

*) Повторяется послѣ каждого стиха. — Ред.

**) Стихъ вписанъ позднѣе. — Ред.

***) Вписано позднѣе. — Ред.

1466 (3).

Ужъ далеко, далеко-то во чистомъ полѣ,
Во раздольицѣ было во широкімъ,
Тутъ разложенъ былъ огонёчикъ малѣхонекъ,
Возлѣ огничку разосланъ ковричекъ;
Какъ на коврички лежалъ молодецъ,
Во правой своей рукѣ держалъ тѣгой лукъ,
Во лѣвой своей рукѣ — калена стрѣла;
Во рѣзвыхъ его ногахъ стоялъ добрый конь;
Онъ и бѣть не бѣть объ землю копытичкомъ,
Онъ и знакъ даетъ доброму молодецу:
„Ты вставай-ка, добрый молодецъ, пойдемъ
домой!
Отвезу тебя къ отцу, къ матери,

Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ,
Къ малымъ дѣтушкамъ.“
Какъ отвѣтъ-то держалъ добрый молодецъ;
„Поѣзжай ты, конь, конь одинъ домой,
Отвези поклонъ отцу, матери,
Челобитыце молодой женѣ,
Благословенъце малымъ дѣтушкамъ.
Какъ женился я, добрый молодецъ,
Взялъ за себя поле чистое,
А приданое зеленые луга.“

1467 (4).

Охъ! ты степь ли моя Моздовская!
Далеко ты, широко, степь, протянулася,
До того-ли города Саратова,
До села Царицына.
Никто-то по ней не прохаживалъ и не проѣзживалъ.
Только ъхали молодые извощики Коломенскіе.
Что несчастыце у нихъ въ обозѣ случилося:
Захворалъ-то, занемогъ молодой извощицѣкъ
Всѣ Коломенской. [да Коломенской,
Какъ взговорить онъ-та своимъ товарищамъ:
„Охъ! вы, братцы мои, товарищи!
Не поминайте же моей прежней грубости,
Представьте же ко тому хозяину вы моихъ
добрыхъ коней.
А еще напишите письмо къ мому батюшкѣ,
И напишите поклонъ моей матушкѣ,
Челобитыце молодой женѣ,
Благословенъце малымъ дѣтушкамъ.“

1468 (5).

Я пойду ли красна дѣвица
Въ чисто поле погулять,
Злое коренье набирать.
Я, набрамши злое коренье,
Бѣло-нѣ-бѣло вымою.
Я, вымымши коренья,
Сухо на-сухо высушу,
Я, высушимши злое коренье,
Мелко на-мелко смелю,
Я, смелѣмши злое коренье,
Сладкаго мёду наварю.
Наварѣмши сладкаго мёду,
Дружка въ гости позову.
Я, позвамши дружка въ гости,
На кроватку посажу.
Посадѣвши на кроватку,
Стаканъ мёду поднесу.
Поднесёвши стаканъ мёду,
Любезнаго спрошу:

„Ты скажи, скажи любезной,
Что на сердцѣ у тебя?“

На моемъ на сердечкѣ
Словно камушекъ лежитъ.
Ты умѣла меня злымъ зельемъ опоить,
Умѣй меня, милая, схоронить:
Схоронить мое тѣло
Межу трёхъ большихъ дорогъ,
Что Питерской, Московской,
Славной Кіевской большой.
Еще вы не забудьте кавалерю со мной,
Вы еще положьте черну шляпу со перомъ,
Вы еѣ положьте среди гроба моево;
Вы еще не забудьте пистолетъ мой да ружье.
Схороните мое тѣло
Въ чистомъ полѣ далеко,
Что-бы ты, моя милая,
Не вздыхала тяжело.

1469 (6).

Дѣвка платье мыла,
Валькомъ колотила,
Туго выжимала,
Друга поджидала:
То повѣрнется туды,
То обернется сюды,
На всѣ стороны глядить.
Гдѣ нѣ взялся милой
На ворономъ конѣ.
„Богъ въ помочь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти!
Напой мово коня
Серѣдь синяго моря,
Чтобъ конь воды напился,
Брань коверъ не замочился.
Я тебѣ, дѣвица,
Загадку загадаю,
Изволь отгадати.“
— Изволь, сударь, отгадаю.—
„Еще что же у насть краше свѣта?“
— Краше свѣта красно солнце.—
„Еще что же у насть выше лѣсу?“
— Выше лѣсу свѣтѣль мѣсяцъ.—
„Еще что же у насть безъ кореньевъ?“
— Безъ кореньевъ горючъ камень.—
„Ужъ какъ быть тебѣ, дѣвица, за мною,
Ужъ какъ слыть тебѣ моей женою.“

1470 (7).

Затмися, лучъ ясный,
И, солнце, не свѣти.
Прости, прощай, любезный,
Въ послѣдній разъ со мной.

При всей нашей разлукѣ
Всему виновенъ самъ.
Ты клялъ, бралилъ все ложно,
Томилъ и мучилъ самъ себя.
Повѣрь, другъ, что будетъ не ложно,
Что вспомнишь про меня.
Не разъ я тебѣ говорила,
Не два твердила;
А ты, какъ въ полѣ вѣтеръ,
Всегда свое твориши.
Бѣгу я въ тѣ лѣсочки,
Гдѣ милой мой гулялъ,
Хочу ево догнать.
Бѣгу я, остановлюсь,
Сама себе спрошу:
Куды жъ я тороплюся,
Гдѣ жъ я милова сышу?

1671 (8).

Не бѣлой-ать снѣгъ напалъ:
Со коня милой упалъ,
Какъ упалъ да лежить,
Никто къ нему не бѣжитъ.
Сударушка подбѣжала,
За бѣлы руки подымала,
На коня его сажала,
Сама строго приказала:
„Ты поѣдешь, моя радость,
По уѣздамъ, городамъ,
На хорошихъ, на пригожихъ не заглядывайся.
Уже хорошия, пригожія тебя высушили,
Безъ морозу сердце вызнобили.“
Какъ гнилая-то солома нынче женится,
Она въ честь произошла,
А лазоревый цвѣточкъ за него замужъ
идеть.
Какъ гнилая-то солома на кроватушкѣ
лежить,
А лазоревый цвѣточкъ у кроватушки стоять,
Сама плачетъ, говорить:
„Охъ ты, миленький, прости,
На кроватушку пусти.“
— Я тогда тебя прощу,
Когда шкуру съ плечь спущу.—
Меня миленький простиль,
На кроватушку пустиль.

1472 (9).

На что, мати, счастливую родила,
Счастливую, талантливую,
Красную дѣвушку отгадливую?
Нельзя, мати, къ обѣднѣ ходить,
Нельзя, мати, Богу молитися:

Дьячёкъ звонить, мѣшается,
А дьяконъ въ книгѣ зачитается,
А попъ въ словахъ мѣшается.
Народъ все про то же говоритъ:
„Вонъ наша хорошая идѣть,
Счастливая, талантливая,
Красна дѣвица отгадливая.“
Какъ у насъ на дворѣ желуди, желуди,
А за дѣвицей женихи, женихи.
Вы не сватайтесь, не сватайтесь, молодцы,
Одному кому достанутся:
Либо старому, либо малому,
Либо самому послѣднему.
У воротъ дѣвица стоить,
Сама плачетъ, говорить,
Передъ дѣвицей молодчикъ стоитъ,
„Ты не плачь, не плачь, хорошая моя,
Я послѣднее помѣстье заложу,
А тебе, моя милая, снаряжу.
Я сошлю платье розовое,
А другое голубой цвѣтъ,
А третье цвѣтъ померанцовой.“
— Ты не шей мнѣ платье розовое,
Розовой цвѣтъ отъ солнушки бѣжитъ,
Голубой цвѣтъ марается,
Померанцовой не кажется.
И ты сшай мнѣ платье чёрное,
Чёрно платье мнѣ, монашеское.

1473 (10).

Я по сѣнямъ ходила,
Я по новымъ гуляла,
Русу косу чесала,
Алу ленту вплетала,

Ручки въ пазушки клала,
Къ себѣ милаго ждала.
„Охъ ты, миленькой милой,
Зачѣмъ ходишь ко иной,
Похваляешься ты мной,
Моей русою косой?
Моя русая коса
Всему городу краса,
Неженатымъ сухота,
А старымъ оханье,
А дѣвушкѣ честь-хвала.“

1474 (11).

У Полячинки да было три дочки:
Первая-то дочка была румяна,
Другая-то дочка тонка, высока,
Третья то дочка чёрна, горбата.
Первую дочку замужъ выдала за полков-
ничка,
Другую то дочку выдала за молодова за
князёвича,
Третью дочку выдала за королика.
Собралися зятки къ тёщи въ гости,
Стали зятя королю смеяться.
Первой-ать зять смеется:
Вѣрно у короля не стало тонкой, высокой.
Другой-ать зятикъ сталъ смеяться:
Вѣрно у короля не стало бѣлой, румяной.
Сталъ король отвѣтъ отвѣтать:
Тонкая былинка, отчего она частая,
Бѣлая рѣдечка, отчего она горька?
Черненький мачекъ отчего онъ сладокъ?
Песни 1464—74 записаны отъ мѣщанъ Рогож-
ской части—Прил. П.В.К.

в) Звенигородского у. с. Ильинское.

1475 (1).

За рѣчкою, за быстрою, живетъ мужикъ
Марко,
У Марки сынъ Федоръ, у Федора жена Мареа.
Гостили у нихъ три гостьи.
Гостили не нагостились,
Гостили не нагостились,
Только много намутили:
„Ужъ ты, Федоръ, ты, Федоръ!
Извѣди жену Мареу!
Ты возьми изъ насъ любую,
Либо Аксинью, Афросинью.
Третью душу Полагею.“
Мареа догадалась,

У Фёдора попросилась:
„Пусти, Фёдоръ, погостити
На недѣльку, на другую.“
Ужъ гостила я недѣльку.
Ужъ гостила я другую,
А на третью стосковалась:
„Охъ! ты матушка, тошненько!
Государыня, грустненько!“
— Ты открой, Мареа, окошко,
Погляди, Мареа, въ окошко,
Ужъ не ёдетъ ли твой Фёдоръ?—
Не успѣла Мареа открыти,
Ужъ и Фёдоръ надворъ вѣхалъ;
Не успѣла Мареа закрыти,
Ужъ и Фёдоръ вошелъ въ избу;

И онъ Богу помолился,
И онъ тестю поклонился:
„Ты, тесть батюшко, здорово!
Теща матушка, здорово!
А тебя, Мареа, забылъ я,
Забылъ поклонъ принести.
Охъ ты Мареа, ты Мареа!
Собирайся поскорѣе;
У насъ дома не здорово:
Свекоръ батюшка не можетъ,
Свекровь матушка на часочку“.
Вотъ и Мареа испугалась:
„Охъ, ты матушка родная!
Проводи меня подалѣ
Черезъ тѣмные лѣсы,
Черезъ крутыя горы,
Черезъ быстрыя рѣки,
Черезъ синее море.
Охъ, ты матушка родима!
Проводи меня подалѣ,
Какъ до самого до дворечка,
Какъ до краснаго до крылечка
До серебрянаго до колечка“.
Какъ вошла Мареа въ избу,
Она Богу помолилась,
Она свекру поклонилась:
„Свекоръ батюшко здорово!
Свекровь матушка здорово!
А тебе, Фёдоръ, забыла:
Охъ! ты Фёдоръ обманщикъ!
Сказалъ: дома не здорово:
Свекоръ батюшка не можетъ
Свекровь матушка на часочку“
— Истопи-то, Мареа, баню,
Не жаркую, не парнью.
Ты нагрѣй, Мареа, водицы
Да студёной, не горячей.—
Какъ вошла Мареа въ баню,
Ужъ что стала Мареа казнити,
Сталъ казнити и рубити;
Онъ ей голову на лавку,
А скоры ноги подъ лавку,
Тѣло бѣло подъ полочикъ.
Какъ пришёлъ Федоръ изъ бани,
Какъ пошёлъ Федоръ къ невѣстамъ,
Какъ къ Аксинѣ, къ Афросинѣ,
Къ третьей душѣ Полагеѣ.
Вотъ Аксинья не сказалаась,
Афросинья отказалась,
Полагея насыпалась:
„Охъ, ты Федоръ, ты Федоръ!
Охъ, ты дѣвичий обманщикъ!
Какъ извелъ ты жену Марею,
Изведешь ты и Аксинью,
Любъ Аксинью, Афросинью,

Третью душу Полагею.“
Ужъ пришелъ Фёдоръ въ избу
И онъ сталъ дитя качати:
„И ты баю, баю, дитятко!
И ты баю, баю, милое!
У тебя нѣту матушки,
У меня милой ладушки,
Милой ладушки, молодой жены!“

1476 (2).

Мы гуляли во лужкахъ,
Забавлялись во кружкахъ;
Мы гуляли, цветы рвали,
Мы вѣночки сорывали,
Сорывали, совивали,
На головку надѣвали,
Надѣвали, надѣвали;
Идти домой опоздали,
Опоздали, пріустали,
Подъ кустикомъ отыхали.
Тутъ охотники гуляли;
Злы собаки набѣжали,
Меня, младу, попугали.
На ту пору, на тотъ часъ
Самъ охотникъ наѣзжалъ,
Со добра коня слѣзаль,
Чёрну шляпу скидаваль,
Любовь дѣвушкѣ сказаль.
Дѣвка парню говорила,
Во слезахъ его браница:
„Иди, парень, за мной смѣло,
Гляди мое тѣло бѣло:
Мое тѣло припотѣло,
Разгуляться захотѣло“.
Войду я во горенку,
Сяду я на лавочку,
Возьму балалаичку,
Стану я играть
Пѣсни распѣвати,
Какъ Ильинскіямъ робятамъ
Нынче пожился,
Прижился, прибылся,
Прибылъ, прибогатилъ:
Во мучны ряды ходили,
Муку на солодъ мѣняли,
Брагу пьяную варили,
Въ погребахъ долго морили,
Насъ мѣлодцевъ не поили,
Что за то насъ не поили,
Что мы дѣвушекъ любили.
На нихъ шапочки съ ушками,
Разставалися съ дружками.
Ужъ-на нихъ-та кушаки,
Во всю спину широки.

Ужъ на нихъ-то штаны
Сто рублевъ даны;
Ужъ на нихъ та сапоги,
Всё козлѣвы, дорогѣ.
Какъ Ильинскіе робята
Не хотятъ славы зажить,
Хотятъ дѣвокъ развозить
По всѣмъ сѣламъ, деревнямъ,
По уѣзднымъ городамъ.

1477 (3).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зелѣнаго,
Заходила туча грозная,
Не дождлива, не погодлива.
По утру раномъ ранѣхонъко
Выпала бѣла порошила;
Какъ по этой по порошицѣ
Дочь отъ матери уѣхала,
Уѣхала, не спросилася,
Ни съ кѣмъ она не простилася.
Середь лѣсу становилася,
Середь лѣсу, середь тѣмнаго,
Середь садику зелѣнаго,
Съ соловьями думу думала,
Съ соловьями рѣчъ говорила,
Соловьюшкамъ наказывала:
„Соловей ты мой, соловьюшко!
Соловей ты, вольна штапечка!
Полети ка ты, соловушко,
На мою родиму сторонушку,
Ты скажи, скажи, соловушко,
Мбому батюшкѣ низкѣй поклонъ,
А матушкѣ человѣтице.
Ахъ ты матушка, неволюшка,
Чужа дальня сторонушка.
Чужа дальня, незнакомая!
Какъ чужой-та отецъ съ матерью
Безвинно журиТЬ, бранить,
Понараснѹ говорить,
Старый молодѣхонъку
Не пущаетъ погулять,
Со робятами поиграть.

1478 (4).

Иванушка сѣно косить,
Алѣнушка воду носить;
Иванушка припотѣль,
Испить воду захотѣль.
Алѣнушка не добра,
Испить воду не дала.
Умилася, воротилась,
Въ окошечко подала,

Въ окошечко подала,
Иванушкой назвала:
„Иванушка, бѣль, кудрявъ!
Что ты долго не женатъ?“
— Аленушка, лебедь бѣла!
Ты сама мнѣ не вѣгла,
Ты сама мнѣ не вѣгла,—
За меня идти хотѣла.

1479 (5).

Охъ, ты степь ли моя, степь, степь Саратовска!

Далеко же ты, степь, протянулася,
До того ли до села до Царицына,
До того ли до князя до Голицына:
На тебѣ ли на степи лежала дороженька:
Никто по дорожкѣ не проѣзживаль,
Не проѣзживаль, не прохаживаль;
Только шли, прошли два полка солдатъ;
За солдатами щали молодые извощики.
Занемогъ-то, захвораль молодой извощицѣ;
Онъ наказываетъ своимъ братцамъ, товарищамъ:
„Охъ вы братцы мои, вы товарищи! [щамъ]:
Не помните вы, братцы, моей грубости,
Моей грубости, молодецкой моей глупости!
Заложите-ка, братцы, моихъ тройку вороныхъ коней.

Вы поѣдете, братцы, на мою сторонушку,
Вы отдайте коней родимому батюшкѣ,
Вы скажите отъ меня батюшкѣ низкій поклонъ,

Моей матушкѣ поклонъ-челобитьице,
Малымъ дѣтушкамъ благословенъице;
Молодой то женѣ скажите на три волюшки:
Хоть замужъ пойди, иль въ вдовахъ сиди,
Хоть въ вдовахъ сиди, хоть гулять пойди.“
— Ужъ мнѣ замужъ-то младой не хочется,
Во вдовахъ сидѣть не приходится,
За гульбой идти мнѣ убитой быть!

1480 (6).

Плакала сударушка, обливалася слезами,
Залила сударушка всѣ дорожки и лужки,
Всѣ дорожки и лужки, круты, славны бережки.

По бережку, по камушку, течеть рѣчка, не-
шумитъ,
Во саду-ль, во садицѣ соловьюшекъ поѣтъ.
Не пой-ка, соловьюшко, шибко, громко во
саду,
Не давай назолушки сердечушку мому:
Какъ мое сердечушко надорвѣлось кликучі,
На чужой сторонушкѣ стосковалось живучі.

Чужая сторонушка безъ вѣтра сушить, кру-
шить,
Чужой отецъ съ матерью безвинно журять,
бранять,
Журять, бранять, понапрасну говорять.
Спокаялась дѣвушка, молода замужъ пошла,
Молода замужъ пошла, за старого старика.
Старый молодехоньку не пущаетъ погулять,
Не пущаетъ погулять, съ робятами поиграть,
Съ робятами поиграть, съ холостыми по-
шутить.

1481 (7).

Весёлая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьётъ.
Онъ пьётъ, не пьётъ родимый мой, за мной
скоро идеть;

А я млада младёхонька замѣшалася
За утками, за гусями, за лебедями,
За вольною за пташечкой за жорушкою.
Ужъ жорушка по бережку похаживаетъ,
Шелковую листъ-травушку пощипываетъ,
Съ холодною водицею прихлебываетъ.
За рѣчкою за быстрою четыре двора;
Во этихъ ли во дворикахъ четыре кумы.
Вы кумушки, голубушки, подружки мои!
Кумитеся, любитесь, полюбите меня;
Пойдете вы во садъ гулять, возьмите меня;
Вы станете цвѣты срывать, сорвите-ка мнѣ,
Вы станете вѣнки свивать, совейте-ка мнѣ.
Ужъ всѣ вѣнки поверхъ плывутъ, а мой по-
тонулъ.

1482 (8).

Ты досада ли, досада,
Ты досада ли, досада моя!
Никому я про досаду не скажу,
Я ни батюшкѣ, ни матушкѣ родной;
Только скажу, про досаду разскажу
Я подруженькѣ, голубушкѣ своей тайной:
„Ты, подруженька, голубушка, радость моя!
Что на насъ съ тобой за горе пришло за
бѣда?
Со всего свѣту напасти пришли на меня.
Запрягаетъ милый ворона коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора.
Колько мнѣ не плакать, нѣчѣмъ пособить,
Во вѣки такого дружка не нажить,
Хорошѣ, мила, ласкова!“

1483 (9).

Какъ журять, бранять молодёхоньку,
Не велять мнѣ ходить на улицу гулять,

Не велять глядѣть насосѣдній дворъ;
Асосѣдній дворъ-то душа моя.
Усосѣда сынъ сокрушилъ меня.
Собирается милъ во дороженьку,
Что во дальнюю, растошнѣхоньку.
Какъ по Питерской по дороженьку
Пишетъ миленькій ко мнѣ грамотку,
Ко мнѣ грамотку, вѣсть нерадостну;
Не перомъ пишетъ, не чернилами,
Пишетъ миленькой горючими слезы-
Горючими слезы-м, всѣ дѣвичими:
„Не сиди, Дуняша, поздно вечеромъ,
Ты не тай, не тай свѣчи салыны,
Ты не жди, не жди въ гости Ванюшку;
Я не гость пришель, не гоститель твой,—
Я пришель къ тебѣ, Дуня, проститися,
Твоей милости доложитися:
Позволишь ли Ванѣ женитися?“
— Женись, Ванюшка, женись, милый другъ!
Ты возьми, возьми дочь купеческу.—
„Мнѣ купеческую дочь взять,
Будеть гнѣвъ держать,
Будеть гнѣвъ держать, становѣться;
Что мнѣ взять не взять самоѣ тебѣ,
Самоѣ тебѣ красиу дѣвицу,
Красиу дѣвицу, посидѣльницу!“

1484 (10).

Ходила младёхонька по чистому полю,
Искала младёхонька калину съ малиною:
Калина съ малинушкой очень рано разцвѣ-
тала.
Въ тоѣ пору матушка меня горьку родила,
Не собравшися съ разумомъ въ чужи люди
отдала.
Въ чужихъ людяхъ, матушка, было жить
умѣючи,
Умѣючи, матушка, еще разумѣючи;
Въ чужихъ людяхъ, матушка, три заботы
на умѣ:
Первая заботушка—деверь да золовушка,
Другая заботушка—свекоръ да свекровушка,
Третья-то заботушка—мужъ неудала голова:
Пашенька не пахана, бѣла рожь не сѣяна.
Первый-то годочикъ млада въ горѣ прожила,
Другой-то годочикъ сирстою прослыла,
Въ третий-то годочикъ не гулиная была,
Въ четвертый годочикъ малы дѣтушки пошли,
Малы дѣтушки пошли, изсущили молоду.

1485 (11).

Тошно, невозможно, бѣжала бѣ я въ лѣсъ,
Въ лѣсу пользы нѣту, всѣ листья шумятъ,

Древы, словно знают, печально стоять,
А штапечки слышать, жалобно поють,
А мнъ молодёхонъку на золу даютъ.
Ходилъ-гулялъ молодецъ по чистому полю,
Стрѣлялъ-былялъ молодецъ по частымъ ку-
стамъ;
Устрѣлилъ онъ дѣвушку въ ретивъ сердцѣ:
„Не гнѣвайся, дѣвушка, любя застрѣлилъ;
Не стой, не стой, дѣвушка, подъ частымъ
кустомъ,
Подъ частымъ кустомъ, съ инымъ молод-
домъ“.

1486 (12).

Помѣшали комарики мнъ молодой спати,
На зорѣ-то чуть заснула я млада:
Слышу, вижу свово милаго дружка,
Будто мой милой въ высокъ теремъ заполь,
Безъ доклада къ моей спальнѣ подошолъ,
Шитый, браный положочикъ распахнулъ,
Тяжелѣхонъко на милую вздохнулъ,
Сталъ онъ ее цѣловати, миловати.
Звала она его во зеленый садъ гуляти.
Ломливый мужъ не пущаетъ молоду,
Во правой рукѣ шелкову плеть несетъ.
Велю дружку свово мужа замучить,
И велю ему побои *)
Велю дружку въ студень погребъ засадить.

*) Слово не разобрано (прилсеть?)—Ред.

1487 (13).

Вы молодчики, размолоденъки дружки мои!
Ваші ласковы разпрѣятныя къ сердцу слова
Безъ огня-то мое сердце разожгли,
Да безъ вѣтру мои мысли разнесли,
Разнесли, да разнесли мысли мои
По частымъ-то по полямъ, да по полямъ,
Да еще-то по зеленымъ по лугамъ.
Я сидѣла въ новой горницѣ млада,
Я сидѣла въ новой горницѣ одна;
Я лежала бѣлой грудью на окно,
Я глядѣла въ чисто поле далеко.
Ты злодѣй чужа дальня сторона!
Разлучила съ отцемъ, съ матерью меня,
Да еще-то со милемъ ли со дружкомъ гу-
лять!

1488 (14).

Вечоръ млада во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ;
Не у батюшки, не у матушки

Я была въ гостяхъ, у мила дружка,
Я у мила го, у сердечнаго,
У Московскаго обывателя,
У трактириаго завсегдателя.
Я не медъ пила, я не полпиво,
Я пила млада сладку водочку,
Сладку водочку, все вишневочку;
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Я пила млада черезъ край до дна.
Я въ кабакѣ иду, не шатаюся,
Съ кабака иду пьяна, валяюся.
И я лѣсомъ шла, не боялася,
Чистымъ полемъ шла, не шаталася;
Ко двору пришла, пошатнулася,
За vereюшку ухватилася:
„Веря лъ ты моя, vereюшка,
Нова, точена, позолочена!
Содержи меня, бабу пьяную,
Бабу пьяную, шельму похмѣльную,
Не увидѣлъ бы мой лютой свекръ,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.
Ужъ какъ мой-то мужъ горкій пьяница:
Онъ вина не пьеть, съ воды пьянъ живеть,
Съ воды пьянъ живеть, съ квасу бѣсится,
Съ квасу бѣсится, воръ не повѣсится.
Кисни, кисни, квасъ, вырви свекру глазъ,
А свекровушкѣ волосникъ сшиби,
А золовушкѣ косу выдери,
А деверюшкѣ кудри вышиби!“

1489 (15).

Во лѣску, во лѣску текла рѣчка по песку
Во матушку во Москву, ко фабричному
двору.
Какъ фабричные ребята—люди мудрены,
Люди мудрены, принашдрены;
Они ткуть ковры, салфетки на разныя клѣтки,
Они ткали, переткали, на кафтаны перешили.
Намъ не дороги кафтаны, были бъ денежки
въ карманѣ;
Цѣлковые по монѣмъ не даютъ спать по
ночамъ:
Во полночь деньги гремятъ, въ кабакѣ идти
велять.
Цѣловальникъ молодой, отпирая новый ко-
бакъ,
Пушай дѣвокъ и ребяты, наливай чару полнѣй,
Нашихъ денегъ не жалѣй, только самъ, ду-
ракъ, не пей.
Если будешь вино пить, я не буду те лю-
бить,
Нолюблю-ли я такого, щеглеватаго, рябаго?
Щеглевитенькій, рябой, доведи меня домой

До кроватки тесовой, до перины пуховой,
Мимо стеколь, мимо оконъ, мимо каменныхъ
палаТЬ,
Мимо каменныхъ палаТЬ, въ цѣловальниковъ
кабакъ.

1490 (16).

Ходить Васинъка горой,
Его матушка дворомъ;
У Васинъки мать Арина,
Васильюшкѣ говорила:
„Полно, Вася, перестань,
Прочь отъ дѣвушекъ отстань!“
— Сударыня моя мать,
Тебѣ меня не унять,
Коли началъ я гулять;
Какъ за рѣчкою за быстрою
Гулять, таки гулять,
У маюра дочь хорошую
Любить, таки любить;
Лице бѣло, аки снѣгъ,
Щеки алы, маковъ цвѣтъ,
Черны брови соболины,
Вся походочка павлинна;
Она ходить, выступаетъ,
Рѣчи баетъ, разсыпаетъ,
Съ горъ погоду подымаетъ.—
Васъ мать потакаетъ:
„Поди, Вася, разгуляйся,
Съ дѣвушками повидайся.“

1491 (17).

Пошла наша Дуня ленкомъ побираться,
Дуня, Дуня, Дунюшка,
Душа моя Дунюшка!
Набрала-то Дуня да съ горсточкой десять,
Дуня и проч.
Намыкала Дуня съ умычечкой десять,
Напряла-то Дуня съ початочкомъ десять
Изсновала Дуня съ пристѣночкомъ десять;
Пошла наша Дуня бѣрда добывати
Семь сель исходила, бѣрды не добыла,
Восьмое селище, и то у попища.
Присудили Дунѣ да добрые люди:
Въ изгороднѣ спати, плетень подавати,
Плетень подавати, бревномъ прибивати,
Бревно прибивати, хворость утыкати.
Наткала-то Дуня со холстикомъ десять.
Пошла наша Дуня холстики мочити,
Холстикъ намочила, Дунай возмутила,
Другой помочила, Дунай изсушила.
На встрѣчу-та Дунѣ к....нъ сынъ бояринъ,
К....нъ сынъ бояринъ, б....нъ сынъ татаринъ.

„Богъ помошь те, Дуня, холстики мочити
Холстики мочити, да все полотнины,
Да все полотнины, женихамъ на платочки.“
Пошла наша Дуня холстикъ разстилати,
Разостлала Дуня на первую повѣтку,
Повѣтъ уклонилась, свинью задавила—
Поросять одни ножки висятъ,
Семьдесятъ гусить—одни носики висятъ.

1492 (18).

Ахъ ты, Катинъка, Катюша!
Катя милая душа!
Уродилась хороша,
Лучше матери, отца,
Удалаго молодца!
Говорила Катѣ матери,
Уговариваль братъ:
„Полно, Катинъка, уймися,
Съ фабричными не водися!“
До того Катя водилась,
Худой славы что добилась,
До славушки до худой
До матушки до родной,
До великаго стыда,
До ременя кнута.
Пойду въ полюшко гуляти,
Тоску-горе разстилати.
Я разсѣю грусть-тоску
По зеленому лужку;
Онъ не сохнетъ и не блѣкнетъ,
Лебедю не ростеть.
Вдоль по улицѣ по той,
По широкой столбовой
Шла дѣвица за водой,
За ней парень молодой,
Кричить: „Дѣвица постой!
Красавица подожди,
Бѣлы руки подожми!“

1493 (19).

На улицѣ три молодца жеребій метали:
Кому деньги, кому дѣвка, кому цвѣтно
платье?
Доставались деньги Мишкѣ, цвѣтно платье
Гришкѣ,
А Ванюшкѣ щеголечку красная дѣвочка.
Кто старушеньку полюбить, не будетъ про-
щенья,
Молоду вдову полюбить,— грѣхамъ изба-
вленья.
Кто молодушку полюбить,—душенькѣ спа-
сенья,

Красну дѣвицу полюбить,—душа въ раю бу-
деть.
Во саду-ли, въ огородѣ дѣвушка гуляла;
Она ростомъ невеличка, лицомъ круглоличика,
Во всю щечечку румянецъ завсегда играетъ.
Во саду-ли, въ огородѣ собака гуляла,
Ноги тонки, бока звонки, а хвостъ зако-
рючкой.

1494 (20).

Ты думѣ лъ, моя думѣ,
Дума крѣпка моя,
Свѣла молодца съ ума!
Оженила его матери,
Его матери оженила:
Неудѣлую жену онъ взялъ.
Я не буду съ нею жити,
Стану къ дѣвушкамъ ходити,
Стану дѣвушекъ любити,
Стану денежки носити:
Тѣ дѣвушки хороши,
Красавицы пригожи,
Одна дѣвка лучше всѣхъ.
Почему жъ та лучше всѣхъ?
Что зачесана коса,
Что заплаканы глаза,
Что затерты рукава.

1495 (21).

Весель мнѣ, весель сегодняшній день,
Радостенъ, радостенъ теперешній часъ:
Видѣлъ я, видѣлъ надежду свою,
Ходить, гуляетъ въ зелѣномъ саду,
Щиплетъ, ломаетъ зелѣнъ виноградъ,
Кидаетъ, бросаетъ дружку на кровать:
„Спишь-ли, не спиши-ли, милой, дорогой?
Слово мнѣ не скажешь, отвѣта не дашь?
Буду я, миленькой, сама такова.
Уѣхалъ мой миленький въ ины города,
Женился мой миленький на другой женѣ;
Взялъ жену срамницу, не лучше меня:
Глаза у той у срамницы, словно у совы,
Брови-то у срамницы, словно у змѣи.
А я, душа Аннушка, всѣмъ я хороша:
Глаза-то у Аннушки, словно у сокола,
Брови-то у Аннушки чернѣ соболя.“

1496 (22).

Я вечеръ былъ у Калужскихъ у воротъ.
По пути я на почтовый дворъ зашоль,
Получилъ письмо отъ душечки сейчасъ,
Запечатано печальнымъ сургучомъ;

Распечаталъ, самъ головкой покачаль.
Сталъ читать, и полились слѣзы изъ глазъ.
Пишетъ миленька, разлапушка моя:
„Приди, миленький, я оченno больна;
Что болѣнъмъ больна, въ постелюшку слегла.
Во постели не могу письма писать,
Не съ кѣмъ тайного словечка наказать.
Если миленький не придетъ, скоро жизни я
лишусь,“

Съ тобой, миленький, заочно распрошусь.“
Не мила мнѣ здѣсь прекрасна сторона:
Не гуляетъ здѣсь разлапушка моя,
Хороводы не заводить безъ нея,
Хороводы не утѣшать моихъ слезъ.
Я пойду съ горя, поплачу, въ темный лѣсъ,
Гдѣ я съ миленькой по рощицѣ гулялъ,
Гдѣ я миленькую прежде цѣловалъ.
На томъ мѣстѣ и травушка не ростетъ,
На травушкѣ и цвѣти не цвѣтутъ.
Во кусточекахъ мелки иташки не поютъ,
Темны лѣсы приклонилися къ землѣ.

1497 (23).

Не шелкова травушка не стелется, вѣёться,—
У молодца сердечушко трепещется, бѣется.
Трепещется, бѣется, на часъ не умется.
Про насть, мой голубчикъ, лихій люди судять;
Пусть же люди судять, пусть же люди ря-
дять,

Пусть же судять, рядять, что я тебя люблю.
Любя тебя, хорошая, любить тебя стану
Я до тѣхъ поръ любить стану, пока не от-
стану.
Покидаетъ парень дѣвку, что въ полѣ бы-
линку,
Во полюшкѣ былинушку, травиночку часту.
Въ чистомъ полѣ на раздолѣ стояло тутъ
древо,
Толсто древо тутъ стояло, березынька бѣла,
Бѣла, тонка, тонка, бѣла высокая;
Бѣла, высокая, листомъ широкая;
Какъ подъ етой подъ березой сидѣлъ сизъ
голубчики:
Онъ не голубъ, не голубчикъ, удалой молод-
чикъ.
Передъ мѣлодцемъ дѣвица, она слезно пла-
четъ,
Она плачетъ, взорыдааетъ, безчестье примаетъ.
Парень дѣвку, парень красну плакать уни-
маетъ,
Кашемировымъ платочкомъ слезы утираетъ:
„Не плачь, дѣвка, не плачь красна, не плачь,
дура, глупа!
Будешь плакать, тужити, буду болѣно бити:

При всемъ мірѣ, при народѣ, въ большомъ короводѣ
 Тебѣ будетъ стыдно, прочімъ наукѣ.
 — Намъ съ тобою, голубчикъ, вѣчная разлука.—
 Покидаетъ парень дѣвку, что въ полѣ былинку,
 Что въ полюшкѣ былинку, во лугахъ травинку.

1498 (24).

Засвистали козаченьки въ походѣ съ полуночи,
 Заплакала Марусенька свои ясны очи.
 „Не плачь, не плачь, Марусенька, мы возьмемъ съ собою,
 Мы возьмемъ съ собою, назовемъ сестрою,
 Мы сестрою не родною, солдатской женю!“
 Мати сына провожала въ чужую краину:
 „Поѣзжай, ты мой сыночкѣ, да не задаляйся,
 Ты на ворономъ на конѣ назадъ ворочайся.“
 — Не узнала родна матулечка, какъ Боже
 поможетъ:
 Середъ двора широкаго мой конь споткнулся,
 А я къ тебѣ, матусинька, назадъ не вернулся.

1498a (24a) *).

Не стучить, не гремитъ, дробень дождикъ
 идѣтъ.
 Да кто жъ меня молоденъку да до дому доведеть?
 Отозвался казакъ на солодкомъ меду:
 „Гуляй, гуляй, черноброва, я до дому доведу“.
 — Не прошу я тебя, не веди ты меня:
 Я лихова жена мужа,—будетъ бити меня,
 Будетъ бити, журити, высپрашивати:
 Да ты гдѣ, жена, была, гдѣ погуливала?
 И я мужу покорюсь, низѣхонько поклонюся.
 Меня мужъ помилуетъ, да сѣмь разъ поцѣлуетъ.
 Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка?
 Три дни печь натопила, на три печи жару.
 Я Москалька породила, а мнѣ его жаль,
 Москалика-сударика породила мати,
 Мово мужа, к....на сына породила свинья.
 Посѣялъ пшеницу, да некогда жати,
 Да некогда жати, стала зимовати.
 Лучше знать, на что бралъ, дому не хозяйка.

Случайно была пропущена.—Ред.

1499 (25).

Ахъ! вы горы, мои горы, горы Воробьевски!
 Ничего вы не породили, породили бѣлье горючъ камень;
 Изъ подъ камушка ростѣтъ часть ракитовъ кустъ,
 На кустѣ-та сидѣтъ младъ сизбѣ орель,
 Въ когтихъ-та держитъ чернѣа воронѣ;
 И онъ бить-та не бѣть, грозно спрашивается:
 „Ужъ ты гдѣ, воронъ, былъ, гдѣ гуливаль?“
 — Я гулялъ-та, гулялъ во дикой степѣ,
 Я гулялъ-та, гулялъ, вонъ гдѣ кустики,
 Я видалъ-та, видаль диво дивное:
 Что лежитъ-та, лежитъ тѣло бѣлое,
 Тѣло бѣлое, солдатское;
 Ужъ никто-та къ тѣлу не подвѣрнется,
 Ужъ никто къ бѣлому не подшатнется;
 Только вьются тутъ три ластушки,
 Три ластушки, три касатушки:
 Перва ластушка вьется—родима матушка,
 Друга ластушка вьется, то родна сестра,
 Третья ластушка вьется—модла жена.
 Гдѣ мать-та плачетъ, тутъ рѣка прошла;
 Гдѣ сестра-то плачетъ, тутъ колодезь бѣть;
 Гдѣ жена-та плачетъ, тутъ роса легка;
 Взойдетъ солнушко, роса высохнетъ:
 Модла жена гулять пошла,
 Гулять пошла, семерыхъ мужьевъ нашла,

1500 (26).

Куды бѣжать, тоску дѣвать?
 Въ лѣса лѣ бѣжать? Лѣса темны,
 Лѣса темны, густы кусты,
 Кусты густы, мѣста просты!
 Пойду, въ саду сорву цвѣтокъ,
 Сорву цвѣтокъ, совью вѣнокъ,
 Совью вѣнокъ милу дружку,
 Милу дружку на головушку:
 „Нося вѣнокъ, не складывай,
 Терпя горе, не сказывай:
 Нося вѣнокъ, долой сложится,
 Терпя горе, все разскажется.“
 У меня младой постылый мужъ,
 Постыль, постыль, раск....нъ сынъ:
 Онъ спать идеть, все плакучи,
 Все плакучи, все рыдаючи;
 Ложится не по-людскому,
 Не по-людскому, по-дурацкому:
 Ко мнѣ спиной, къ краю лицомъ;
 Промежду насъ лежитъ змѣя,
 Въ ногахъ лежитъ сугробъ снѣгъ,
 Въ головахъ стоять котель жару.

1501 (27).

Ахъ, ты ночка, ночка тёмная моя,
Осенняя, тёмная! съ кѣмъ мнѣ ночки ноче-
Съ кѣмъ осеню коротать? [вать,
Я одна боюсь, товарища со мной нѣть,
Нѣту, нѣту товарища, моего мила дружка,
Моего мила дружка, Иванушка молодца!
Иванушка, соколь мой, показался разумъ
твой,
Весь обычай дорогой, жаль разстаться мнѣ
съ тобой!
Уйду въ тёмные лѣса, гдѣ травушка зеленѣ,
Гдѣ травушка зелена, муравушка расцвѣла,
Гдѣ мой миленькой гуляль и пріятно цѣло-
валъ,
Гдѣ пріятно цѣловалъ, разлапушкой назы-
валъ;
„Разлапушка дѣвушка, бѣлая лебѣдушка,
Бѣлая лебѣдушка, сизая голубушка!
Тошихонъко безъ тебя, тошихонъко, гру-
стнѣхонъко!“
На дорожку выхожу, на широку становлюсь,
Я сама себя спрошу: куда бѣгу, тороплюсь?
Куда бѣгу, тороплюсь, никого я не боюсь,
Ни курьера, ни маюра, ни московскіхъ куп-
цовъ,
Одного только боюся Иванушки молодца!

1502 (28).

Весною была я и бѣла и румяна,
Словно кралечка написанная.
Ужъ не ты ли меня высушилъ,
Пустилъ сухоту по животу,
Разсыпалъ печаль по плечамъ,
Заставилъ гулять по ночамъ,
Приневолилъ подарочки носить,
Подарочки, сладки пряннички,
Орѣшки, одни ядрышки?
Пойду въ полюшко гуляти,
Черну былинку заламывать,
А сѣрыхъ гусей загаивави:
Тиго, гуси! тиго, гуси, гуси сѣрые мои!
Ужъ и вы лѣ, гуси, наплавались,
А я, на вѣсъ глядя, наплакалася.

1503 (29).

У меня лѣ мужъ не удаля голова,
Не купилъ онъ мнѣ черноба соболя,
А купилъ онъ мнѣ коровушку,
Погубилъ мою головушку:
Перво дѣло-то коровушку подой,
Другое дѣло-то подойничикъ помой,

Третье дѣло-то теленочка напой.
Погоню ли я коровъ на росу,
Попадался мнѣ медвѣдь во лѣсу;
Я медвѣдя испугалася,
Во часты кусты бросалася,
Я за тѣ кусты дубовые,
Я за прутья за кленовые:
„Ты медвѣдюшка, мой батюшка!
Обдери мою коровушку,
Обдери мою коровушку,
Слобоні мою головушку!“

1504 (30).

Какъ по зоркѣ, по вечерней по зорѣ,
По вечерней по зорѣ шелъ молодчикъ изъ
гостей,
Шелъ молодчикъ изъ гостей со великихъ
радостей.
Онъ торопится, бѣжитъ, онъ домой скоро
спѣшить.
Какъ за мѣлодцемъ дѣвочонка, кричить: „Мо-
лодецъ, постой,
Кричить, молодецъ, постой, раскрасавчикъ,
любчикъ мой!
Разкрасавчикъ, любчикъ мой, умилится предо
мной!“
Парень дѣвку поджидаетъ, съ ноги на ногу
ступаетъ.
Съ ноги на ногу ступаетъ, уму-разуму вы-
таетъ:
„Ты скажи, скажи, дѣвочонка, скажи лапушка
моя,
Скажи, лапушка моя, одного лѣ любишь
меня?“
— Я по истинной по правдѣ обо всѣмъ тебѣ
скажу,
Обо всемъ тебѣ скажу: семерыхъ съ тобой
люблю.—
Какъ ударилъ парень дѣвку по бѣлому по
лицу,
Какъ по бѣлому лицу, по румяной щекѣ,
Но румяной по щекѣ, по серебряной серыѣ;
Какъ сереженька серебряна разсыпалася,
Изъ ея бѣла лицѣ показалася рудица,
Изъ ясныхъ ея очей протекаль слезъ ручей.

1505 (31).

Стлала, стлала дѣвица
Постелюшку мягкую,
Ждала, ждала дѣвушка
Полковничка въ гости,
Не дождавшись полковничка
Ложилася спати.

По утру рано вставала,
Вѣсти услыхала:
Померъ, номеръ полковничекъ
Своей скорой смертью.
Остаются дѣти малы,
Жена молодая,
Остается вороной конь,
Серебряна збруя.
Тѣло несуть, коня ведутъ,
Конь голову клонить.
У молоденькой дѣвочки
Сердечушко ноеть,
Ноеть, ноеть сердечушко:
Полковничка жалко.
Въ чистомъ полѣ, при раздольѣ
Дороженька стелеть;
Какъ по той ли по дорожкѣ
Мой миленький ѿдѣть,
Ѣдетъ милый, чернобровый,
Къ двору подъѣзжаетъ,
Ко дворику подъѣзжаетъ,
Съ коня солѣзаетъ;
Во горенку входить,
На лавочку сядеть,
Въ оконечко взглянеть,
Словечко промолвить:
„Ты встрѣчай, мой надежда,
Встрѣчай, душа, радость,
Полковничка въ гости.“

1506 (32).

Возвивался соколь высокобъ,
А бѣлая лебедушка повыше его;
У бѣлой-та лебедушки соколь спрашивалъ:
„Бѣлая лебедушка, гдѣ ты была?“
— Я была лебедушка на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ плывѣть корабль;
Въ етомъ корабликѣ муравъ членочекъ;
Въ муравомъ членочикѣ вдовушка живѣть;
Сидѣла вдовушка подъ краснымъ окномъ,
Обливалася вдовушка горючими слезами:
Не видать дороженьки на синемъ морѣ.

1507 (33).

Ужъ какъ нынече во прошлымъ году
Уродилось много ягодъ во бору;
Заблудилась красна дѣвка во лѣсу,
Приходила на крутой на бережокъ,
Становилася на жѣлтый на песокъ,
Разстилала гарнитуровый штофный платокъ,
Вынимала сладкихъ яблочекъ пяточъ,
На закуску черносливу узелокъ,
На закуску сладкой водки полуятофъ,

Закричала шибкимъ, громкимъ голоскомъ:
„Перевозчикъ, перевозчикъ, парень молодой!
Первези меня на ту сторону домой,
На ту сторону на батюшкуну,
На сударыни на матушкуну!“
— Красна дѣвка! Нынче дорогъ перевозъ.—
„Добрый молодецъ! что изволишь, что съ меня
берешь?“
— Красна дѣвка, мнѣ не надо ничего.
Красна дѣвка, поди замужъ за меня.—
„Добрый молодецъ! это воля не моя:
Это воля родимаго батюшки моего,
Еще воля сударыни матушки моей.“

1508 (34).

Во сырбомъ-та во бору
Брала Маша ягоды.
Бравши ягоды, заблудилася:
„Ты ау, ау, миль сердечный другъ!
Во близиѣ ты ходишь, не аукаешься?“
Какъ за мною-та ходятъ три сторожа:
Первый сторожъ-та—да тесть батюшка,
Другой сторожъ-та—тецца матушка,
Третій сторожъ-та—молодая жена;
Ужъ хотятъ-та Машѣ срубить буйну голову.

Пѣсни 1475—1508 записаны въ юль—авг. 1831 г.
П. В. К—имъ.—Ред.

1509 (1).

На зорѣ было на збрюшкѣ,
На восходѣ красна солнушка,
На закатѣ свѣтла мѣсяца,
Какъ жена мужа потѣрила.
Вострѣмъ ножичкомъ зарѣзала,
Во студёный погребъ бросила,
Желтымъ пескомъ призасыпала,
Дубовой доской захлопнула,
Правой рученькой защѣлкнула;
Сама вошла въ нову горницу,
Набѣлилась, нарумянилась,
Сама сѣла подъ оконечко.
Прилетали къ ней два голубя,
Два голубя да два скока;
То—его братцы родимые;
Они стали еї спрашивать:
„Ты невѣстушка, голубушка!
Ты скажи намъ, гдѣ нашъ братъ родной?“
— Вашъ-атъ братъ вошёлъ коня поить.—
„Не обманывай, невѣстушка!
Его смуръ кафтантъ на жѣрдочкѣ,
Его конь-атъ во конюшenkѣ,
Пуховѣ шляпа на стопочкѣ“.

— Вашь братъ пошелъ во чисто поле,
За куницами, за лисицами!—
„Не обманывай, невѣстушка,
Наша бѣлая лебедушка!
Что у тебя это за кровь въ сѣняхъ?“

— Деверья мои любезные!
Я бѣлую рѣбницу чистила....
Деверья мои любезные!
Вы вѣжите мнѣ бѣлые руки!
Я брата вашего потѣряла:
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Во студѣный погребъ бросила,
Желтѣмъ пескомъ пріусыпала,
Дубовой доской захлошила,
Правой рученькой защѣлкнула.

1510 (2).

Какъ пошла наша Параня
Съ горы на гору гулять,
Яровое зажинать.
Она первый снопъ нажала,
Аloy лентой перѣвязала,
А другой-та снопъ нажала,
Голубою перѣвязала,
Она третій снопъ нажала,
Оглянулася назадъ:
Стоить озеро воды;
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротничкамъ подводилъ,
За колечко привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ:
„Ты дѣвица красавица,
Сбереги мово коня,
Не зарвалъ бы поводѣ,
Повода шелкобвые,
Удила серебряныя.“

1511 (3).

Въ чистомъ полѣ при раздолѣ стоялъ высокій терѣмъ;
Какъ при этомъ теремочки два мѣлодца пьютъ;
Знать-то что мою хорошую замужъ отдаются!
Со того дворца, со прекраснаго крыльца,
Со прекраснаго крыльца ведутъ дѣвку до
вѣнца:
Женихъ ведеть за рученьку, дружко за дру-
гую,
Третій стоитъ, сердце болитъ,—любилъ дѣвку,
да не взялъ.
Доставайся, моя хорошая, инымъ людямъ, да
не мнѣ;
Хочь бы не мнѣ, хоть бы брату моему,
А не брату, хочь соѣду моему.

Вспомни, вспомни, хорошая, чѣмъ я тебя да-
ровалъ:
Стешенечкѣ дариль по пряничку, Спажушкѣ
горѣлочку.

1512 (4).

Какъ на улицѣ метѣлица мететь,
За метелицей мой миленький идѣтъ,
Съ собою ворона коня ведѣтъ,
Семиструнную гитарушку несѣтъ.
За нимъ красна дѣвушка идетъ,
Кричить: „Молодецъ, постой, постой!
Семиструнную гитарочку настрой.“
Дѣловой мѣлодецъ постайвалъ
Да гитарочку настраивалъ.

1513 (5).

Молодка, молодка молода,
Разлапушка, свѣтликъ, дорогая!
Ты полно по улицѣ ходити,
Перестань ты чернѹю грязь топтати,
Полно по милыемъ тосковати.
— Ужъ какъ мнѣ по миломъ не тужити?
Во вѣки такого не нажити:
Хорошъ и пригожъ уродился
Онъ ростомъ-то, ростомъ, красотою,
Своей мѣлодецкой чистотою.
Вечоръ во бесѣдушкѣ сидѣла,
Со милымъ дружкомъ побраницась;
Побранка была съ нимъ небольшая.
Не знаю, какъ съ милымъ помириться?
Людей засылать не годится,
Самой покориться,—будетъ стыдно.
Я дождусь, младенка, поры-время,
Я той поры-время—темной ночи,
Сама ко милому побываю,
Всѣ тайныя рѣчи перебаю:
„Поѣдемъ, дружѣчикъ, во торжечикъ,
Мы купимъ, дружѣчикъ, шелкову плеть,
Ты бей меня, милый, сколько хочешь,
Во всякое мѣсто по десятку.
Побивши, мой милый другъ, пожалуй,
Положи на тисовую кроватку,
Положи на правую на ручку,
Прижми ко ретивому сердечку,
Чтобы мое тѣло не болѣло,
Чтобы мои кости не ломило,
Чтобы мое сердце не щемило.

1514 (6).

Калина, калина, калинушка моя!
О, что-жъ ты, калинушка, рано разцвѣла?

Въ тоё пору матушка меня горьку родила,
Не собравшись съ разумомъ, въ люди отдала.
Въ чужихъ людяхъ, матушка, жить было
умѣючи,
Умѣючи, матушка, да все разумѣочи.
Въ чужихъ людяхъ, матушка, три заботы на
умѣ:
Первая заботушка—свѣкоръ да свекровушка,
Другая заботушка—деверь да золовушка
Третія заботушка—мужня удала голова:
Нашенъка не пахана, бѣла рожь не сѣяна.
Первой-атъ годочикъ млада въ горѣ прожила,
Другой-атъ годочикъ сиротою прослыла,
Въ третій-атъ годочикъ не гульливая была,
Въ четвертый-атъ годочикъ дѣти малые пошли,
Дѣти малые пошли, изсушили молоду,
Изсушили молоду, сокрушили зелену.

Ср. выше, пѣсню 1484.—Ред.

1515 (7).

Ты лучина-ль, лучинушка, лучина моя!
Что-жъ ты, лучинушка, не ясно горишь?
Что-жъ ты, хозяюшка, не весело сидишь?
Аль у те, хозяюшка, хозяина нѣть?
— Ужъ уѣхалъ-то хозяинъ въ поле пашеньку пахать,
Приказалъ сударь-хозяинъ въ поле завтра-
вать нести.—
И я попашу, самъ на солнце погляжу.
Вотъ и солнушко на обѣдѣ, жена ѿсть не
несеть,
И я выпрягу лошадушку, пойду домой,
И я вырѣжу лозу на упрямую жену.
Подѣзжаю ко двору, жена ходить по двору.
Ужъ набѣлена жена, нарумянена.
Я спрошу у своей женѣ, спрошу у барыни
своей:
„И ты гдѣ, жена, была, гдѣ погуливала?“
— Я была, сударь, была я у крестничковъ
твоихъ,
За твое, сударь, здоровье чару выкушала.—
„Ай спасибо же, жена, не забыла про меня.“
— Ужъ какъ мнѣ тѣблѣ забыть, я не знаю
какъ избыть!

1516 (8).

Свѣти-ка, ты, мѣсяцъ, не низко, высокѣ,
Не низко, высокѣ, не близко, далѣко.
Не близко, далѣко, во всѣ чисто поле!
Во чистымъ полѣ дѣвка просо полѣть,
Дѣвка просо полѣть, бѣлы руки колеть:
Мнѣ жалко дѣвѣцы, скину рукавицы,

Скину рукавицы, подарю дѣвицѣ:
Пущай дѣвка полетѣ, бѣлыихъ рукъ не колетъ.
Послать бы мнѣ свата за себя посватать!
Попѣ-атъ не вѣнчаетъ, онъ за сына чаетъ,
А дѣяконъ-атъ говорить, онъ за сына норовить,
Понамарь не служить, самъ дѣвшку любить.
Поѣдемъ-те, братцы, мы въ лѣсъ за охотой,
Наловимъ-те, братцы, разныхъ звѣрковъ
много,
Поймаемъ-те, братцы, попу-та куницу,
Попу-та куницу, дѣякону лисицу,
Понамарику бѣдному хоть зайчика сѣраго,
Просвирнѣ горюшѣ хоть заичи уши,
Просвирниной дочкѣ хоть заичи ножки.

1517 (9).

Я вспашу, вспашу пашенку, я посѣю конопѣлку!
Уродись, моя конопля, и тонка и высокѣ,
И тонка и высокѣ, и листомъ широка.
Какъ на этой на коноплѣ дорога птица сидѣла,
Дорога птица сидѣла, жалобнѣхонько пѣла;
Она пѣла, распѣвала, свое горе забавляла.
Лучше бы, я зналъ, не женился,
Холостой бы я волочился.
Я пойду во торжочикъ, куплю себѣ гребешечикъ,
Куплю себѣ гребешечикъ, стану голову чесать;
Положу свои очёски на окошко. [сати;
Гдѣ ни взялись вѣтры буйны, понесли мои
очёски,
Понесли мои очёски вдоль по матушкѣ по Волгѣ,
Вдоль по матушкѣ по Волгѣ, по широкой,
по дѣлѣ.
Тутъ дѣвушки платье мыли, красавицы колотили,
Красавицы колотили, мои кудри спохватили.

1517а (9а).

Ой дѣвица у воротъ, у воротъ
Красавица у широкихъ стоять:
„Ты, дѣвица, первый мово коня,
Красавица, коня воронаго,
Сѣдѣлице ново кованое,
Струмена-то позолоченыя.
Ужъ ты пѣреймешь, не пѣреймешь коня,
Попеняю свою радость на тебя.“
— Безъ тебя, мой другъ, постель холодна,
Одѣяличко заинdevло,
Подушечки потонули во слезахъ,
Перинушки пропадаютъ во тоскахъ,

Тебя, мой другъ, ожидаючи,
Свое горе проклинаючи.

1518 (10).

Соловей мой, соловей,
Молоденъкій, лѣгононъкій,
Голосочикъ тоненъкій!
Не пой, не пой, соловей,
Громкимъ голосомъ своимъ,
Не давай тоски назолы
Сердечушку моему!
Ужъ и такъ мое сердечко
Надорвалось плакучи,
Я не знаю, по чему.
Знать, по ней-же, знать, по ней,
По сударушкѣ своей!
Ты, сударушка моя,
Одолѣла ты меня,
Одолѣла, уѣзжала
Въ чужи дальни города.
Ужъ мнѣ некого нанять,
По сударушку послать:
Ужъ мнѣ малаго нанять,—
Малъ не смыслитъ, какъ сказать;
А мнѣ стараго нанять,—
Старъ не дойдетъ до неё;
А мнѣ ровнушку послать,—
Ровня самъ охоч гулять:
Ужъ онъ пойдетъ по неё,
Засидится у нея,
Заглядится на неё,
На ея бѣло лице,
На прекрасну красоту.
Ужъ и, знать, мнѣ молодцу
Подниматься самому
По сударушку свою!

1519 (11).

Всё на свѣтѣ перымѣнилось:
Правды нѣть ни въ чемъ,
Хорошаго нѣть ни въ чемъ.
Ноныче, братцы, здѣсь
На Московскихъ дѣвокъ спѣсь:
Башмачки носять глубоки,
А гребеночки высоки,
Живота туго подтянуть,
Груди выставлять вперѣдъ.
Нынъче дѣвушки лукавы:
Не влюбляйся въ нихъ никто;
Быть не можетъ того, статься,
Не обманутъ онѣ насы.

1520 (12).

Вспомни, милая, гдѣ мы съякалися!
Мы съякалися во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, при долинушкѣ,
Что подъ бѣлою подъ березою.
Куды я не пойду, всѣ плакать велять,
Всѣ плакать велять по своемъ горѣ;
Слова не промолвила, милый радъ отстать.
Во былымъ личикѣ дѣвка перымѣнилась,
Во скорой походочкѣ дѣвка заплется.
Вспомни, вспомни, милый мой, гдѣ мы съя-
калися,
Съякалися, миленькій, подъ горькой осиною!

1521 (13).

Какъ по Питерской по славной по дорожкѣ
Стояла тутъ ивлинка тонкѣ, бѣла, высокая,
И листиста, и вѣтвиста.
Какъ подъ этой подъ ивлинкой лежить ду-
шечка дѣтинка,
Онъ избить больно, израненъ, вострымъ конь-
цомъ истыканъ;
Его дождичкомъ примочило, краснымъ сол-
нышкомъ прижарило.
Что возговарить дѣтинка: „Охъ, ты матушка
елинка!
Отпусти ты свои вѣтви отъ верхушечки до
Прикрой мое тѣло бѣло, [корня,
Тѣло бѣло, молодецко!
Какъ меня Боже помилуетъ,
Государь меня пожалуетъ,
Изукрашу я елинку
Лучше душечки дѣвіцы,
Лучше душечки дѣвіцы,
Лучше мѣлодой молодицы:
Я на всякий на сучётикъ по лазореву цвѣ-
точку,
Я на саму на верхушку я ленточку голубую“.

1522 (14).

За рѣчкою за быстрою слободка стоитъ,
Во слободкѣ молодая вдова живѣть.
У вдовушки дочь хорошая ростѣть,
Про неё слава хорошая идѣтъ:
Лицѣ бѣло, словно бѣленъкій снѣжокъ,
Щечки алы, словно аленькій цвѣтокъ,
Брови чёрны, съ поволокою глаза.
У воротъ дѣвка стояла съ молодцомъ,
Красавица говорила съ молодцомъ:
„Полно, молодецъ, по улицѣ ходить,
Полно, миленькій, пусты рѣчи говорить,
Пусты рѣчи, всѣ наносныя слова!“

1523 (15).

Со той ли сторонушки вѣтры подымались,
Вѣтры подымались, подружки съѣзжались,
Подружки съѣзжались, надѣйней дивовались:
„Подружка, голубушка, что сидишь не весело?
Что сидишь не весело, головку повѣсила?“
— Подружки, голубушки, какъ мнѣ не пе-
чалиться?
Какъ мнѣ не печалиться? Рѣдко съ милымъ
вижуся.—

Слыши, въ рощѣ гаркаютъ, поютъ,
Гаркаютъ, поютъ, въ теремѣ голось подаютъ,
Воть и въ гудки, въ рожки, наши милые
дружкѣ.

Дѣвка зарадовалася, къ милому бросалася:
„Охъ, ты миленький, милой, зачѣмъ ходишь
ко иной?

Похваляешься ты мной, моей русою косой!
Моя русая коса всему городу краса,
Всѣмъ холостымъ сухота, а женатымъ грусть
тоска,
Всѣмъ женатымъ грусть-тоска, а мнѣ дѣвкѣ
честь-хвала!“

1524 (16).

Веселая голова!
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади:
Отцу матери безчестье,
Роду-племени покорь.
Мнѣ головушкѣ вдалбй,
Мнѣ нельзя притти домой,
Сказать матушкѣ родной.
И я матушкѣ скажу
И я эдакъ и воть такъ:
Скажу, по саду гуляла.
Скажу, яблочки рвала
Я наливчатыя,
Я разсыпчатыя.
Я на бѣло блюдо клала,
На серебреный поднось,
Ко милу дружку носила
Во высокій во теремъ.
Миль подарокъ не пріймаеть
И отвѣту *) не даетъ,
Словно его дома нѣть.
Воть я топнула ногой,
Сама съ терема долой:
„Оставайся, прахъ съ тобой!
Не ругайся надо мной,

Надѣй дѣвичьей красотой,
Надѣй русою надѣй косой,
Съ алой лентой, голубой.“
На ступеничу ступила,
Призадумалася,
На другую я ступила,
Образумилася,
Я на третію ступила:
Ворочусь до те назадъ,
Дружку выговорю,
Вѣ глаза выбраню:
„Я за что тебя люблю,
На что мерзкаго дарю?
Я за сѣпетку одѣжу,
Я за частую походку“.

*) Рук. отвѣту—Ред.

1525 (17).

Дорожка, дорожка, торна широка!
На тебѣ, дорожкѣ, жѣлтеньки песочки,
На этихъ песочкахъ стоять три садочка:
Вѣ первымъ садочкѣ кукушка кукуетъ,
Вѣ другімъ садочкѣ дѣвушка горюетъ,
Вѣ трѣтіемъ садочкѣ мать сына спрашаетъ:
„Сынъ ли мой, сыночкѣ, ясный соколо-
чикъ!

Ты скажи, сыночкѣ, кто въ роду милѣе:
Жена, али тѣща, али мать родная?“
— Жена по привѣту, тѣща по совѣту,
Нѣть въ свѣтѣ милѣе матушки родимой!

1526 (18).

Вы заводы-ль мои, вы кирпичные,
Вы кирпичные, горемычные!
Ужъ и кто этотъ заводъ завѣль?
Заводиль этотъ заводъ добрый молодецъ,
Добрый мѣлодецъ Иванъ Федорычъ;
Разоряла-то заводъ душа красна дѣвушка,
Красна дѣвушка Палагеюшка.
Разорѣмши заводъ, сама въ лѣсъ пошла,
Сама въ лѣсъ пошла по калинушку,
По калинушку дѣвка, по малинушку.
Не въ лѣсу ли, не въ лѣсу дѣвка заблуди-
лася,
На рябинушку дѣвка заглядѣлася,
На кудрявую дѣвка засмотрѣлася.
Ты рябина ли моя, ты кудрявая,
Ты кудрявая моя, моложавая!
Ты не стой-ка, не стой на крутой горѣ,
На крутой горѣ близко ко быстрой рѣкѣ,
Ко быстрой рѣкѣ, къ Волгѣ матушкѣ.

Какъ придѣтъ-та, придѣтъ весна красная,
Весна красная, лѣто теплое,
Обогрѣть тебя красно солнышко,
Какъ польѣтъ-то, польѣтъ съ крутыхъ горъ
вода,
Какъ подмоетъ-то всѣ твои кореньицы.

Пѣсни 1509—1526 записаны П. В. Кимъ въ
концѣ юля—началѣ авг. 1832 г. Пѣсни 1509—11,
1514—18, 1520, 1521, 1523, 1525 и 1526 обозначены,
какъ „протяжныя“; пѣсни 1512, 1515, 1524—какъ
„скоморошны“ (пѣсня 1519, кромѣ того, какъ „ла-
кайская“), пѣсня 1513 названа „масляничной“.—
Ред.

г) Звенигородскій у., д. Воронки.

1527 (1).

Скажи, дѣвка, скажи, красная,
Скажи, лапушка, свѣтикъ моя, (2)
Вѣрю любиши ли меня?
— Я любить то не люблю,
Наглядѣться не могу,
Наглядѣться, насмотрѣться
На прекрасную твою (на) красоту.—
На его лицѣ румянецъ
Завсегда играетъ, въ лицѣ кровь.
Прежестокая съ милымъ любовь!
Мука злая, любовь съ милымъ большая,
Не разлѣчить меня съ нимъ никто:
Ни погода, ни вьюга,
Ни сильныи частыи дожди,
Только зайдетъ, остановитъ
Мати полая вода.
Разливалися рѣки, озёра,
Затопляли всѣ зелёные луга.
Я по бережку пойду,
Легкую лодочку найду,
Перевошика найду:
„Перевошикъ молодой!
Первеви меня на ту сторону къ ми-
лому дому.“

1528 (2).

Какъ проходять дорогиѣ наши дни,
Наступаютъ слезовыя времена!
Поглядѣль бы мой любезныи на меня!
Сколь желанію было его сердце до меня!
Слышу, вижу, миль, досаду сама надѣть собой;
Никому я про досаду свою не скажу,
Я ни батюшкѣ, ни матушкѣ родной,
Я скажу, скажу подруженкѣ тайной:
„Ты подруженка, голубушка, радость моя!
Что за горе вышло, за несчастье на меня!
Осердился мой любезныи дружокъ на меня;
Онъ сердитъ, сердитъ, не кланяется милый
со мной,
Поклонится, отворотить бѣлое лицо.
Миль ходить по широкому двору,
Онъ заходитъ во конюшenkу нову,

Онъ берѣтъ, берѣтъ черкасское сѣдло,
Онъ сѣдлаетъ свою ворона коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора,
Становился противъ краснаго мово окна,
Говорилъ рѣчъ: „Прощай лапушка, радость
Я уѣду въ чужой дальни города, [моя!
Я уѣду, не пріѣду къ тебѣ никогда!“

1529 (3).

Никакъ невозможно
Безъ печали жить,
Любить дружка можно,
Нельзя не тужить:
Во вѣки такого
Дружка не нажить!
Вздумаю про милаго,—
Не миль бѣлый свѣтъ.
Не миль бѣлый свѣтъ,
(Уйду въ тѣмный лѣсъ) *)
Бѣжала бѣ я въ лѣсъ!
Въ лѣсу пользы нѣту:
Всё листья летятъ;
Про то древо знаетъ,
Печально стоять;
Всѣмъ шташкамъ извѣстно,
Жалобно поютъ,
А мнѣ красной дѣвицѣ
Наздѣлу даютъ.
Охочь, охочь миленъкій
По лѣсу гулять,
Гораздъ, гораздъ миленъкій
По кустамъ стрѣлять;
Застрѣлиль онъ дѣвица
Изъ (за?) частѣ куста,
Изъ (за?) частѣ вѣтви
Во бѣлую грудь.
„Не гиѣвайся, дѣвица!
Любиль, застрѣлиль:
Не стой со другимъ;
Не то-то мнѣ тошно,
Что ты съ нимъ стоишь,
А то-то мнѣ тошно,
Про что говоришь“.

*) Вставлено позднѣе въ скобкахъ же.—Ред.

1530 (4).

Достовалась я старому молодá:
Не пущаетъ старъ на улицу гулять;
Хошь и пустить естыли, во слѣдъ за мной
слѣдить,
Мои глазыньки не взглянуть на него.
Какъ за рѣченъкой слободушка стоять,
Во слободкѣ молодá вдова живеть,
У вдовушки дочь хорошая растетъ,
Лицомъ бѣла, щёчки—розовый цвѣтокъ,
Черны брови изсушили молодца,
Щеголихи разорили до конца.

1531 (5).

Опоздалъ я въ рощицѣ молодчикъ,
Самъ не знаю, куды пройтить;
Скучно въ лѣсѣ ночевать,
Знать, дѣвочку поджидать.
Идѣть дѣвка къ нему во лѣсокъ,
Подаетъ свой тонкій голосокъ,
А онъ ей возрадовался,
Выше лѣсу поднялся,
Выше лѣсу, выше горъ,
Сизокрылымъ голубкомъ.
Тутъ ходили, тутъ гуляли
Московскіе егоря,
Увидали голубка;
Хотять голубя убить,
Хотять его застрѣлить:
Молодцы вы егоря!
Не стрѣляйте голубка.
Пролетить голубь, утѣшить,
Поворкуть, взвеселить!

1532 (6).

Отъ чего я, красна дѣвка, зло мученьице
терплю?
Зло мученьице терплю, одного дружка люблю:
Судьба съ милымъ разлучаетъ, далеко милой
живеть:
За морями, за далями, промеждѣ двухъ горъ
высокихъ,
Промеждѣ двухъ горъ высокихъ, тамъ су-
дарушка живеть.
Со восточной со сторонушки миль пріятенъ
воздухъ поносилъ,
Что такой воздухъ пріятный, размалиновы
духі:
Знать то, знать, моя милая подъ окошкомъ
сидить,
Подъ окошечкомъ сидить, во стеколушко
глядить,

Во стеколушко глядить, таки рѣчи говорить:
„Что нынче за люди, люди неразсудливые?
Старыя старухи чертовки не разгадливыя?
Вѣрно, онъ сами молоды не бывывали,
Никакой любви не вѣживали,
На широкую на улицу гулять не хаживали.“
Ты скажи, моя милѣа, вѣрно любишь ли меня?
Коли любишь, такъ скажи, а не любишь,
лучше откажись.
Если любишь ты меня, возьму за мужъ за
себя.
Если ты меня не любишь, убью съ горя
самъ себя,
Свѣта бѣлаго лишуся, въ сырѣ землю тлѣть
пойду.
Пущай про насть люди скажутъ, что вѣренъ
мальчикъ былъ,
Что вѣренъ мальчикъ былъ, одноѣ тебя лю-
билъ,
Одноѣ тебя любилъ, самъ себя съ горя убилъ!

1533 (7).

Вы, молодчики, размолденъки дружки,
Ваши ласковы, разпривѣтливы сердцу слова!
Безъ огню-то мое сердце изожглось,
Что безъ вѣтру мои мысли разнесло,
Разнесло мысли вдоль по чистымъ полямъ,
Вдоль по чистымъ полямъ, по зеленымъ лу-
гамъ.

Кто бы, кто бы мому горечку помогъ,
Кто бы, кто бы мое сердце сократилъ,
Со пути-ли, со дорожки дружка воротиль?
Возвратися ты, мой миленький, назадъ!
Наглядитесь, очи ясныя, въ запасть,
Не страдало бъ мое сердце хоть на часъ.
Сидѣла бъ я въ новой горницѣ одна,
Бѣлой грудью я на краснымъ окнѣ,
Глядѣла бъ въ чисто поле далеко,
Я роняла горючи слезы изъ глазъ,
Я браница бъ чужѣ дальнию сторону:
„Ты злодѣй, ты злодѣй, чужа дальня сторона!
Разлучила меня съ отцемъ съ матерью,
Во вторыхъ-то, съ любезнымъ дружкомъ,
А во третьихъ, со родимой стороной“.

1534 (8) *).

Какъ за рѣченъкой слободушка стоять,
Во слободушкѣ молода вдова живеть,
У вдовушки дочь хорошая растетъ,
Лицомъ бѣла, щёчки—розовый цвѣтокъ,
Черны брови изсушили молодца,
Щеголихи разорили до конца.

*) Ср. выше пѣсню 1530; таже?—Ред.

1535 (9).

Я вечеръ свою милоба
Унимала ночевать,
Унимала, увѣряла:
— Ночуй, милый, у меня!—
„И я радъ бы ночевать,
Боюсь дѣ-свѣту проспать“.
— Не пасайся, мой любезный,
Я сама рано встаю, 2
Завтра рано разбужу, 2
Тебя дальше провожу.—
До тѣхъ поръ я провожала,
Гдѣ скончалася любовь,
Гдѣ скончалася, распрошалась,
Слезно плакала по нѣмъ,
Слезно плакала, рыдала;
Со слѣзъ рѣчка протекла.
Течѣтъ рѣченъка Казанка
Съ бережками наравнѣ; 2.
По ней легкія волны.
Возьму волны размахну,
Паду грудью на воду,
Паду грудью на воду,
Во самую глубину,
Сама рѣчи говорю:
„По тебѣ, злодѣй, тону!
По тебѣ ли, по себѣ-ли,
По разлукѣ по своей!“
— Разъ я тѣмъ тебя прогнѣвалъ,
Вечоръ долго не бывалъ,
Что я долго не бывалъ?
На улицѣ прогулялъ,
Въ хороводѣ проигралъ.

1536 (10).

Уѣзжаетъ мой любезный въ чужій дальни
страны:
„Живи, моя хорошая, живи не печалься!
Во тоску-то, во кручину, въ тоску не вда-
вайся.
Встоскуюсь, взгорюсь, пиши ко мнѣ
письма“.
— Писать письма не умѣю, писарѣмъ не
вѣрю;
Когда вздумаю-взгадаю, сама побываю,
Сама къ тебѣ побываю, все про все узнаю.—
Какъ по травкѣ, по муравкѣ ковыль трава
вѣтается,
У молодца сердечушко трепещется, бѣтается,
Трепещется, бѣтается, на часъ не уимется.
— Про насъ съ тобой, любезный мой, лихи
люди судять! —

„Пушай судять, пушай рядятъ, что я тебя
люблю!
Люблю тебя хорошую, любить таки буду,
До тѣхъ поръ я любить стану, когда самъ
отстану;
Когда самъ отстану, любить перестану:
Я безсчастный, безталанній на свѣтѣ ро-
дился“.
Въ чистомъ полѣ на раздолѣ выростало
древо,
Выростало тута дерево—берёзинка бѣла,
Бѣла бѣла, кудрява, тонка, высокая,
Тонка, высокая, листомъ широкая;
Что на той-ли на берёзѣ сидѣлъ сизъ го-
лубчикъ;
Онъ не сизенький голубчикъ,—удалый молод-
чикъ;
Передъ младцемъ дѣвочки стоять, слезно
плачать,
Она плачетъ и рыдаетъ, бѣзчестье пріймается;
Парень дѣвку парень красну плакать уни-
мается:
„Не плачь, дѣвка, не плачь, красна, не
плачь, дура глупа!
Если будешь, дура, плакать, буду больно
бити,
Ужъ я буду больно бити, не буду любити;
Тебѣ, дурѣ, будетъ больно, а мнѣ парню
стыдно!“
— Вотъ подруженъкамъ голубушкамъ, вамъ
впередъ наукѣ,
А намъ съ тобой, любезный мой, вѣчная
разлука.
Совыканье было тайно, разставанье явно;
Совыкались мы съ тобой подъ бѣлой берёзой,
Разставались мы съ тобою подъ горькой
осиной.

1537 (11).

Распроклятая дѣвчонка кляла свое сердце:
„Распроклятое такое, мое сердце злое!
Сердце злое, ретивое, все во мнѣ изныло,
Всё изныло, изорвало по миломъ дружочекъ.
Я кого вѣрно любила, все по немъ тужила,
Всё плакала, горевала, мало ночи спала.
И я ночи до полночи, два часа ночи пробило,
Сижу дѣвка, сижу красна, сижу сиротина,
Погляжу млада въ окошко—на дворѣ день
бѣлый, заря,
Мнѣ молоденькой спать пора.
Я той воли не имѣла, безъ милоба спать не
смѣла.“
Какъ на горкѣ, на горѣ, на шелкѣвой на
травѣ

Сидитъ Маша за цвѣтами, обливается слезами;
Во слезахъ она дружка не узнала, разбѣстѣй назвала:
„Ты разбестія, каналья, отойди прочь отъ меня,
Отойди прочь отъ меня, я постылая твоя!“
Опосляе дружка стало жалко, за ворота выхожу,
За ворота выхожу, безъ стыду дружку кричу:
„Воротися, мой милой, распростимся мы съ тобой!“

1538 (11).

Не велять Машѣ на улицу ходить,
Не велять Машѣ молодчика любить,
Молодчика молоденькаго,
Не женатаго, холостенькаго:
Холостой парень—любитель дорогой,
А женатый—разобидчикъ, воръ такой,
Онъ не чувствуетъ любви никакой,
Какова любовь на свѣтѣ горяча,
Горяча любовь—слезами залита;
Съ тобой, миленький, разлука тяжела:
По разлукѣ сердце ноетъ завсегда.
У Машеньки заплаканы глаза,
У красавицы затѣрты рукава.
Вечёръ Машеньку побили за тебя,
За тебя ли, удалова молодца.
А со тѣхъ побоевъ во постелюшку слегла,
Во постели три недѣли лежала,
На четвертую выздоравлиала,
На пятую во зеленый садъ гулять пошла.
Мимо рощицы, зеленаго сада
Лежала тутъ дороженька торнѣ,
Торнѣмъ торнѣ, пробита до песка.
Кто эту дороженьку проторил?
Добрый молодецъ ко дѣвушкѣ ходилъ,
Много золота и сѣребра носилъ,
Безъ расчету золотой казной дарилъ,
Безъ обмѣру сладкой водочкой поилъ,
На закуску сладкій пряникъ разломилъ!

1539 (12).

Полно, милая, крушиться
Тайнымъ серцемъ обо мнѣ:
Намъ пора съ тобой открыться!
Скажу, милая, тебѣ:
Не теряй красы своей напрасно,
Не томи пріятный долгій вѣкъ;
Важное времяячко проходитъ,
Протекаютъ дорогіе дни;
Жизнь плачевная приходитъ,

Придуть горестны часы,
Посѣчѣть судьба несчастье,
Разовьются у Маши волоса,
Расплетѣтся русая коса.
Всѣ селеньице ваше большое,
Всѣ селенье ваше преизошоль,
Лучше, краше Маши не нашолъ;
Есть и лучше, есть и краше,
Мому сердцу милѣй нѣть!
Разкрасавица, моя забава,
Уродилась очень хороша:
Безъ бѣлиль лицо бѣльеть,
Безъ румянъ щѣчки алѣ.
Когда травушка въ полѣ завянетъ,
Въ самый жаркій лѣтній, долгій день,
Красоты въ лицѣ не будетъ,
И важность-нѣжность опадетъ вся,
Чёрны брови наведу,
Во горенку дружка заведу.

1540 (13).

Безъ поры-то, безо времія
Стала трава сохнуть:
Безъ прилуки миль Ванюша
Въ иную влюбился,
Въ иную влюбился,
Волюшки лишился.
Охъ ты воля, моя воля,
Воля дорогая,
Воля дорогая!
Дѣвка молодая
Дѣвка по саду гуляла,
Красоту теряла,
Красоту теряла,
Въ острожокъ попала;
Стыдно дѣвѣ, стыдно красной
Въ острогѣ сидѣти,
А еще того тошнѣ,
Въ окошко гладѣти.
Мимо мѣдного окошка
Лежала дорожка;
Какъ по этой по дорожкѣ
Много ходятъ,ѣзжатъ:
Господа єдутъ, бояры,
Купцы и мѣщане,
Купцы и мѣщане,
Мужики-крестьяне;
Мово милаго Ванюши
Его здѣся нѣту:
Знать, мой миленький Ванюша
За рѣкой гуляетъ,
Онъ за рѣченькой гуляетъ,
За быстрой шатаетъ.

Не одинъ миленъкій гуляетъ,—
Съ красною дѣвицей,
Съ красною дѣвицей,
Съ кунической дочкой.

1541 (14).

Разирелестны твои взоры
Заразили очи:
Съ той поры у молодца
Нѣть спокою въ тѣмной ночи.
Скажи, лапушка, въ глаза мнѣ,
Кого вѣрно любиши?
— Не умѣю, мой голубчикъ,
Любить, въ глаза лицемѣрить,
Я сама, дѣвушка, въ тебя влюбилась,
Сама волюшки лишилась,
Своей волюшки лишилась,
Въ бѣломъ лицѣ перъмѣнилась,
Въ бѣломъ лицѣ перъмѣнилась,
Съ дружкомъ разбранилась,
Пошла домой не простила:
„Ты прости, моя милая,
Съ черными бровями!“
Ахъ вы брови, мои брови,
Брови мои чёрныя!
Запропала дѣвушка съ вами,
Съ вами съ чёрными бровями:
Стыдно дѣвкѣ, стыдно красной
За ворота выйтить.
Пойду, выйду за ворота,
Луга и болоты,
Пойду, выйду за новые,
Луга зеленые.

1542 (15).

Молодка, молодка моло́денька!
Головка твоя побѣденъка!
Не съ кѣмъ тебѣ молодушкѣ ночь спать-но-
чевать,
Ночь спать-ночевать, осеннюю коротать;
Обуяла грусть - тоска безъ милова безъ
дружка,
Тоска-грусть беретъ: далеко милый живеть,
Далѣко, далеко, на той сторонѣ,
На той сторонѣ, не близко ко мнѣ.
„Перейди, сударушка, на мою сторонушку!“
— Я бы рада перешла, переходу не нашла;
Переходъ нашла, да жердочка тонка,
Боюсь, обломлюся, боюсь, утоплюся*).—
На той ли на рѣкѣ на Дунай купался боберь,
Купался, купался, да и не выкупался,
Не выкупался, лишь вымарался,
На горку взошелъ отряхивался,

Отряхивался, охорашивался.
Охотнички свищутъ, черна бобра ищутъ,
Хотять бобра бити, хотять застрѣлiti,
Хотять застрѣлiti, съ бобра кожу снятъ,
Кунью шубу шить, бборомъ обложить,
Дѣвку полюбить, шубой подарить.
Дѣвица идѣтъ, шубы не берѣтъ:
„Милый ты мой, не стой передо мной,
Люди-то скажутъ, что любиши меня.“

*) Первая 12 строкъ пѣсни зачеркнуты: начинается другая пѣсня? ср. ниже пѣсню 1554а.— Ред.

1543 (16).

Ой вѣ полѣ, полѣ
Елочка стоять,
Молодецъ лежитъ;
Боронъ конь стойть,
Зѣмельку сѣчеть,
Воды достаетъ.
Возговарить молодецъ
Борону коню:
„Вѣрно тебѣ, конюшко,
Воды не достать,
А мнѣ добру молодцу
Отъ зѣмли не встать;
Какъ наѣдетъ армія,
Да все Москали,
На тебя на Ѳоника
Сядутъ, поѣдутъ,
А мнѣ добру молодцу
Смерти придадутъ!“

1544 (17).

Безо врѣмечка бѣлы снѣжки выпали,
Безо врѣмечка вышли, сѣредь лѣтчика,
Середь лѣтчика, въ самыя Петровочки,
Во Петровочки, время—сѣнокосное;
Ко бѣлу свѣту бѣлы снѣжки стаяли,
Со тѣхъ снѣжковъ протекала рѣченъка.
Течеть рѣченъка, да рѣченъка быстрая,
Быстрая, струистая, круто бережистая.
Нельзя Машенькѣ ходить за рѣченъку за
быструю,
Нельзя Машенькѣ любить парня браваго,
Парня браваго, бѣлаго, кудряваго.
Хочеть Машенька безъ дружка прожить,
Безъ дружка прожить, безъ гулянъица,
Безъ гулянъица, безъ худой безъ славушки.
За досадушку Ванѣ показалося,
За досадушку за великую:
Какъ ударила Машу по бѣлу лицу,
По бѣлу лицу по румяному;

Изъ бѣла лица руда брызнула,
Изъ ясныхъ очей слезы покатилися;
„Не отъ батюшки плачу, не отъ матушки,
Отъ свово дружка отъ Иванушки!“

1545 (18).

Какъ не самъ-то я ко любушкѣ пошолъ,
Я разбестю лакея посыпалъ,
Чтобъ сама ко мнѣ сударушка пришла,
Въ окошечко бѣлы руки подала,
Цѣловала, миловала меня молодцѣ,
Цѣловамши угаваривала:
„Ты раздущечка, удалий молодецъ,
Что ты, миленький, не женишся,
На кого дружекъ надѣялся?“
— Я надѣялся на душечку,
На тебя, душа Катюшечка.—
„Не надѣялся, мой любезный, на меня,
Я не вѣрная надѣжинка твоя.“

Пѣсня обозначена какъ „лакейская“.—Ред.

1546 (19).

Во горенкѣ во новой
Стоять столикъ убраной,
Покрыть розовой тафтой;
Ко этому ко столу
Никифоръ свѣтъ подходилъ,
Агаповичъ подходилъ,
Чашку кофью наливаль,
Аграfenъ подносилъ,
Ивановъ подносилъ:
„Аграфена, жизнь моя!
Ивановна, лапушка!
Выпей кофей у меня,
Возьму замужъ за себя“.

Пѣсня обозначена: „Свадебная (полулакейская)“.—Ред.

1547 (20).

По сѣнямъ я ходила, по новымъ гуляла,
Ей, ей ехо-хо, ей, ей, бхти мнѣ!
Русу косу чесала, алу ленту вплетала,
Ручки въ пазушку клалѣ,
Къ себѣ милаго ждала,
Ей, ей, ехо-хо, ей, ей бхти мнѣ!
Моя русая коса всему городу краса,
Всѣмъ холостымъ сухота,
А женатымъ грусть-тоска,
А малымъ плаканье, а старымъ оханье!
Ей, ей, ехо-хо, ей, ей, бхти мнѣ!
Охъ ты миленькой милой,

Выхваляешься ты мной, моей русою косой,
Не смѣешься ль надо мной?

Ей, ей, ехо-хо, ей, ей, бхти мнѣ!

Пѣсня обозначена, какъ „плясовая“.—Ред.

1548 (21).

Со восточной, со восточной со сторонки
Не студёнъ-то холодѣнъ вѣтерокъ поносить;
Всѣ дубровушки во полѣ разшумѣлися.
Ничего-то во шуму, въ рощѣ не слышно,
Во туманѣ никого невидно,
Только видно, слышно одинъ голосочикъ,
Голосочикъ-атѣ слышно человѣчий,
Человѣка слышно не простого,
Не простого,—козака Донского,
Моего-то дружка размилова.
Мой-атѣ миленький по рощѣ гуляетъ,
Развеселую свою пѣсню распѣваетъ,
Разлюбезную свою часто вспоминаетъ:
Кабы слышала моя размилая,
Свѣтликъ, лапушка моя, дорогая,
Она вышла бы ко мнѣ на ново крылечко,
Промолвила бы со мной єдное словечко,
Обрадала бы мое ретиво сердечко;
Не такъ-то бы мому сердцу было тошно,
Не такъ-то бы моему животу досадно.

1549 (22).

Я подѣ первый подѣ случай никому я не
спушаль,
Я ни батюшкѣ, ни матушкѣ, ни брату своему,
Ни князьямъ я, ни боярамъ, ни сильнымъ
богатырямъ.

Со вечера разбойнички собирались на разбой,
Со полѣночи разбойнички разбойничали,
Ко бѣлѣ свѣту разбойнички домой они ка-
тятъ.

Ужъ какъ мой-атѣ другъ сердечный напе-
редъ онъ всѣхъ катить,
Напередъ онъ всѣхъ катить, девятерыхъ
коней съ собой ведеть,
Девятерыхъ коней ведеть, на десятомъ самъ
сидить:

„Отпирай, жена, ворота, примай злата-серебра,
Примай цвѣтино мое платье, не развертывай
его.“

Не стерпѣла, развернула, заливалася слезьмъ:
— Охъ! ты воръ, ты воръ, разбойничекъ,
воръ, мой миленький дружокъ!
И ты сѣялъ, ты погубилъ братца родного
мово,
Братца роднаго мово, еще шурина свово!—

И я вслѣдъ ему кричалъ, черной шляпою
махалъ:
„Воротися шуринокъ, воротися животокъ!“

1550 (23).

Охъ вы горы, мои горы, вы высокія,
Вы высокія горы, Воробьевскія!
Ничего-то вы, горы, не породили,—
Породили вы горы бѣль горючъ камень.
Изъ подъ камушка растеть часть ракитовъ
кустъ,
На кусту сидѣть младъ сизой орель;
Во когтяхъ-то онъ держить чёрна ворона,
Онъ не бѣть-то его, только спрашивается;
„И ты гдѣ же, воронъ, былъ, гдѣ, сизой, по-
гуливавъ?“
— Ужъ я былъ то, побывалъ во дикой во
степей,
Во дикой-то степи былъ я во Саратовской,
Я видѣль-то диво дивное:
Что лежитъ-то тутъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое лежитъ молодецкое.
Какъ никто-то къ тѣлу не подступится.
Прилетали-то къ тѣлу три пташечки:
Первая пташечка—родимая матушка,
Другая пташечка—сестра рѣдная,
Третья пташечка—молодая жена.
Мать-то плачетъ, какъ рѣка прошла,
А сестра-то плачетъ, какъ ручьи протекли,
А жена-то плачетъ, какъ роса пала.
Красное солнушко взошло, роса высохла,
Молодая то жена во кабакъ пошла,
Во кабакъ пошла, семерыхъ нашла.

1551 (24).

Ой, матушка, тошно мнѣ,
Сударыня, грустно мнѣ,
Умереть съ горя хочу!
— Не умирай, дитятко,
Не умирай, милое,
Безъ духовнаго попа!
Не привестъ ли, дитятко,
Не привестъ ли, милое,
Да духовнаго попа?—
Не надо мнѣ, матушка,
Не надо, сударыня,
Мнѣ духовнаго попа:
Приведи мнѣ, матушка,
Приведи, сударыня,
Я кого вѣрно люблю;
Люблю я, матушка,
Люблю, государыня,
Я Донскѣвъ казака.

Козачѣкъ милѣшенекъ,
Козачѣкъ глупѣшенекъ,
Козакъ добрый человѣкъ.
Чесаль казакъ кудѣрки,
Разчесываль русыя
Частыѣмъ рыбьимъ гребешкомъ.
Разчесамиши кудѣрки,
Разчесамиши русыя,
Пухову шляпу надѣль.

Надѣмши онъ шляпочку,
Надѣмши пуховую,
Вдоль по улицѣ прошолъ.

Прошедши онъ улицу,
Прошедши широкую,
Быстра рѣченъка бѣжитъ.
По этой по рѣченъкѣ,
По этой по быстрой,
Тонка жёрдочка лежитъ;
По этой по жёрдочки,
По этой по тоненькой,

Мой миленький перѣходилъ.
Перѣломилась жердочка,
Перѣломилась тоненька,
Мой любезный потонуль.

Свалилася шляпочка,
Свалилася пуховая
Съ удалова мѣлодца;
Поплыла эта шляпочка,
Поплыла пуховая

Вдоль по быстрой по рѣкѣ.
Увидала дѣвица,
Увидала красная,

Изъ высокаго терема,
Проклинала дѣвица,
Проклинала красная,

Эту быструю рѣку:
Занесло бы рѣченъку,
Занесло бы быструю,
Да желтымъ пескомъ!

Каково же рѣченъкѣ,
Каково же быстрыей,
Безъ крутыихъ береговъ?
Таково-то дѣвицѣ,
Таково-то красавицѣ
Безъ милова жить безъ дружка!

Пѣсня отмѣчена „протяжной“.—Ред.

1552 (25).

Изъ тѣмнаго изъ лѣсочку,
Изъ ракитова кусточка
Долинка была,
Широка была;

Какъ по той ли по долинкѣ,
Какъ по той ли по широкой
Осока росла,
Зеленѣ росла.

Какъ по той ли по осѣкѣ,
Какъ по той ли по зеленой
Пастушокъ пасеть,
Стадо стережеть.
Дѣвица идѣть,
Красная идѣть,

Въ рукахъ несетъ два вѣночка,
Два вѣночка, два платочки—
Себѣ, да ему,
Дружку своему.
Пастухъ дѣвкѣ взрадовался,
За бѣлы руки хватался,
Началь цѣловать,
Началь миловать:
„Постой, дѣвка, красавица,
Дай со стадомъ поправиться:
Стадо соберу,
Домой погоню.“

Гонить пастухъ, подгоняетъ, молода жена
встрѣчаетъ:
„Жена моя, боярыня, московская сударыня!
Не жди почевать, я пойду гулять.
Меня дѣвки звали, красавицы подзывали
Къ себѣ почевать
На нову кровать.“
Вышель пастухъ на долинку,
Гдѣ пасеть свою скотинку;
Тутъ дѣвицы нѣть,
Красавицы нѣть,
Знать, дѣвица пріостала,
За часты кусты запала:
Не замай, уснетъ,
Не трогъ, отдохнетъ!

1553 (26).

Охъ, ночь моя, почка, почка тѣмная,
Ночка темная, ночь осенняя!
Молодка, молодка молоденькая,
Головка твоя распобѣденькая!
Съ кѣмъ тебѣ, молодка, почь спать, почевать?
Съ кѣмъ спать, почевать, съ кѣмъ ночь коро—
— Буюсь молода я ночь спать одна: [тать?
Лягъ спать одна безъ милова безъ дружка,
Безъ милова безъ дружка, обуяла грусть-тоска!
Грусть-тоска горе береть—далеко милой жи—
— далѣко, далѣче, на той сторонѣ, [ветъ,
На той сторонѣ, не близко ко мнѣ,
Не близко ко мнѣ, за Москва-рѣкой.
По той ли сторонкѣ идѣть мой милой,
Идѣть мой милой, машетъ правой рукой,

Ручкой правою, черной шляпою:
„Перейди, сударушка, на мою сторонушку:
На моей сторонкѣ гулянѣ и гульба,
Гулянѣ, гульба и пріятели-друзья.“
— Я бы рада перешла,—переходу не нашла,
Переходъ нашла,—жердочка тонка,
Жердочка тонка,—рѣчка глубока:
Боюсь, обломлюсь, боюсь, утоцлюсь.

1554 (27).

Молодка, молодка молодая!
Разлапушка, свѣтиктъ, дорогая!
Ты полно по улицѣ ходити,
Перестань чернію грязь тоштати,
Ты полно по милемъ тужити.
Ужъ какъ мнѣ по миломъ не тужити?
Во вѣки такого не нажити:
Хорошъ, пригожъ милый уродился,
Онъ ростомъ, дородствомъ, красотою,
Своей молодецкой похвальбою.
Я вечѣръ въ честномъ пиру сидѣла,
Я вечѣръ съ милымъ побраницась.
Побранка была съ нимъ небольшая:
Расканальскимъ сыномъ называла,
Чужою женою урекала,
Чужою женою, молодою.
Я не знаю, какъ со милымъ помириться?
Самой покориться—не годится,
Людей посылати—будто стыдно.
Пойду ко милому со винбю,
Со своей повинной головою,
Стану передъ милымъ на колѣнки,
Всплеснуся я бѣлыми руками,
Залъяся горючими слезами:
„Охъ! любчикъ мой, любчикъ, бѣленъкій го—
Не слушай ты разуму чужого, [лубчикъ,
Разума чужого, все глупоѣ.
Что люди ни бають, все смучають,
А нась съ тобой, милый, разлучають!“

1554a (27a) *).

На рѣчкѣ на Клязьмѣ купался бобёръ,
Купался бобёръ, купался черній;
Купался, купался, не выкупался,
На горку взошель, отряхивался,
Отряхивался, охорашивался.
Охотнички свищутъ, чернѣ бобра ищутъ:
„Гдѣ бы намъ найти, его застѣлить,
Его застѣлить, съ него кожу снять,
Съ него кожу снять, кунью шубу сшить,
Кунью шубу сшить, бѣромъ обложить,
Бѣромъ обложить, дѣвку полюбить,
Дѣвку полюбить, кунью шубу подарить.

*) Ср. выше, пѣсню 1542.—Ред.

1555 (28).

Здравствуй, милая, хорошая моя,
Чернобровая, порядочная!
Вотъ люлій, вотъ люлій!
Вотъ люлій, люлій, люлій!
Молода дѣвка, догадливая,
Ты счастливая, талантливая,
Ужъ и не кому голубушку мою
Приголубить мою радость безъ тебя.
— Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна,
Одѣяличко заинdevло,
Подушечки потонули во слезахъ,
Пуховеньки потонули въ горючихъ,
Тебя, мой другъ, дожидаючи,
Я на силу сорыдаючи,
Свою долю проклинаючи.
Охъ! ты доля, ты доля моя!
Несчастливая на свѣтѣ рождена,
Въ какова я тирана влюблена!
И тиранитъ онъ и мучаетъ меня.

1556 (29).

Ужъ и чей это теремъ? побываль бы я въ
немъ!
Чья во теремъ кроватушка тесовенъкая?
На кроватушкѣ перинушка пуховенькая,
На перинушкѣ зголовьице высокенькое,
На взголовьѣ одѣяло соболиное лежить;
На кроватушкѣ дѣвочушка хорошая лежить:
Хорошѣ, пригожѣ, взялъ бы замужъ за себя,
Взялъ бы замужъ за себя, изукрасиль для
себя,
Изукрасиль бы сударушку получше всѣхъ,
Я получше, почище, повѣжливѣе. [рабль,
Я найду своей сударушѣ червѣнчатый ко-
Я гребцовъ, молодцовъ—еще пѣсельничковъ.
Хорошо гребцы требутъ, весело пѣсни поютъ,
Только съ ножки на ножку поскакиваютъ,
Что сапогъ обѣ сапогъ поколачиваютъ.
Ужъ и эти сапоги изъ далѣка везены:
Изъ матушки изъ Москвы изъ Нѣмецкой сло-
боды,
Изъ Нѣмецкой слободы, снова три рубли
даны.

1557 (30).

Ужъ какъ нынче во прошлымъ году
Уродилось много ягодъ по бору.
Заблудилась красна дѣвка во лѣсу,
Выходила на крутецкій бережокъ,
Разстилала гарнитуровый платокъ,
Вынимала сладкой водки полуштофъ,

На закуску сладкихъ яблочковъ пятокъ.
Переманивала перевоющка къ себѣ,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:
„Перевощикъ, перевощикъ, парень молодой!
Перъвѣзи меня на ту сторону домой,
На ту сторону домой на батюшкину
А еще на сторону на матушкину.“
— Красна дѣвица, нынче дорогъ перевозъ.—
„Добрый молодецъ, что хочешь, съ меня
берѣшь,
Коль не хватить, кунью шубу заложу.“
— Красна дѣвица, мнѣ не надо съ тебя ничего,
Красна дѣвица, поди замужъ за меня.—
„Добрый молодецъ, это воля не моя,
Это воля, воля батюшкина
И родимой моей матушкина.“

1558 (31).

Полно, Машенька, крушиться тайнымъ серд-
цемъ обо мнѣ:
Намъ пора съ тобой словомъ открыться.
Скажу, милая, тебѣ:
Не теряй своей красы напрасно, не томи
пріятный долгій вѣкъ;
Наше времячко проходитъ, протекаютъ доро-
гіе дни.
Жизнь плачевная приходитъ, придутъ горе-
стны часы,
Подсѣчеть судьба несчастье, разовьются у
Маши волосы,
Подсѣчеть судьба несчастье, расплетѣтъ ру-
сая коса,
Разовьется да по Машинымъ плечамъ.
Всѣ селеныце ваше большое, всѣ селенье
Лучше краше не нашелъ. [прѣзашелъ:
Есть и лучше, есть и краше, размилѣе сердцу
нѣть;
Разкрасавица моя, забава, уродилась хороша:
Безъ бѣлиль лицо бѣленъко, безъ румянъ
щечки алѣ.
Безъ румянъ щечки алѣ, безъ сурмилъ брови
черны.
— Черной бровью поведу, во горенку дружка
заведу.
Во горенку во нову на кроватку тесову,
Сама лягу съ тобою на перинку пухову,
На рученьку, положу, а другою обойму,
А другою обойму, къ ретиву сердцу прижму.

1559 (32).

Сѣма, Сѣма, Семѣнь, Сѣма, братецъ мой!
Не ходи, Сѣма, по сѣнямъ, не топай ногой,
Ты не топай ногой, не качай головой,

Не качай головой: мнѣ не быть за тобой,
Ужъ мнѣ бы ли не быть за Иваномъ Кудря-
шомъ.

У Ивана Кудряша нѣту денегъ ни гроша,
Нѣту денегъ ни гроша, только слава хороша,
Только слава хороша, любить дѣвка Кудряша.

1560 (33).

Молодецъ, молодецъ, душа Астраханецъ!
Полюбиль онъ дѣвку, полюбиль онъ красну,
Полюблѣмши красну дѣвку, хотѣль да замужъ
её взять.

Онъ взять её, не взяль, наスマѣхаться надъ
ней сталъ.

„Ты не смѣйся, молодецъ, душа Астраханецъ!
Ужъ и я ли молоденька не совсѣмъ я сирота:
У меня ли у младеньки есть два брата сокола,
Есть два брата сокола, два булатные ножа.
Я велю тебя, каналью, середѣ пути догнать,
Середѣ пути догнать, руки ноги обломать.
Я изъ рукъ твоихъ, изъ ногъ тесову кровать
смошу.

Я изъ сала твово свѣчекъ сальныхъ налью,
Я изъ мяса изъ твово пироговъ я напеку.
Я любимыхъ подружекъ къ себѣ въ гости
позову...*)“

„Я на милоемъ сижу, я на милаго гляжу,
Я на милаго гляжу, милымъ подчиваю.
Вы покушайте, подружки мои, сладкихъ пи-
рожковъ.“

*) Ср. выше пѣсню 1421.—Ред.

1561 (34).

Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ
Вдоль по широкой, по дѣлгой
Поднималася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая.
Ничего въ волнахъ не видно,
Только видно красну лодочку:
Красна лодочка краснѣеть,
Весёлочки зеленѣютъ,
На гребцахъ шапки чернѣютъ.
Хорошо лодка изукрашена,
Молодцами изусажена,
Самъ хозяинъ во снарядѣ,
Во китайчатомъ халатѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ,
На картузѣ козырёчикъ,
Самъ купеческій сыночкъ.
Что выговарить хозяинъ:
„Приворачивай, робята,

Ко Федотову подворью,
Ко Дуняшину здоровью!“
Дуняшинка выходила,
Корѣцъ меду выносила,
Молодчиковъ упойла:

— Не суди, сударь бояринъ!
Въ чѣмъ я спала, въ томъ и встала,
Въ чѣмъ сидѣла, въ томъ и вышла,
Въ одной тоненькой сорочкѣ,
Въ гарнитуромъ платочкѣ,
На босу ножку въ башмачкахъ.

1562 (35).

Возлѣ Дону, возлѣ Дону, близко тихаго Дунаю,
Возлѣ тихаго Дунаю добрый молодецъ гуляетъ,
Добрый молодецъ гуляетъ, онъ не свищетъ,
не гаркаѣтъ,

Табунъ коней загоняетъ, вороныхъ залучаетъ
Къ душѣ красной дѣвіцѣ:

„Душа красная дѣвица, пособи, коней загнать,
Пособи коней загнать, вороныхъ залучить“.

— Я бы рада пособила, боюсь ба-
тишки,
Боюсь, боюсь батюшки, опасаюсь матушки.

1563 (36).

Ты взойди, взойди, красно солнушко,
Выше лѣсу взойди, выше тѣмнаго,
Выше зеленой взойди дубровушки!
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Сиротъ бѣдныхъ, солдатъ бѣглыхъ.
Какъ повише было села Лыскова*),
Противъ самаго было Богомолова,
Протекала рѣчка быстрая
По прозванью рѣчка Стерженка.
По той рѣчкѣ, по той Стерженкѣ
Распльвали два судёнушка;
За суднами гонитъ лѣгка лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Молодцами изусажена.
На носу сидѣть ясаулъ съ ружьемъ,
На кормѣ стоитъ атаманъ съ багромъ,
Середѣ лодочки бѣль шатерь стоитъ,
А подъ тѣмъ шатромъ золота казна,
На казнѣ сидѣть красна дѣвица,
Ясауловы полюбовницы,
Атаманова сестра рѣдная.

*) Село Лысково, которое упоминается въ этой пѣснѣ, лежитъ въ трехъ верстахъ отъ Волги, на ея нагорномъ берегу, при устьѣ рѣчки Сундовики, почти противъ самаго города Макарьева. Оно замѣчательно, какъ по числу жителей, такъ и по значительнымъ торгамъ, которые оно ведеть мукою и

тамошнимъ, такъ назыв. *Макарьевскимъ*, полотномъ (См. Щекатова, Геогр. Слов. Росс. Имп.). Въ Лысковѣ есть также хорошая пристань.

Рѣчка *Тереженка* или *Стереженка*, вѣроятно, испорченное название рѣчки *Кирженца*, при устьѣ которой лежитъ Макарьевъ.—*Прим. П. В. Каго.*

1564 (37).

Взвейся, взвейся, подымайся,
Мой сійенъкій голубокъ!
На томъ мѣстѣ опустися,
Гдѣ мой миленькій живеть.
Сядь, мой милый голубочикъ,
На высокѣ его терѣмъ,
Спроси, сизый голубочикъ,
Вѣрно любить ли меня?
Если миленькій не любить,
Лети въ тѣмные лѣса,
Сядь, мой сизый голубочикъ,
На ракитовый кусточекъ.
Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ;
Разводную себѣ получила
Отъ закона своего.
Всё намѣтки эти баламутки
Мамзели изъ иныхъ земель.

1565 (37).

Изъ за лѣсу, лѣсу тѣмнаго,
Изъ за садику зелёного
Восходила туча грозная,
Со большимъ громомъ, со молніей,
Со частымъ дождёмъ со сильнымъ.
Уѣзжала дочь отъ матери,
Уѣхала, не спросилася,
Не спросилася, не простила,
Середь лѣсу становилася,
Середь лѣсу середь тѣмнаго,
Середь садику зелёного,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодыми рѣчью говорила:
„Соловей ты, мой соловушекъ,
Соловушекъ, вольна шташечка!
Не съ родной ли ты сторонушки?
Ты скажи мому родимому батюшкѣ,
Ты скажи ему низкѣй поклонъ,
А родимой матушкѣ челобитьице.
Я далѣко я отъ нихъ уѣхала,
Уѣхала, не простила,
Не простила, не спросилася.
Посылають меня мѣлоду
На Дунай рѣку по воду
И разутую и раздѣтую.
На мое ли на несчастьице

Налетѣли гуси лебеди,
Возмутили воду свѣжую;
А я стою дожидаюся,
Поколь вода перемутится.
Свѣкоръ батюшка журить, бранить,
Свекровь матушка побить велить.
А золовушка голубушка,
За меня слово молвила:
— Не жури ты, родной батюшка,
Не вели бить, родна матушка:
Мнѣ самой молодой за мужъ идтить,
Замужъ идтить, въ чужихъ людяхъ быть“.

1566 (39)*).

Ой ты польенько, поляна, поле чистое мое!
На тебѣ ли на полянѣ стояль вѣсокой теремъ.
Онь не низокъ, не высокъ, девяносто семь
вѣнцовъ,
Девяносто семь вѣнцовъ, полтораста дерев-
цовъ.
Во теремѣ во вѣсокомъ подъ краснымъ подъ
окномъ,
Подъ краснымъ подъ окномъ красна дѣвица
сидить;
Не работу работала, буйну голову чесала,
Буйну голову чесала и русу косу плела;
Въ рукахъ пялечки держала, она шила, вы-
шивала,
Она шила, вышивала, всѣ узоры выбирала,
Клубокъ нитокъ потеряла.
„Какъ за эти меня нити хотѣть матушка по-
бити:
Ой, ты матушка, не бей, сударыня, не жури!
Я за эту за вину всю покорность принесу,
Всѣ тайность объявлю, я кого вѣрно люблю.
Я люблю, люблю такого, извоющичка молодого.
Извоющичекъ молодой, отвези меня домой,
Отвези меня домой, ко матушкѣ ко родной.
У матушки у родной за подводу заплачу“

1567 (40).

Въ воскресенье я на рыночекъ ходила,
На три денежки кудѣлюшки купила,
На алтынецъ вертепенецъ захватила.
Положу эту куделю на недѣлю,
Какъ у доброй у пряхи, на другую.
Въ понедѣльникъ я банюшку тонила,
А во вторникъ я въ банию проходила,
И я середу съ угару пролежала,
А въ четвергъ буйну голову часала,

*) На голосъ: „Чѣмъ тебя я огорчила“—*Прим. П. В. Каго.*

А въ пятницу добрыя жены не пряли,
А въ суботу на родителей ходила,
Въ воскресенье на веселье прогуляла.
Въ понедѣльникъ я ранѣшенько вставала,
Три топешеньки нитки проводила,
Три мозоли кровяные натирала.
Я пошла ли ко милому, показала.
„Не неволься, моя лапушка милая,
Мы дождемся съ тобою, радость, поры
время,
Какъ придетъ-то къ намъ съ тобою лѣто
красно,
Ужъ какъ выростутъ широкія лопушыя;
Я сошю тебѣ, милая, сарафанчикъ,
Не ходи, моя милая, возлѣ тыну,
Ты гуляй, моя милая, по лужечку“.
Какъ поповы-то козы увидали,
На любезной сарафанчикъ изорвали:
Оставалася милая вся нагая.

1568 (41).

Какъ у вдовушки-вдовицы,
У молоденъкої Дуняши
Были три дочери хороши:
Одна Даша, друга Маша,
Третья душечка Катюша.
У Катюши другъ Ванюша,
Ваня миленький дружечикъ,
Размалиновый душечикъ.
Онъ къ ней часто въ гости ходить,
Онъ по многу денегъ носить:
Когда рубль, когда полтину, когда си-
нюю бумажку,
Когда синюю бумажку, каленкору на
рубашку,
На бѣлую грудь цѣпочку,
На головушку платочекъ,
Быть какъ розовый цѣточекъ,
На рученьку перстенёчикъ,
Бѣлый стразовый глазочикъ.
На широкій дворъ
Ванюша заходитъ,
Съ ноги на ногу ступаетъ,
На дворъ Катю выкликаетъ,
Уму-разуму пытаетъ.
Онъ ударилъ Катю въ щеку,
Размахнулся во другую,
Во другую во любую:
„Ужъ ты стой, Катя, не падай!
Говори рѣчи, не хвастай:
Вечеръ были у тебя гости,
Были гости дорогие,
То фабричные ребята!“

1569 (42).

Не свѣтёль-то мѣсяцъ вдоль по улицѣ свѣтить,
Зоря бѣлый день въ окочечко взошла:
Что сама ко мнѣ сударушка въ гости пришла,
Бѣлы руки въ окочечко подала,
Всѣ утѣхи, всѣ забавы съ собой принесла.
— Чернобровый, черноглазый, душа мой,
Намъ не дали во любви съ тобой пожить;
Я слышала словечушко про тебя:
Тебя, миленький, женить скоро хотятъ,
Меня дѣвицу замужествицемъ грозятъ.
Не пойду замужъ, не думаю итти,
Лучше буду вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть,
Лучше буду вѣкъ русу косу плести.
Заплету косу, на улицу пойду.

1570 (43).

Обѣщаю Ваня жить въ деревнѣ, съ дер-
Онъ работу работать; [венскими мужиками
Деревенская работа—одна скука и забота:
Они мало ночи спятъ,
Другъ за другомъ торопится, чтобъ скорѣй
съ поля убраться,
Чтобы туча не зашла, силенъ дождикъ не
пошолъ.
Посылаетъ Ваню мать
Яровое въ полѣ жать:
„Поди, Ванюшка, пожни!“
Вышелъ Ванюшка на крылечко,
Положилъ серпикъ на плечко,
Самъ нерадошенъ пошелъ.
Жаль Ванюшенька денёчикъ,
Онъ единий спонъ нажалъ,
Съ сударушкойостоялъ.
Со этой ли Ваня со скуки
Опорѣзалъ себѣ руки,
Ручьемъ кровь полила;
Сударушка подбѣжала,
Платкомъ руку увязала,
Чтобъ кровь не лила.
Отецъ съ матерью бранятся,
Всѣ работнички сердятся,
Что лѣниво Ваня жнетъ.
Отецъ съ матерью взглянули
И руками размахнули,
Кричатъ: „Ваня, домой!
Поли, Ванюшка, домой, поли, миленький, усни.
Бѣжалъ Ваня, торопился,
За дубовый столъ садился;
Онъ началъ перо чинить,
Очинилъ Ваня перо крѣпко,
Онъ сталъ письмо писать.
Пишетъ Ванюшка въ Московское царство

Въ Петербургское государство,
Онь деревни проклиналъ:
„Распроклятое селенье, Воронковская де-
Тюрьмой можно называть“. [ревня,
Въ Воронкахъ Ваня родился,
А въ Архангельскомъ крестился.
Я въ Москвѣ теперь живу,
Въ Москвѣ живу, поживаю,
Красныхъ дѣвушекъ не забываю,
И въ трахтире съ ними хожу.

1571 (44).

Любиль парень красну дѣвку до поры, до
время;
Намъ приходитъ пора-время съ дружкомъ
разставаться,
Мнѣ съ любезнымъ разставаться, въ печали
прощаться:
„Прости, миленький, на вѣки, съ русыми
кудрями“.
— Оставайся *), моя хорошая, съ черными
бровями.
Изсушили черны брови холостаго парня. —
Холостой парень гуляка, злодѣй, забѣяка;
Онь кому воръ, забѣяка, а мнѣ другъ-при-
ятель.
Сорвалъ съ дѣвки, сорвалъ съ красной ша-
левый платочекъ;
Стыдно дѣвкѣ, стыдно красной на улицу
выдѣтить.
Нойду, выйду, погуляю, съ дружкомъ пови-
даюсь,
Съ любезнымъ повидаюсь, все про все на-
блюдаюсь.
„Заложи, милый, карету, заложи другую!“
— Изволь, моя хорошая, садись во любую,
Коней пару вороныхъ, сѣдла золотыя,
Сѣдлочки золотыя, слуги молодые;
На слугахъ платье нѣмецко, сертуки зелёны;
Сертуки на нихъ зелёны, шляпочки пуховы;
На нихъ шляпы пуховыя, кудри золотые.
Отчего-же кудри вьются, отчего сѣкутся?
Со радости кудри вьются, съ печали сѣкутся,
Со печали изѣкутся, опять не завьются.
Не свивайся, не свивайся ты, хмѣль, съ по-
вѣликой, —
Не свыкайся, не свыкайся, дѣвка, со дѣ-
тинкой:
Хорошо было свыкаться, тошно разставаться;
Совыканье было тайно, разставанье явно;
Мы свыкалися съ тобой подъ бѣлой березой,
Разставалися съ тобой подъ горькой осиной.

*) Рук. Оставаться.—Ред.

1572 (45).

Ты берёза моя, берёзынька!
Ты кудрявая моя, моложавая!
На горѣ ты стоишь, на всей крѣсотѣ.
На тебѣ-ли березынька
Всё листья бумаженные.
Подъ тобой-ли берёзынькой
Травка шелковая.
Что косиль эту траву добрый молодецъ,
Что гребла эту траву красная дѣвица,
Красна дѣвица, дочь купеческа.

1573 (46).

Во градѣ городу,
Въ Ярославлѣ городу,
Во гостиныемъ ряду
Тутъ стоять конторы главы,
Распоставлены поставы
На три части по нѣмецки,
Стоять молодцы турецки,
Стоять они у стола,
Писать учать мастера.
Подмастерья съ мастерами
Тонки платья составляли,
Полотенца вытыкали,
Полотенца одномѣрны,
Челюочки съ бердѣчкомъ мѣрны,
Понѣпочки золотыя.
Фабричные молодые
Заиграли во игру
Во серебрянью,
Утѣшали, улещали,
Красну дѣвку въ терему:
„Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
Не плачь, дѣвка молода!
Въ косѣ лента голуба,
Завязочки париковы
Подаренъя пареньковы“.
Парень дѣвушку любилъ,
Этой ленточкой дарилъ.
Семнадцати дѣвка лѣтъ
Полюбила парня въ вѣкъ,
Полюбила, поняла,
Что такого молодца
Что нигдѣ такого нѣть,
Ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ,
Ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ,
Нѣть ни въ Астрахани.
Очутился, проявился
Въ Ярославлѣ городѣ,
Во Нѣмецкой слободѣ.
Какъ у вдовушки-вдовы,
У солдатской у жены,

Двѣ дочери хороши:
Одна была побѣлѣй,
Она всѣмъ намъ помилѣй;
А другая чернобрюва,
Завсегда плясать готова;
Илясучѣ дѣвка упала,
Парню на руки попала.
Я сама дѣвка не дура,
Петербургская натура,
Я во Питерѣ жила,
Три натуры нажила;
Ужъ первая натура:
Я купила сокола;
А другая-то натура:
Полюбила молодца;
Ужъ и третья-то натура:
Разорила до конца.
Разорился бѣдный:
Купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный!
Разорился окаймленный:
Купилъ перстень оловянный!
Разорился мой любезный:
Купилъ перстень ей желѣзный!
Разорился удалой:
Купилъ перстень золотой!
Разорился до конца:
Купилъ дѣвкѣ два кольца!
Разориль парень весь домочикъ:
Купилъ дѣвушкѣ платочикъ!

1574 (47).

Вспомни, моя любезная, мою прежнюю любовь!
Какъ мы съ тобой, моя любезная, погуливали,
Ночи тѣмныя, осенняя просиживали,
Тайныя рѣчи, моя любезная, говоривали:
Тебѣ, мой другъ, не жениться, а мнѣ замужъ-
ать нейти.
Женись, женись, мой любезный, за тебя за-
мужъ пойду.
Въ чистомъ полѣ при раздолѣ новый вы-
сокъ теремъ стоять,
Во теремѣ во высокомъ дѣвушкѣ пѣсеньки
поють;
Знать, что мою хорошую сковариваются,
Сковариваются, собираются, замужъ отдаются.
Середь дворца стоитъ крыльцо раскрашено
хорошо;
Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу расхоро-
шую мою:
Женихъ ведетъ за рученьку, дружко за другу,
Третій стоять, сердце болитъ: любилъ да не
взялъ,
Поилъ, кормилъ хорошую, все прочирилъ себѣ,

Доставалась, моя хорошая, иному—не мнѣ,
Иному не мнѣ, не товарищу момому,—
Доставалась моя хорошая лиходѣю моему.
„Постой, моя хорошая, поговоримъ мы съ
тобой!“
— Я бы рада съ тобой говорить, женихъ
не велить.—
„Хорошая пригожая, хочь платочекъ урони!“
— Я бы рада уронила, платка въ рукахъ
нѣть.—
„Хорошая, пригожая, съ руки перстень
урони!“
— Я бы рада перстень уронила, въ пыли
запылишь.—
„Постой, моя хорошая, простимся со мной.“
— Я бы рада съ тобой простилаась, кони не
стоять,
Извощики малѣшиныки не сможутъ сдѣржать,
Лакеюшки съ похмельюшка головка болить.—

1575 (48).

Я ласточкой прилетала, я касаточкой уви-
валась,
Я давно, давно со милемъ не видалась.
Я увидѣлася, возрадовалась,
Я на шеюшку къ милу дружку бросалась,
Я изъ горницы въ горницу ходила,
Я изъ шкапчика графинчикъ вынимала,
Я стаканъ водки наливалा,
Я милу-то дружку подносила:
„Ой, ты пей, моя надежда, не спивайся,
На меня, на красну дѣвку, не надѣйся:
Ужъ я дѣвушка говорѣна.
Сговорилъ меня батюшка родимый
За того ли человѣка за старова.
Ужъ и мнѣ ли, красной дѣвкѣ, не хотѣлось,
Мнѣ хотѣлось, красной дѣвкѣ, за милова,
Я съ которымъ въ дѣвушкахъ водилась,
Золотымъ витымъ колечушкомъ дарила.
Какъ за это меня матушка браница:
— Охъ, ты к...а, б...ь, негодяйка!
Ты куда съ руки колечушко дѣвала?—
Ужъ я, матушка, виновата;
Въ зеленомъ саду, матушка, гуляла,
Я бѣлѣ, бѣлѣ капустушку полола,
Золото колечко обронила;
Нелюбимая подружка находила,
Свово прежняго любовничка дарила.“

1576 (49).

Танюшка, Татьянушка, подружка моя!
Почему же, Татьянушка, по мысли пришла,
По мбому по разуму молодецкому?

Таня по двору ходила, голову чесала,
Буйну голову чесала и косу плелà,
Пукетову, алу ленту на плеча клала,
А другую голубую въ косу вплетала,
А третей разноцвѣтной подноясывалась.
Иванушка Татьянушку выспрашивается:
„Скажи, скажи, другъ Танюша, кто ленту
купилъ?“

— Пукетову, алу ленту батюшка купилъ,
А другую, голубую, милый подарилъ,
А третю разноцвѣтну сама нажила.—
Иванушка Татьянушку зоветъ во лѣсокъ:
„Пойдемъ, пойдемъ, другъ Танюша, со мной
въ тѣмный лѣсъ,
Заломаемъ черёмушку молоденькую,
Мы посадимъ черёмушку у себя въ саду,
У себя въ саду, саду, за горницею,
За горницей, за свѣтлицей подъ краснымъ
окномъ“.

— Черемушку молоденькую нельзя заломать:
Не выбрали красну дѣвку, нельзя замужъ
взять.—

„Я выберу, я высмотрю, возьму за себя“. За рѣчкою за быстрою цымбалики бываютъ,
Знать, что мою хорошую къ вѣнчанью ведутъ,
Сговариваются, собираются, замужъ отдаются,
Поиль, кормиль хорошую, все прочили себѣ,
Досталася хорошая къ иному, да не мнѣ,
Иному милому, злодѣю моему.

„Хорошая, пригожая, прости со мной!“
— Я рада бы простилась, женихъ не вѣ-
литъ.—

Женихъ вѣдѣть за рученьку, дружко за другу,
Третий стонть, сердце горитъ: и любиль, да
не взялъ.

„Хорошая, пригожая, хоть коней останови!“
— Извощикъ молоденький не можетъ сдер-
жать.—

„Хорошая пригожая, хоть съ руки перстень
урони!“

— Я бы рада сронила, пылью запылить.—
„Хорошая, пригожая, платочкомъ хоть
махни!“

— Я рада *) бы махнула, платка въ рукахъ
нѣть.

1577 (50).

Бесчастная дѣвушка я на свѣтѣ рождена;
Несчастливая Дуняша все любови изошла,
Все любови изошла, себѣ дружка не нашла!
Полюблю я, дѣвушка, я такого молодца,
Я такого, удалбва, фабричного, браваго,
Фабричного, браваго, Ванюшу кудряваго,

Ванюшу кудряваго, бѣлаго, румянааго.
Ты фабричный, бравый мой, что ты сдѣлалъ
надо мной?
Что ты сдѣлалъ надо мной, надъ моюю го-
ловой?
Воръ измучилъ, изтерзалъ, чужу сторону
спозналъ,
На чужой дальней сторонкѣ онъ иную по-
любилъ,
Меня горькую, несчастную на вѣки позабылъ!
Онъ оставилъ воръ, разбойникъ, вѣкъ во дѣ-
вушкахъ сидѣть,
Вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть, худу славушку
терпѣть.
Никто горькую, несчастную, меня замужъ
не берѣти:
Что ни старый то, ни малый, ни ровнющка
горькой пьяница.

1578 (51).

Вы лѣса лѣ, мои лѣсочки, лѣса мои тѣмные!
Вы кусты лѣ, мои кусточки, кустики раки-
тобы!
Ужъ что же вы, кусточки, да всѣ призапо-
маны?
У младцевъ у фабричныхъ глаза всѣ за-
плачаны.
Какъ на встрѣчу имъ фабричныи главные
хозяева,
Главные хозяева Грача Скарноухова:
„Вы не плачте-ка, молодчики, мѣлодцы фаб-
ричные!
Я поставлю вамъ, робятушки, двѣ свѣтлицы
Станѣ самолѣтные, основы сурбояя, [новыя,
Нанесу я вамъ, робятушки, цѣнушку вы-
сокую,
Цѣнушку высокую, салфетки по рублику.“

1579 (52).

Какъ у Дунюшки, у Дуняшенки
Что болитъ-то у ней буйна головушка,
Что щемитъ-то, болитъ ретивое сердце;
Не по батюшкѣ болитъ, не по матушкѣ,
Что болитъ-щемитъ по миломъ дружкѣ,
По миломъ дружкѣ, по Иванушкѣ.
Ужъ я палаася, перепалаася,
Я давнѣмъ-давно съ милымъ не видалася.
Я увидѣлася,—воздоровѣлася,
Я на шеюинку къ дружку бросалася:
„Здравствуй, миленький, мой сердечный
другъ!
Что ночуй-то, ночуй хоть ты ночь у меня.“
— Я боюсь-то, боюсь, что проспишь у тебя.—
„Ты не бось-ка, не бось, мой сердечный другъ!“

*) Рук.—бѣда (?!)—Ред.

Поутру-то я встану ранымъ-ранешенько,
Я умоюся бѣлымъ-бѣлѣшенько,
Наряжуся я хорошохонько,
Подойду я къ дружку потихохоньку,
Разбужу я тебя полегохоньку,
Провожу я тебя далекохонько.“

1580 (53).

Любила я молодчика получше себя,
Пришло разставаньице, не взмиллся бѣлый
свѣтъ!

Куды я ни пойду, съ горя ноженьки нейдуть,
Куда ни пойду, съ горя глаза не глядять.
И я темнымъ лѣсомъ шла, всѣ кусточки
изошла,
Всѣ кусточки изошла, нигдѣ дружка не нашла.
Бѣлая берёзынька приклонилася ко землѣ,
Всѣ пташки, соловушки солетались на нее,
Горькія кукушечки куковали во бору,
Калина съ малиною ранымъ-рано разцвѣла;
Въ тоѣ пору матушка меня горьку родила,
Не собрамши съ разумомъ, въ чужи люди
отдала.

Въ чужихъ людяхъ, матушка, надо жить
умѣючи,
Надо жить умѣючи, надо разумѣючи,
Въ чужихъ людяхъ, матушка, много заботы
привилъ:

Первая заботушка—свекоръ да свекровушка,
Другая заботушка—деверь да золовушка,
Третья то заботушка—мужъ-ать горька пья-
низа,

Четверта заботушка—малы дѣтушки пойдутъ,
Пятая заботушка—пашенька непахана,
Пашенька не пахана, бѣла рожь не сѣяна.
Косы въ руки не береть и оброку не даетъ.
Не была у матушки ровно три ягодика,
Начетвертый годикъ я стосковалась молода.
Полечу я къ матушкѣ вольной пташечкой
млада,

Сяду я у матушки во зелёныемъ саду,
Во зелёныемъ саду на яблонку садову,
Запою я въ садикѣ жалобнымъ жалобно,
Слезами у матушки зеленъ садикъ потоплю,
Причѣтами у матушки свой животикъ на-
По сѣничкамъ матушка похаживала, [дорву.
Невѣстушекъ, ластушекъ побуживала:
“Вставайте, невѣстушки, голубки мои!
Что у насъ за пташечка во зелёныемъ саду,
Во зелёныемъ саду жалобнѣ очень поѣтъ?”
Большой-ать братецъ: “Пойду, ружье за-
ряжу“.

А середній братецъ-то: “Пойду, пташечку
застрѣлю“.

А третій братецъ-то: “Пойду, пташку по-
гляжу:
Не наша-ли родная съ чужой дальней сто-
роны?
Не наша-ли горькая съ чужой дальней сто-
роны?
Если наша родная, полети къ намъ во те-
рёмы,
А не наша родная, полети изъ саду вонъ!“.

1581 (54).

Ночью темнотою
Укрывались небеса,
Всѣмъ людямъ для спокою
Ужъ замкнулися глаза.
Лишь я дѣвушка заснула,
Стучится дружокъ подъ окномъ.
Я съ гнѣвомъ, съ гордостью вскричала:
“Ужъ кто смѣеть стучать?”
— Я мальчишка, мальчикъ, отвѣчаю,
Я мальчишка чутъ дышу:
Въ тѣмномъ лѣсѣ заблудился,
Перезябъ я, съ холоду дрожу.—
Я при этомъ гоrечкѣ, несчастъ
Въ нову горницу пущу,
Я на новую кроватку
Съ собой спать я положу;
Я своими теплыми руками
Я холодныя его ручки жму,
Чёрну шляпу со кудрями
Къ ретиву сердцу прижму.

Вверху пѣсни помѣта: „Ломоносовъ?“—Это, дѣй-
ствительно, передѣлка перевода „Изъ Анаkreона“
М. В. Ломоносова (см. С. А. Венгерова, Русская
поэзія, I (1893), стр. 133).—Ред.

1582 (55).

Пѣ-лугу я дѣвица гуляла,
Пѣ-лугу я красная гуляла.
Пѣ-лугу я, пѣ-лугу я,
Пѣ-лугу, пѣ-лугу, пѣ-лугу я!
Ягоды дѣвица собирала,
Ягоды красная собирала,
Ягоды, ягоды я,
Ягоды, ягоды, ягоды я!
Страху дѣвка набралася,
Страху красна набралася,
Страху я, страху я,
Страху я, страху я, страху я!
Ольху дѣвица ломала,
Ольху красная ломала,
Ольху я, ольху я,
Ольху я, ольху я, ольху я!

Сверху дѣвица сломила,
Сверху красная сломила,
 Сверху я, сверху я,
 Сверху я, сверху я, сверху я!
Къ рѣчкѣ дѣвка подходила,
Къ рѣчкѣ красна подходила,
 Къ рѣчкѣ я, къ рѣчкѣ я,
 Къ рѣчкѣ я, къ рѣчкѣ я, къ рѣчкѣ я!
Свѣжую рыбушку ловила,
Свѣжую красная ловила,
 Рыбу я, рыбу я,
 Рыбу я, рыбу я, рыбу я!
Печку жарко затопила,
Печку красна затопила,
 Печку я, печку я,
 Печку я, печку я, печку я!
Дружка въ гости заманила,
Дружка красна заманила,
 Дружка я, дружка я,
 Дружка я, дружка я, дружка я!
Свѣжій рыбушкой кормила,
Свѣжій красная кормила,
 Рыбой я, рыбой я,
 Рыбой я, рыбой я, рыбой я!
Косточкою подавила,
Косткой я, косткой подавила,
 Косткой я, косткой я,
 Косткой, косткой, косткой я!

1583 (56).

У воротъ дѣвка стоитъ,
Бѣло лицико горить,
 Калина моя! малина моя! и т. д.
Бѣло лицико горить:
На что миленѣкій сердитъ? (2).
Стать постелю не велить,
Во зеленый садъ манить:
„Пойдемъ, Катинька, въ садочкѣ,
Сорвемъ аленѣкій цвѣточкѣ,
Мы завяжемъ въ узелочкѣ, (2).
Мы помѣшаемъ часочкѣ,
Поглядимъ алый цвѣтокъ:
Ужъ какъ вянетъ ли, не вянетъ ли
Мой аленѣкій цвѣтокъ?
Ужъ какъ тужить ли, не тужить ли
Мой миленѣкій дружокъ?“
Ужъ какъ цвѣтикъ-атѣ завяль,
Меня миленѣкій забыль,
Что забыль то миленѣкій
На чужой сторонушкѣ.
Въ Гороховой улицѣ
Сидѣть дѣвки умницы.

1584 (57).

Какъ на горкѣ, на горѣ, на прикарѣ на
такой,
На прикарѣ на такой стоитъ фабрика нова;
Въ этой фабрикѣ робяты холостые, неженаты.
Собиралися робята съ тоѣ фабрики гулять,
Сталовились на виду близко къ зелену саду,
Ко зеленому саду, ко вдовиному двору.
У вдовушки у вдовы, у солдатской у жены,
У солдатской у жены были дѣти хороши:
Была дочка Катюшенька, быль Васильюшка
сыночъ,
Быль Васильюшка сыночъ, онъ фабричный
мастерокъ;
Всяки штуки вытыкаетъ, и наборы набираетъ,
Онъ наборы набираетъ, при компаньицѣ бы-
ваетъ,
При компаньи при такой, при бесѣдѣ при
большой,
При компаньицѣ бываетъ, самъ во скрыпочку
играетъ.
Заиграю во скрипцу про душу красну дѣ-
віцу,
Про школьнную, манерную, про Катюшу до-
рогую.
Говорила Катѣ мать, уговаривъ и братъ:
„Нолно, Катинька, умися, съ фабричными
не водися:
Съ фабричными поводиться, худой славушки
добриться.“
—Хоть худой славы добьюсь, съ фабричными
повоожусь:
Фабричные молодцы разгуляться къ намъ
пришли,
Разгуляться, разыграться, распотѣшиться.—

1585 (58).

Отдаєтъ меня молодёшеньку
Батюшка въ чужи люди:
Прибесѣдала родимая матушка,
Приговорщикъ быль братецъ-батюшка:
„Отдадимъ сестру въ чужи люди,
Во чужи люди, во незнамые.
Во чужихъ людяхъ надо жить умьючи,
Жить умьючи, разумьючи.
Мы во торгъ-ать поѣдемъ, побывать заѣдемъ,
Изъ торга-то поѣдемъ, почевать заѣдемъ.
Я спрошу-то у дочки-матушки:
„Каково же тебѣ жить въ чужихъ людяхъ?“
— Ты поди-ка, родимая матушка, въ зелёный
Ты спроси-ка гуся-лебедя, [лугъ],
Не зябуть ли его скоры ноженьки,

Не ноеть ли мое ретиво сердце?—
„Родимая дочка-матушка!
Носи платье цветно, не складывай,
Ты терпи горе, не сказывай.“

Родимая матушка,
Понося-то платье—сложится,
Потеря-то горе—скажется.

1586 (59).

Всё домой! всё домой!
А я млада не хочу!
Съ кѣмъ гуляю, не скажу,
Кого люблю, не бѣялю.
Напишу я грамотку
По бѣлому бархату,
Отошлю я грамотку,
Къ родимому батюшкѣ:
„Родимый мой батюшка,
Изволь грамотку принять,
Изволь ее прочитать.
Не пустишь ли погулять?“
— Гуляй, гуляй, моя дочь,
Не во всеё темну ночь,
Не прогуливай полночь!
Всё домой! Всё домой (и проч.)
Ко родимой матушкѣ: (и проч.)
„Не пустишь-ли погулять?“

1587 (60).

Ужъ какъ люди въ людяхъ-то живуть,
На людей людей угаживають,
На свекровушекъ снарѣвливають;
А моя ли кривошлыка свекровь
Посылаеть и туды меня, сюды
И туды меня, и сюды, и Богъ знаетъ, куды:
Посылаеть часто въ погребъ за питьемъ;
Въ погребу стоитъ кроватушка,
На кроватушкѣ перинушка,
На перинушкѣ дѣтинушка.
Я немножко тамъ замѣшкалася,
Зелена вина натрескалася.
Я иду, иду, пошатываюсь,
А моя-ли кривошлыка свекровь
По новымъ сѣнямъ похаживаетъ,
Чеботомъ сѣни проламливаетъ:
„Ужъ надай, Боже, до вечера дожить,
Ужъ надай, Боже, скорѣй сыну прійтить.
На любезную невѣстушку нахвѣстала бы:
Охъ, синъ ты мой, синъ,
Ты во Новъ городъ сходи,
Шелковую плеть купи,

Молоду жену учи“.

— Охъ, ты, мать моя, матушка,
Государыня-боярыня моя!
Не диковина во Новъ городъ сходить,—
Не въ убытокъ шелковую плеть купить,
На безчестье молоду жену учить.
Было-бы съ кѣмъ мнѣ, матушка,
Было-бы съ кѣмъ, государыня моя,
Было-бы съ кѣмъ мнѣ вѣкъ-ать жить.

1588 (61).

Охъ, ты Ванюшка, Ванюша!
Что жъ ты, Ванюшка, не веселъ?
Буйну голову повѣсилъ?
Черной шляпой принакрылся,
Родной матушкѣ взмолился:
„Охъ, ты мать моя родима
Зачѣмъ на горе родила,
Молоѣтнаго женила?“
Жена мужа не взлюбила,
Со кроватушки спихнула,
Ручку съ ножкой извихнула.
Стала ноженька болѣти,
Стала милая тужити:
„Не тужи, моя милая:
Заживеть нога больная“.
Мнѣ сегодняшній день скуча,
Со любезнымъ разлука:
Разлучаетъ нась неволя,
Чужа дальняя сторонка,
Петербургская дорожка.
Я по этой по дорожкѣ
Много разъ по нейѣѣзжала,
Много писемъ я писала,
Много плакала, рыдала,
Я по почтѣ отсыпала,
Мои письма не доходять,
Слуги вѣрны не доносятъ:
Слуги вѣрны все злодѣи,
Разлучить съ милымъ хотѣли.
Разъ тогда меня разлучать,
Когда въ гробъ меня положать,
Гробовой доской захлошнуть.
Заростай моя могила,
Ты травою муравою,
Еще алыми цветами.
Охъ, вы вѣтры, вѣтерочки,
Полудѣнцы-вѣтры студены!
Полно, вѣтры, бушевати,
Синѣ море колыхати,
Бѣлу рыбицу пугати:
Испугаешь—не поймаешь,
А упустишь—не воротишь.

1589 (62).

Лучина-ль, лучинушка берёзовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, отсвѣчиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была?
— Была я въ печи вчерашней ночи,
Вчерашней ночи въ углу на печи;
Лютая свекровушка сердита была,
Меня ли лучинушку водой подлила.—
Подружки, голубушки, ложитесь спать,
Ложитесь спать: вамъ нѣкого ждать;
А мнѣ молодешенькѣ всѣё ночь не спать,
Всѣё ночь не спать, кровать убирать,
Кровать убирать, мила дружка ждать...
Не дождамши милаго, ложилася спать.
Первый сонъ заснула—нѣту никого;
Другой сонъ заснула—не бывалъ никто;
Третій сонъ заснула—заря бѣлый день.
По зоркѣ по бѣленькой милый идѣть;
Кунья на нѣмъ шубочка пошумливаетъ,
Козловы сапожки поскрѣпываютъ.
Шуховою шляпочкой помахиваетъ.
Что жъ ты, добрый молодецъ, давно не
бывалъ?

1590 (63).

У барыни было три дочери,
Прынды, сунды, три дочери!
Две дочери милыя, третья постылая.
Принды, сунды, постылыя (и т. д.)
Отдала она дочь милую за барина,
А другую отдала дочь милую за боярина;
Третью отдала дочь постылую за татарина.
Пишетъ дочь милая къ матери грамотку:
„Потужи, погорюй, моя матушка,
Объ моемъ горѣ несчастыи:
У моего ли у барина всеё ночь огни горятъ,
Всѣё ночь огни горятъ, свѣчи сальныя:
Кують прутья мѣдныя на мое ль тѣло бѣлое,
На мое ль тѣло бѣлое, на мое ль тѣло нѣжное.“
Пишетъ дочь милая къ матери грамоту:
„Не тужи, моя матушка, о моемъ горѣ не-
счастыи:
У мого ль у татарина всеё ночь огни горятъ,
Всѣё ночь огни горятъ, свѣчи сальныя:

Шьютъ платья цвѣтныя на мое ль тѣло
бѣлое,
На мое ль тѣло бѣлое, на мое ль тѣло нѣжное.“

1591 (64).

По рошѣ, по рошѣ мой милый гуляль,
Берѣзникъ, берѣзникъ, берѣзникъ ломаль,
Метѣлки, метѣлки, метѣлки вязаль,
Въ телѣжку, въ телѣжку, въ телѣжку бросаль,
Бурёнку, бурёнку, бурёнку впряженъ,
„По мѣтлы! по мѣтлы! по мѣтлы!“ кричалъ.
Случилося ъхать Мѣщанской второй;
Увидѣлъ онъ дѣвку, на окошкѣ сидѣть,
Н'окошкѣ сидѣть, цвѣточкомъ шалитъ:
„Метельникъ, метельникъ, метельникъ!“ кри-
чить,
Ты подъ-ка, бездѣльникъ, ты подъ-ка сюда!“
Метельникъ соскочилъ, метлой подариль,
Метлою, метлой подариль.
Недовольна стала подаркомъ его,
Метѣлочки прѣдалъ, да шаль ей купилъ,
Телѣжѣнку прѣдалъ, капотъ ей купилъ,
Буренку-то прѣдалъ, салонъ ей купилъ,
Салонъ ей, салонъ ей, салонъ ей купилъ.

1592 (65).

Не летай, сизый голубочикъ,
На моё красно окно!
Не воркуй, сизой голубочикъ,
Жалобнымъ жалобно!
Ужъ и такъ мнѣ красной дѣвкѣ
Растонымъ тошнѣхонько:
Не пущаетъ отецъ-мать
На улицу погулять,
Въ хороводы поиграть.
Я умѣю-разумѣю
Съ молодцами говорить.
Разтерзю грусть-тоску,
Во зелёный садъ пойду,
Себѣ милаго найду,
За праву ручку вѣзьму,
Въ высокъ тѣремъ поведу;
Постелюшку постелю,
Взголовице положу,
Въ головушкѣ поищу.
Стала дѣвица искать
Сталь молодчикъ засыпать;
Очутился, проявился:
Нѣть ни коня, ни сѣдла,
Нѣть ни дѣвичья шатра!
Привяжи, милый, коня
Ко дубовому столбу.
Ко серебряну къ кольцу.

1593 (66).

Кому счастье, кому два,
А мнѣ нѣть ни одного!
Даютъ вѣтры со горы
На купечески дворы.
Со купеческа двора
Шла дѣвица хороша,
За собой вела коня;
Конь копытомъ землю бѣть,
Грусть-тоска дѣвку береть:
Никто съ милымъ не разлучить,
Ни погода, ни вьюга,
Ни сильны часты дожди;
Развѣ настъ*) съ миленькимъ разлучить
Одна полая вода:
Разолъются рѣки, озеры,
Потопляли зелёные луга;
По бережку похожу,
Легку лодочку куплю,
Перевозчицка найду:
„Перевозщикъ молодой,
Первѣзи меня домой,
На ту сторону домой,
Да къ матушкѣ родной!“
— Душа, красная дѣвица,
Нынче дорогъ перевозъ! —
„Перевозщикъ молодой,
Что ты хочешь, то бери!“
— мнѣ не надоничево:
Душа красна дѣвица,
Поди замужъ за меня! —
„Добрый молодецъ, душа!
Эта воля не моя,
Эта воля не моя,
Еще батюшки,
Еще батюшки,
Еще матушкина!

1594 (67).

Акулинушка душа
Всёе почь не спала,
Всёе почь не спалѣ,
Дружка милаго ждала.
Ужъ какъ пѣгода немнога,
Помѣшкамши часокъ,
Акулининъ мужъ — на дворѣ:
„Акулинушка душа,
Отпираи ворота,
Принимай сокола,
Пущай ворона коня!“
Акулинушка бѣжитъ,

Не стучить, не гремить,
На ней платьице шумить;
Воротечки отперла,
Ворона коня взяла,
Во конюшню отвела.
Онъ во спаленку взошелъ.
Кушакъ съ шляпою нашелъ:
„Акулина, это что?“
— А тебѣ, сударь, на что?
Вечоръ купцы пиво пили,
Кушакъ съ шляпою забыли.—
Акулина хороша,
Григорьевна хороша:
Вечоръ по торгу ходила,
Ворона коня купила,
Акулина хороша,
Григорьевна хороша.
„Акулина, это что?“
— А тебѣ, сударь, на что?

1595 (68).

Соловей мой, соловей!
Не летай поздно одинъ!
Парень дѣвку полюбиль,
Колечушко подариль.
Колечушко, сердечушко,
Мой золотый перстенекъ!
Далеко милый живеть.
Во матушкѣ во Москвѣ
Во Троицкой улицѣ*)
Собиралися робята
На одну улицу гулять,
Къ цѣловальничку въ кабакъ:
„Цѣловальничекъ Андрей,
Наливай рюмку полнѣй,
Нашихъ денегъ не жалѣй!
Во карманѣ гроша два,
Размѣняю да отдамъ! —

1596 (69).

У барина
Была барыня гожа,
У крестьянина
Получше его:
„Крестьянинъ мой!
Помѣняемся женой!“
— Бояринъ мой,
Не мѣняюся женой.—
„Твоя жена
Не годится никуда;
Мою жену

*) Вписано позднѣе. — Ред.

*) Поются также: Во Нѣмецкой улицѣ. — П. В. К.

Часто въ гости зовутъ,
Мою жену
Во коляской везутъ,
Меня, мужа,
На веревочкѣ ведутъ.
Меня, мужа,
По женѣ честять:
Моей женѣ
Сладка меду подаютъ,
А мнѣ, мужу,
Быть болотная вода.

1597 (70).

Косиль Ваня чужу трапу,
Своя стоитъ, вянетъ;
Любиль Ваня чужу жёнку.
Своя стоитъ, плачетъ.
Что кому за дѣло,
Что я съ милемъ сѣла?
И я сѣла, посидѣла,
Пѣсенку запѣла
Про рошку зелёну.
Во садикѣ калинушка
Стелется, плетётся,
У мѣдода сердечушко
Трепещется, бѣется.

1598 (71).

Малолѣтнія дѣвчонка
Научилася страдать.
Не страдай, к...а дѣвчонка,
Ещё въ лѣтахъ мѣдода!
Въ эвтихъ лѣтахъ будешь вѣдать
Всѣ любовныя слова.
Какъ по первой по порошѣ
Милемъ на санкахъ разъѣзжалъ,
Милемъ на санкахъ разъѣзжалъ,
Ко мнѣ въ гости заѣзжалъ.

1599 (72).

У воротъ, у воротъ
Росла травка шелковая; (3) *)
По той травкѣ галка шла,
За галушкой соколикъ:
„Постой, галка, не лети!“
— А ты соколь не держи,
Пусти галку на волю,
На казённую работу.—
„Я тогда её пущу,
Когда крылья, перья сушилю,
По всему свѣту размечу.“

*) И далѣе повторяется по три раза послѣднее слово.—П. В. К-ий.

1600 (73).

Подъ оконечкомъ дѣвочки
Призадумавшись сидитъ.
Она плачетъ и рыдаетъ,
Сама рѣчи говорить:
„Чего мое сердце ожидаетъ,
Знать, того мнѣ вѣкъ не видать.
Вянетъ, вянетъ въ полѣ травка,
Долго дождичекъ нейдётъ,
Ноетъ, ноетъ мое сердце,
Долго миленький нейдётъ.
Много видѣла прохожихъ,
Лишь одинъ не проходилъ,
Кой мому сердцу милемъ.
Разбесовѣстны мушкины,
Вы не вѣдь ли таковы?
Вы въ глаза-то вы наѣс лѣстите,
А на сердцѣ ничего!
Мы-то вѣдь вѣрно любимъ,
У наѣс вѣкъ по вѣку ударъ.“

1601 (74).

И я вымою коренья бѣло на-бѣло,
И я высушу коренья сухо на-сухо,
Искрошу коренья мелко на-мелко;
Я изъ этого коренья пива-мѣду наварю,
Я свѣдо дружка Ванюшу къ себѣ въ гости
позову;
Положу дружка Ванюшу на тесовую кровать,
Поднесу дружку Ванюшу, стаканъ мѣду под-
несу,
Я спрошу дружка Ванюшу, что на сердечкѣ
лежитъ?
— У меня-ли на сердечкѣ камушекъ лежитъ.
Наперѣдъ-та понесите саблю вострую,
А за саблей понесите чёрную шляпу пухову,
А за шляпой подведите мово ворона коня.—

Пѣсня отмѣчена „протяжной“—Ред.

1602 (75).

Сидѣла-то Дунюшка поздно вечеромъ одна,
Горѣла у Дунюшки воску яраго свѣча,
Ждала къ себѣ Дунюшка въ гости милаго
дружка;
Не дождамшись, Дунюшка ложилася спать
одна,
Ложилася спать одна на тесовую кровать.
Пришелъ ко мнѣ миленький во самую во
полночь,
Стучить, гремитъ миленький въ косящето
окно:

„Спиши ли, не спиши, Дунюшка, или такъ
больше лежиши?“
— Сплю я, не сплю, Ванюшка, больше такъ
съ горя лежу.—

Пѣсни 1527—1602 записаны самимъ П. В. К-имъ
въ юлѣ (7-го, 11, 17, 20, 23, 24 и 31), августѣ (1,
4, 5, 7, 9—11, 16, 17, 20, 26 и 27), сентябрѣ (1—
4 и 13) и октябрѣ (4-го и 31-го) 1833 г.—Ред.

д) Верейскій уѣздъ, г. Верея.

1603.

Не спалось-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, ночку,
не дремалось,
Ужъ и много-то мнѣ во снѣ видѣлось:
Ужъ какъ будто бы подымалися вѣтры, вѣт-
рочки,
Со палатъ верхъ поносило,
Въ терему двери растворялись,
На столахъ ясты расплескались;
За столомъ сидѣть злой, лихой татаринъ,
Передъ нимъ стоитъ красна дѣвица,
Русская полонянка;
Передъ нимъ-то стоючи,
Сама слезно плачетъ;
Ужъ какъ злой, лихой татаринъ
Дѣвушку плашать унимаетъ,
Бѣлымъ платкомъ слезы

Онъ ей утираетъ:

„Ты не плачь, не плачь, красная дѣвица,
Русская полонянка!
Я сошью-то, сошью тебѣ кунью шубочку
Съ дорогими соболями;
Я солью, солью золотъ перстень
Съ дорогимъ алмазомъ.“
Ему дѣвушка отвѣчала:
— Ты не шей, не шей кунью шубочку,
Съ дорогими соболями,
Ты не лей, не лей золотъ перстень
Съ дорогимъ алмазомъ;
Ты пусти, пусти дѣвушку на волюшку,
На свою прежнюю сторонушку!—
Онъ дѣвушкѣ отвѣчать,
А на волю ее не пущаетъ.

Доставлена М. С. Мухановымъ.

е) Верейскій уѣздъ, д. Клинъ.

1604 (1).

Дѣвка по лужечку гуляла,
Зло коренье копала,
Вырыла злы коренья,
По на Дунай рѣку пошла,
Вымыла злы коренья.
— Сухо на сухо сушу;
Иссушомши-жъ злы коренья,
Въ меду, въ сахарѣ сварю,
Дружка въ гости позову;
Позову я дружка въ гости,
Въ на кроватку посажу,
Стаканъ меду поднесу.
Поднесу я стаканъ мѣду,
У любезнаго спрошу:
„Скажи, скажи, любезной,
Что на сердцѣ на твоемъ?“
— На моемъ ли на сердечкѣ,
Словно камушекъ лежить.
Хочу я, дружокъ, скоро умереть,
Я когда я, другъ, скончаясь,
Чтобы мое тѣло склонить.
Склоните мое тѣло при трехъ

При большихъ дорогъ;
На всякой дорожунѣкѣ положите
Что три примѣтушки мои:
А первую примѣту—
Мою шляпу со перомъ*)
Портуюю съ тисакомъ,
Третью примѣту—кавалеріе мое.—

*) Далѣе зачеркнуто: „мой киверь съ тесакомъ“.

1605 (2).

Въ Никуличенкѣ-то князь Голицынъ
По лужкамъ гуляить;
Іёнъ гуляить-то князь Голицынъ—
Что про все размышлять,
Размышлять-то князь Голицынъ
Гдѣ въ Москву проѣхать?
„Табѣ ѿхать-то, князь Голицынъ,
Лѣсомъ-то, князю, ѿхать“.
— Лѣсомъ-то мнѣ тѣсно.—
„А болотомъ-то князю ѿхать“.
— Болотами грязно

Миѣ ѿхать—что князь Голицынъ.—
 „Дорожкою князю ѿхать“.
 — Дороженькою—пыльно.
 Миѣ Москвою-то ѿхать славной слободио,
 Улицей Емскою,
 Глухимъ переулкомъ.—
 Подъязжайто князь Голицынъ
 Ко церкови, ко собору,
 Скидавайто князь Голицынъ
 Шапочку соболью,
 Богу помолитцы,
 Царю поклонитцы:
 „Ужъ ты, батюшка государь царь,
 Чѣмъ ты меня пожалуинъ?“
 — Я тябя пожалую, князь Голицынъ,
 Мелкими селами,
 Голыми полями,
 Ишчо я тебя малымъ Ярославцемъ,
 Ишчо я тибя пожалую:
 Во полѣ хоромы,
 Не крыты, не мшоны,
 Свѣтомъ обложоны.—

1606. (3).

Была Танюшка злато честное,
 Уродилася безсчастная;
 Не знаю, какъ быть,
 По несчастью жить:
 Во несчастьѣ Танѣ жить,
 Печаль тоску отложить;
 Не стану тужить,
 По цустомъ тужить не стану,
 Скоро плакать перестану;
 Все это пустое—
 Наносное слово;
 Не боюся пустыхъ словъ,
 Да шлю милому пословъ,
 Чтобы миль пришелъ
 Ко мнѣ побувать.
 Идеть милой ко двору,
 Поклонъ милому воздамши,
 Цѣловалася, обнимала,
 Сѣла на траву
 Подъ яблонь въ саду;
 Подъ яблонью сидѣли,
 Таки рѣчи говорили,
 Забавны слова.
 Не боялась пустыхъ словъ;
 Пошли ко милому пословъ,
 Что бы миль припель,
 Ко мнѣ побувать.
 Идеть милой ко двору
 Огородомъ вечеру;
 Поклонъ Донюшкѣ воздамши,

Цѣловалася, обнимала,
 Сѣла она на траву
 Подъ яблонь во саду;
 Подъ яблонью сѣла на траву,
 Подъ яблонью сидѣла,
 Таки рѣчи говорила,
 Забавны слова
 Сама про себя:
 Я сама себя згубила,—
 Дружку тайнось объявила,
 Кого жъ любила,
 На вѣки да тебя.
 Я солдата полюбила,
 Солдата отбрѣсила,
 Подъячаго любить стала,
 Подъ видомъ „люблю“
 Всяво изсушу.
 Я мово дружка бросила,
 Молодчика полюбила.
 Парень молодой
 Въ люби жилъ со мной,
 Я за то яво любила—
 Въ человальничѣ было,
 Я ко нему ходила,
 Научилась вино пить,
 Подъстегвой (?) стала сlyть.
 Я и самъ тово дошель,
 Какъ Тани стало до стыда,
 Что люди смѣютцы въ глаза,
 Во глаза говорять.
 Отецъ больно Таню билъ,
 Уму-разуму училъ,
 Да не научиль;
 Пошли б.... со двора,
 Я учить болѣ не стану;
 Отдалъ бы яе замужъ,
 Да нѣтъ жаниховъ.
 Кабѣ присватался женихъ—
 Изъ Романова старикъ,
 Девеносто лѣтъ,
 Хотѣлъ любиши, хотѣлъ нѣтъ.
 Она говорить:
 „Побой много приниму,
 Съ бородою не люблю.
 Либо утоцлюсь,
 Либо удавлюсь,
 Побой много приниму,
 Съ бородою не люблю“.
 — Мыслевъ такихъ нѣту—
 Съ бородою любиши.—
 То слышалъ прежній дружокъ милой
 Отдаются Таню силой,
 Скорѣе прибѣжалъ.
 Хоть на малой чать,
 Говориъ Тани рѣчи Ваня:

Какъ пошли мы вмѣсть въ банию,
Проспали всю ночь до бѣлаго дня.

1607 (4).

По Питерской, Владимирской дорожки
Что шли, прошли казаки молодые,
За казаками идуть матушки родныя.
„Вы не плачьте, наши матушки родныя;
Во по пути слезахъ дороженьки не видно“. Съ возрыданьца словечка не промолвить,
Какъ возговорять казаки молодые:
„Вы не плачьте, наши матушки родныя,
Внезмачить же вамъ сырой земли слезами
Внезаполнить имя моря—горючами“. Какъ не ясненъ соколь съ тепла гнѣзда сля-
тастъ,
Какъ молодой казакъ съ фатерушки свѣз-
жаетъ,
Какъ ни отецъ ни мать провожаетъ,
Что провожаетъ, уважаетъ красна дѣвушка.
Красна дѣвка, красна дѣвка, сиротина!
Сиротина, сиротина—зоутъ Катерина.
Катерина, Катерина—Матярина
Во всѣ рѣчи говорила:
„И не дай, Боже, казакамъ воротици,
По старыемъ фатерамъ становици,
Со милою повадици!“

1608 (5).

Разбещастнинькой король,
Король безталанникей
На свитѣ родилсы,
Іонъ на конинькемъ король

Разъѣжайтъ,
Ничаго жъ то король ни знать;
И толька знаетъ то король
Про свою армеюшку—
Пошла подъ француза.
Что пришли-то, пришли
Къ королю газетушки,
Да не радошные,
За черною печатью.
Роспечаталь-то король
Свои газетушки,
Самъ слезно заплакаль.
„Мнѣ не жаль-то, не жаль,
Королю, армеюшки,
Жалко-то мнѣ
Одного сенатора;
А и что-то мнѣ жалко
Своево племянничка,
Своево роднова“. Что повѣсиль-то король
Свою буйную головушку.
Къ на направую сторонушку,
Пріутупиль-то король
Свои очи ясные:
„Ужъ ты, дѣвица моя,
Раскрасавица моя,
Подай же ты мнѣ листъ бумажки,
Перо со черниломъ;
Напишу я во Прусскую землю....“^{*)}

Пѣсни 1604—1608 съ помѣтой: „Кавелинъ“. Записаны были фонетически.

^{*)} Конца пѣсни нѣтъ.—Ред.

ж) Г. Дмитровъ.

1609.

Полинька, Полинька, дѣвочонка моя!
Гдѣ же ты, Поляночка, погуливала?
Не видать, не слыхать и не чутъ про неѣ.
Заразъ дѣвчина проявилась на дворѣ,
Не одна пришла—со милемъ дружкомъ,
Похахалася съ дружкомъ, похахалася съ ми-
Дѣвки зрять, всѣ красавицы глядятъ: [мымъ].
„Не дивуйтесь, дѣвицы, что сама на дворѣ
пришла,
Со милемъ дружкомъ похахалася, съ милемъ.
Ахъ лучше, сестрицы, запойте козачка,
Того ли—казачка и забавничка“. Казачекъ, казачекъ, казакъ миленький дру-
жокъ.

Тебя скачимъ, тебя пляшимъ, тебя веселимъ.
Ой, дай Боже намъ по чужимъ мужьямъ,
По чужимъ мужьямъ, по хорошимъ молодцамъ,
Зашуркать, забуркать за хорошихъ молодцовъ,
За хорошихъ удальцовъ, чернобровыхъ удаль-
цовъ,
Чернобровыхъ, черноглазыхъ, русокудре-
ватаыхъ.
Ай поздно на дворѣ, пора, милый, со двора!
Прощай, милал каханка, прости сердце мое!

1610.

По улицѣ, улицѣ,
По травушкѣ, травушкѣ,
По лазоревымъ по цвѣтикамъ.

Красна дѣвка въ танецъ пошла;
Во томъ танцѣ танцевала,
Танцевавши пріѣстала,
Пріѣставши придремала,
Придремавши пріѣснула
У молодца на колѣняхъ,
У роднова подъ гуслями.
Молодецъ въ гусли играетъ,
Красавицу забавляетъ:
„Встань, дѣвушка, встань, лапушка,
Встань, бѣлая голубушка.
Вотъ твой идетъ твой батюшка“.
— Я батюшки не боюся,
Родимова не страшуся:

Мой батюшка не чужой,
Родимой мой, не лихой;
Побьетъ, побьетъ, пожурить
И опять иомилуетъ.—
Красная дѣвица слезно плачетъ,
Слезно плачетъ, взрыдааетъ,
Свово дружка вспоминаеть,
Свово дружка Иванушку:
— Иванушка, мой, батюшка,
Сергѣюшка сердючушко,
Петрушинъка, мой душенъка,
Семенушка зазнобушка,
Алешинъка хорошинъкой,
Васильюшка соколокъ.

3) Серпуховскій у., с. Солнушково.

1611.

Ты—куколка,
Я—куколка,
Ты—маленька,
Я—маленька,
Что жъ мнѣ долго не была?
Боялась тицунѣ!
Тицунѣ тебѣ не судья,
Судья тебѣ владыко;
Владыкины дѣти
Хотѣли летѣти
Ко царю на болото;

Что царь дѣлаетъ?
Стару ногу пишеть,
Стара нога подломилась,
Царь покатился;
Жена у него Марья,
По сѣнямъ ходила
Сына породила
Какъ имя? Царя Константина.
Бубеноры бубенъ, отдай свою дочку
За нашего князя.
Три шатра шито,
Бумагой крыто,
Гвоздями убито!